

Тамара Львова

СНОВИДЕННЫЙ МИР



Сказки и сказы

Тамара Львова

СНОВИДЕННЫЙ МИР

Сказки и сказы

Омск 2014

УДК 821. 161. 1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л 891

Львова Т.А.
Сновиденный мир.
Проза. Омск — 2014. 272 с.

ISBN 978-5-9931-0289-4

Сновиденный Мир — сборник сказок и сказов.
...Ветер с моря долетает до глухих лесов и поёт среди луговых трав... Но что это? В порывах ветра чудится тихая музыка ангельских сфер. Листок ли дубовый падает на гранитный лоб валуна или перо, нечаянно оброненное ангелом? Реальность и вымысел гармонично переплетаются в новой книге Тамары Львовой, приглашая читателя в удивительный, волнующий мир сказки.

Может быть, за обыденностью действительно существуют иные измерения? Мы называем их по-разному, навещаем во сне, но кто знает, что на самом деле ограждает нас от этих миров. Насколько автору удалось приподнять таинственный занавес, судить вам.

*Автор сердечно благодарит Константина Виноградова
и Юлию Моркину за дружескую помощь*

© Львова Т.А.
© Радзиевская Ю.П. Дизайн. 2014



СКАЗКИ

*Посвящается моей
средней сестре Насте*

Водяной

1.

Итак, она пришла сюда с твёрдым намерением очистить пруд. Злость наконец-то унялась в груди, и Настя перестала мысленно костерить рабочих парка. Целый час инвентарь отвоёвывала. Что за народ пошёл! Она чертыхнулась в сердцах, но тут же взяла себя в руки. Нехорошо начинать первый день труда со злости.

Был месяц апрель. Время, когда снега нетронутой кучей ещё лежали в оврагах и низинах, но уже поблёскивали сосульки на крышах домов. Всё начинало таять, всё только пробуждалось от зимней спячки. В деревнях не так быстро: то мороз ударит, то снег высыпает, как из лукошка, зато в городе давно журчат ручьи.

Парк, куда пришла Настя, раскинулся на окраине, обнимая с берега быструю и широкую реку. Город не был беден зелёными зонами, но только здесь воздух был чист и свеж. Маленькие заводы и пруды прекрасно гармонировали с ивами, тополями и елями, берёзами, кучерявыми по весне. Если поискать, можно найти древние дубы, а уж клёнов и мелких яблонек и груш видимо-невидимо.

Маленький пруд Настя в прошлом году облюбовала. Он показался ей сказочно красивым. Старые ивы купают ветви в воде, обступив его так тесно, что только зимой можно различить покатые берега и жёлтые сухие камыши. Лишь в одном месте можно было пройти к пруду — по дорожке, выложенной маленькими белыми плитками. Проникнешь вглубь, в сердцевину, и ахнешь. Вокруг камыши шепчутся-шелестят, трава ноги оплетает и нежит, ивы манят укрыться в ветвях, а вода зовёт очиститься и забыть обо всём. И всё бы хорошо — ан нет! За несколько десятилетий столько мусора скопилось!

— Вот лентяи! — думала Настя про рабочих парка. — Чтоб им пусто было! Только и знают, что стричь траву и клумбы окучивать. Другие пруды сами собой вымываются, сгоняя мусор в реку, а этот, значит, пусть загнивает, словно на нём проклятье какое?

Пруд был не больше пятидесяти метров в длину, а в ширину — двадцать, и не глубже человеческого роста. Один рабочий бы за пару месяцев справился, а Настя и подавно, ибо упрямая и своевольная была с рождения.

Взяв отвоёванный инвентарь: грабли, вилы и большие полиэтиленовые мешки, — девушка взялась за работу, но задумалась, гадая, с чего начать и как лучше развернуть дело. Ветер терзал камыши, гнал по воде бумажки и листья, в середине пруда плавал ещё не растаявший лёд. Как же быть? В камышах мусор — руками век выбирать будешь, и грабли не помогут, изломают сушняк, и будет только хуже.

— А может, вырвать его к чертям собачьим и выгрести всё начисто. Камыш живуч, как сорняк, разрастётся ещё.

Настя подошла, взяла небольшой пучок, дёрнула — эффект потрясающий, половина сломалась, половина вылезла с комьями грязи. Однако это её нисколько не смутило, и она продолжила своё дело. Корни камышей перекочёвывали из пруда в мешок, а сухие стебли Настя складывала в тихом, безветренном месте, чтобы потом сжечь. Взяв на глаз примерно около метра, пустила в ход грабли и айда выгребать битые бутылки, размокшую бумагу, тряпьё и всякую дрянь. Почему-то очень быстро вздулись мозоли на руках, зашипало в глазах от набежавшего пота, растрепалась коса. С грехом пополам за три часа Настя расчистила около двух метров вдоль берега. Утирая платком пот и разминая затёкшую спину, девушка села на сухой пригорок. Разные идеи по очистке пруда вертелись у неё в голове.



Кусая губу и щура глаза на заходящее солнце, Настя всё обдумала и спланировала.

На следующий день она перво-наперво огородила пруд, обвязав его верёвкой. Чего греха таить, Настя изорвала свой старый красный халат, который пошёл на узелки. А колышки и верёвку она выклянчила у своего деда. Нашлись крепкие рукавицы — спасение от заноз, голубая лента для подвязки волос, и укрепилось желание всё исполнить.

И вот потекло однообразие очистительных работ. Выгадывая дни, не забывая о колледже и домашних делах, Настя три раза в неделю навещала пруд, наглотавшись пыли, обветрив лицо и намучив спину. И тут встала проблема середины пруда, то есть глубины — лёд там только-только растаял. Так и эдак прикинув, Настя решила на постройку небольшого плота. День ушёл на поиски двух брёвен и на то, чтобы притащить их к пруду, ещё день ушёл на постройку. Забыв о гордости, Настя опять выпросила у деда гвозди, молоток и несколько широких досок, заготовленных для дачи. Уже и плот готов, и он отлично выдержал экзамен её веса, но встала другая проблема: как достать до дна?

Несколько дней девушка ломала голову, пока дед не подсказал. Он любил внучку непутёвую, знал, что в него характером уродилась. Вместе они сделали огромный сачок. Настя сплела крепкую сеть-мешок, а дед из бывшего баскетбольного железного круга сделал заготовку. Девушка проволокой приладила сеть к окружью, насадила на шест — и сачок готов.

Расцеловав деда, Настя потратила выходной на очистку первых двух метров дна в длину.

... Медленно, но верно пруд становился чище и светлее. Вместе с девушкой всюду трудилась проснувшаяся природа. Набухли на ветках деревьев сочные почки, готовые разрушить тишину и вырваться на свободу изумрудными листьями. Закопошились серые полёвки и сурки, загомонили птицы. Солнце поднималось всё выше и всё жарче припекало сверху землю. Снега теперь не сыщешь. Он умчался звонкими ручьями в дальнейшее путешествие. Перелётные птицы вили гнёзда. На прудах переключались дикие утки и протяжно звенел крик чайки.

На своём пруду упрямая девушка ожесточённо скребла дно и справлялась с мусором, сжигая всё, что можно было сжечь. Му-



дрый дед украдкой улыбался в усы, когда бабушка выговаривала ей за грязный вид и запахи, ибо внушка пропахла костром и пылью не хуже бродяги.

Настя давно жила в их частном доме на окраине города, без сожаления отказавшись от благоустроенной квартиры родителей. Ведь у деда можно было возиться в сарайчике с гвоздями и досками, лазить на чердак и читать книги о разных небывалых явлениях. Никто здесь не гнал её за порог к знакомым, в клуб или на танцы, которые Настя терпеть не могла, считая молодых парней глупее мошек, жужжащих над ухом.

Здесь дед давал дельные советы, а бабушка рассказывала сказки. Настя всегда жалела о том, что не родилась в древнее время, когда ещё водились лешие в лесах и домовые за печкой.

2.

...Дух проснулся оттого, что кто-то мутит воду, и не в первый раз. Туманное сознание очнулось и зашевелило тусклыми нитями разума. Он поднялся на поверхность невидимой тенью и застыл над водой в изумлении. Там, на плоту, какая-то девушка бередила воду, пытаясь очистить его пруд! Он облетел вокруг девушки, даже заглянул в глаза, чего делать не любил, но так ничего и не понял. Качаясь на волнах, дух стал размышлять. Он помнил, что таких, как он, люди называют утопленниками. Единственное, что Дух пытался забыть, так это причину, побудившую его на такой поступок. Тело похоронили, но душа осталась существовать в этом пруду. Прошло много лет, а он всё не мог оторваться от земли и улететь в Лучший мир.

Дух мог парить над парком, управлять водой пруда, но чаще впадал в сумрачное полузабытьё, похожее на сон без сновидений. Но вдруг он проснулся. За прошедшие годы никому и в голову не приходило копаться в его водоёме. Всякий, кто хотел, кидал в воду разную гадость. Неужели эта девушка решилась одна, без помощи, очистить пруд? Дух не понимал: может, люди за прошедшее время изменились?!



Он поднялся и полетел посмотреть на отдыхающих. Те же взгляды, те же мысли, даже темы разговоров не изменились. Он вернулся и прилёг на берегу, в нём зажёгся интерес, и он решил понаблюдать за ней.

...Настя выбралась на берег и, скинув сапоги, вытянула ноги к воде. На плоту лежал только что выловленный разлагающийся труп собаки.

— Что ж это такое! Хорошо хоть не дохлая корова, — процедила она сквозь зубы, — потому что, если так дальше пойдёт, я смогу открыть свой археологический музей.

Нещадно ныла спина, кружилась голова, и болели уставшие ноги. Коса растрепалась, волосы снова лезли в глаза. Девушка решила чуть передохнуть, легла и прикрыла глаза рукой. Солнце так пригрело, что она задремала.

Дух подобрался ближе и застыл на поверхности пруда. Девушка лежала и что-то бормотала в полусне. Под глазами пролегли тени. Тело устало так, что проснись она, всё равно не смогла бы сразу подняться. Духу стало её жаль, чем-то эта девушка ему понравилась, и он захотел смягчить её усталость. Вода медленно поползла к её обнажённым ступням, накрыла и поднялась до коленей. Водяные руки мягко гладили натруженные мышцы. Девушка глубоко вздохнула и пошевелилась, в этот же момент вода схлынула с её ног.

Настя очнулась оттого, что почувствовала странное облегчение во всём теле, от этой лёгкости хотелось петь, прыгать и веселиться. Девушка поднялась и, что-то мурлыча под нос, снова взялась за работу. Труп собаки перекидывал в мешок, сачок очищен. Забравшись на плот, она отправилась на середину пруда.

Дух расположился на пригорке и глубоко задумался. Он не ожидал, что будет так приятно коснуться её горячих ног, почувствовать тепло её души. Забытые ощущения оживали, тревожа и радуя одновременно. Как бы там ни было, Дух решил ей помочь. Сначала он «отведёт» глаза людям от пруда, чтобы никто не потревожил Настеньку (чудесное имя, он прочёл его в душе девушки), а потом... потом Дух обязательно познакомится с нею. Он захотел стать её другом.



3.

Апрель шёл к концу. Давно из земли вылезла трава, кое-где проглядывали золотистые зонтики одуванчиков. Парк медленно, но верно зеленел, а вокруг почти очищенного пруда стали вытягиваться листья молодого камыша — сухой и грязный Настя давно вырвала. Воздух наполнялся благоуханием, подступала пора цветения.

...Сачок зацепился за корягу, и Настя со вздохом полезла в холодную воду.

— Ну вот опять придётся разводить костёр и сушиться, — сокрушалась она.

Ей пришлось пару раз нырнуть, пока она не нащупала бревно. Оно разбухло от воды и так глубоко засело в иле, что у девушки не хватало сил вытащить его. Она выбралась на берег и задумалась. Вдруг мутная волна воды поднялась — и перед изумлённой Настей предстало существо, состоящее не из плоти и крови, а из воды! Сквозь фигуру этого существа просвечивали лучи солнца, можно было разглядеть в нитях воды сухие листочки. Существо медленно приблизилось к девушке и протянуло водяную руку. Настя ойкнула и попятилась. Существо последовало за ней. И тут, не на шутку перепугавшись, девушка побежала вглубь парка, прихватив на ходу одежду. Она мчалась, не разбирая дороги, боясь оглянуться, и никак не могла поверить в то, что случилось.

— Я что, чудище водяное разбудила?! — думала Настя и на ходу пыталась одеться.

— Не бойся меня, — прошепел чей-то голос совсем близко.

Девушка испуганно прижалась к дереву.

— Не бойся меня, — снова прозвучал тихий шёпот.

Настя крикнула:

— Кто ты? Что тебе нужно?

— Я был когда-то человеком. Я хочу помочь тебе.

— Откуда ты?

— Я живу в пруду, который ты очищаешь. Ты разбудила меня. Позволь мне быть рядом с тобой.

— Зачем? — снова спросила она, удивляясь всё больше и больше.

— Не знаю...

Настя вздохнула и побрела обратно. Когда она подошла к пруду, волна снова приподнялась и образовала фигуру. Девушка протянула руку и осторожно провела пальцами по его плечу — холодная, податливая вода и ничего больше.

— Неужели ты — «водяной»? — Ей вдруг захотелось, чтобы эта догадка оказалась правдой, всё очень походило на сказку.

Он ответил:

— Наверно. Я не знаю.

— Говоришь, был человеком, ты, случайно, не утонул?

— Да, утонул и теперь живу здесь.

— Ну хорошо. Я тебя уже не боюсь. — Вдруг она рассмеялась: — Ха! Но ведь это здорово! А чем ты можешь мне помочь?

Вода в пруду заволновалась, и на поверхности появилось злополучное бревно. Волна отнесла его к берегу.

— Ух ты! — Девушка обрадовалась и протянула руку. — Меня Настей зовут.

Водяной кивнул, и рукопожатие на этом состоялось.

Шли дни. Настю тянуло в парк не только из-за пруда. Необычный друг заполнил её жизнь новым смыслом. Совсем другая сторона мироощущения открылась ей.

— А ты можешь появиться у меня дома? — как-то спросила девушка.

— Нет, не могу. Пруд не пускает.

— А как ты оказался здесь, плавать что ли не умел? — снова спросила она.

— Умел...

Настя нахмурилась.

— Ты утопился? Сам?!

Он кивнул.

— Но почему?

Водяной долго молчал, прежде чем ответить:

— Я любил одну девушку. Мы должны были быть вместе... но жизнь всё переиначила.

— Она ушла к другому?

— Нет... она умерла. Так получилось...

Водяной поднялся и схлынул в воду. Его долго не было. Настя стала волноваться и звать. Когда он появился, волна оставила у ног девушки золотое колечко.

— Возьми, — тихо сказал Водяной, — это кольцо было когда-то на её руке. Пусть оно принесёт тебе счастье, которого у нас не было.

Девушка подняла кольцо и восхитилась: если бы не тонкий узор из четырёхлепестковых цветков и листочков по внешней стороне, можно было подумать, что это обручальное кольцо.

— Какое красивое! Тут что-то написано. — Настя развернула колечко к солнцу и прочла надпись на внутренней стороне: — ...вместе!» Перед словом многоточие, а в конце восклицательный знак и кавычки. Водяной, что это значит? — спросила девушка.

— Было два кольца, два слова, два человека... — всё так же тихо ответил Дух.

— У тебя тоже было кольцо и на твоём кольце первое слово?! — догадалась Настя.

Дух кивнул. Девушка снова спросила:

— А где оно? Где твоё колечко?

— Не знаю... Не помню... Потерял.

4.

Настало долгожданное лето. Водяной стал болтливым, и виной этому была Настя, она неустанно сыпала вопросами.

— Каким ты видишь мир?

— Мир как бы разделился на две половины. Одна плавно переходит в другую. Грани между ними нет.

— Это понятно, но КАКИМ ты его видишь? — не унималась она.

Водяной задумался:

— Трудно объяснить. Я его не вижу. Я его чувствую. У меня нет тела, чтобы видеть его глазами, трогать руками, ощущать вкус. Моё сознание концентрируется, и я чувствую, что вокруг деревьев, хотя они не такие, какими я видел их раньше. Деревья более живые, чем ты можешь представить. Но, чтобы увидеть мир так, как видят его люди, нужно очень сильно постараться.

— Значит, ты не видишь меня?! — девушка огорчилась.

— Я чувствую твою душу. Нам, духам, невозможно что-либо видеть днём. Свет солнца застилает весь мир, перебивая излучения вещей.

— А ночью?

— Ночью легко. Свет луны мягок, он очерчивает форму мира, даёт возможность различать любой предмет и увидеть суть человеческой души.

— Значит, ты можешь увидеть меня только ночью?!

— Да.

— А сейчас, какой ты видишь меня сейчас?

— Твоя душа похожа на большую зелёную бабочку, спящую в белом коконе. Я люблю смотреть на твою душу, но это нелегко.

Наконец пруд был очищен. Его берега оплели молодой камыш и трава-мурава. Ивы густой листвой защищали его со всех сторон. Но, несмотря на радостный миг, Настя тревожно смотрела на водоём. Прделанная работа не удовлетворяла её. Со дна поднимался ил, в такой воде не купаешься и не отдохнёшь. И здесь ей снова помог Водяной.

— Я этой ночью облетел парк и нашёл кучи мелкого булыжника.

Он показал ей место, где лежали груды камней, но Настя покачала головой, огорчившись ещё больше.

— Как я перетаскаю такую тяжесть? Расстояние слишком велико. Мне и лета не хватит, чтобы покрыть дно пруда этими камнями.

— Я могу помочь, — прошептал рядом Водяной, накрыв её плечи волной прохлады.

Настя села на траву возле камней и устало развела руками:

— Но как?

— Смотри...

И она увидела: к её ногам подкатился один булыжник, затем другой и третий. Настя подскочила и захлопала в ладоши.

— Здорово! Только днём нельзя их так перекачивать, люди могут заметить. Знаешь что, я приду ночью!

Девушка не стала долго ждать, в первые же выходные она сказала своим старикам, что ложится пораньше спать, а сама открыла окно, тихонько выскользнула во двор и отправилась в парк, благо он был не очень далеко от дома.

Водяной уже ждал. Он встречал её на границе парка.
— Теперь ты видишь меня? — спросила Настя и почему-то разволновалась.

— Да. Ты... — красивая.

Девушка отмахнулась от комплимента.

— Водяной! Если б я могла увидеть мир твоими глазами, почувствовать так, как чувствуешь его ты! — страстно заговорила она.

Он приблизился к ней, мерцая голубоватой тенью.

— Хорошо, я попробую. Только не пугайся и будь спокойной. Сотвори в себе тишину и покой... — Его руки легли на её глаза.

Сначала ничего не было, но вскоре всё расплылось перед взором Насти. Мир покрылся жемчужной пылью. Странные холмы и возвышенности переливались и мерцали. В радужном пространстве вспыхивали и исчезали разноцветные огни. Мелькали в стремительном полёте крылатые тени. Весь мир был пронизан звуками тихой звенящей музыки, которую можно было сравнить с шелестом листвы, пением ветра, журчанием ручья.

Настю охватил радостный трепет, она вытянула руки и посмотрела на них. Руки меняли очертания, словно её взгляд снимал с них покровы. Они светились оранжевым светом, затем голубым, и вскоре появились очертания изумрудно-зелёного крыла.

— Я хочу парить, Водяной! Я хочу летать! — взмолилась Настя и не успела договорить, как ощутила парение своего тела.

Свобода! Какая небывалая свобода в душе! Девушка страстно потянулась вверх туда, где за жемчужно-серебристой пеленой чудился мир радости и света.

Неожиданно сверху что-то налетело и хлопнуло её по голове. Настя упала и очнулась на траве под ивами. Рядом сидел Водяной и гладил её по плечу.

— Что... что это было? — спросила она.

— Я тебя не пустил. Живым запрещено в сознании появляться в потустороннем мире.

Настя поднялась:

— Почему?

Они пошли к месту, где был свален мелкий булыжник.

— Очень опасно, Настенька, живые редко возвращаются обратно в мир по собственному желанию. На земле тяжело, а в потусторонности... все снова хотят вернуться в ощущение свободы и лёгкости.

Девушка вздохнула и приложила руку ко лбу:
— Голова болит. Водяной, а эти огни, что это?
— Души-призраки, духи. Их великое множество.
— А что они делают в мире живых?
Водяной развёл руками:

— Ты забываешь, что мир живых и мир, скажем, тех, кто познал смерть плоти, — это две стороны одной монеты. Многие не уходят, потому что не могут. Их удерживают неоконченные дела, преступления, физические желанья, иногда их удерживает любовь и страдания близких.

Они подошли к намеченному месту. Под давлением воли Водяного булыжники зашевелились и покатались, выстраиваясь в ровные ряды.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросила девушка, увлечённо наблюдая за маршем камней.

— Делай то же, что и я.

— А что ты делаешь?

— Концентрирую мысль и вливаю свою силу в камни.

— Как это? Я, наверное, не смогу.

— Сможешь, ты просто не осознаёшь. Поверь в это и почувствуй себя в этих камнях. Это всё равно, что владеть своими руками и ногами. Пусть камни станут продолжением тебя самой!

Настя попыталась. После того как Водяной открыл ей потусторонний мир, её зрение раздвоилось, ей чудилось, будто серебристые нити потянулись к камням и она почувствовала их.

— Не напрягайся, расслабься, — напутствовал тихий шёпот друга.

Одни, затем другие камни повиновались её просьбе и потекли к пруду. Она не верила своим глазам.

— Получается, Водяной, я могу! — девушка расплакалась. Он приблизился и обнял её.

— Конечно, можешь.

Так до рассвета текли колонны камней, устилая толстым слоем дно маленького пруда.

5.

Утро и часть дня Настя проспала под защитой ив и под бдительным вниманием Водяного. Ей снился сон, будто она на огненном коне скользила по солнечному лучу. Очнувшись, словно от толчка, и сразу позвала:

— Водяной?

Прохладная рука легла на её плечо.

— Ты изменилась.

— Благодаря тебе. Ты многому научил меня.

Он задумался:

— От этого жизнь не станет легче и проще. Ты не похожа на других. Мой друг, ты дитя света. Многие же люди темны и корыстны. Будь вдвойне осторожна.

Водяной поднялся и схлынул в пруд. Настя тоже поднялась, чтобы умыться и заплести косу.

— Здесь ещё чего-то не хватает, — вздохнула она и тряхнула головой. — Нужно, чтобы вода в пруду могла пополняться. Иначе она застоится и начнёт цвести.

Водяной поднялся из воды по пояс и откликнулся:

— Нужно подвести родник.

— Точно! — согласилась Настя. — Тогда уровень воды поднимется и достанет до трубы, соединяющей этот пруд с другим. Так он будет вымываться естественным образом, осталось найти подземный поток и вывести на поверхность.

— Это не трудно, ты поможешь мне? — Он снова оказался рядом.

— Что нужно сделать? — Она уже не сомневалась в своих способностях.

— Опустись внутренним взором вглубь земли и прислушайся, нет ли поблизости шума текущей воды.

— Нашла! Совсем близко, — воскликнула девушка.

Водяной прикоснулся к её плечам:

— Теперь медленно выведи маленький поток на поверхность, освободи ему маленькую дорожку вверх.

Земля неохотно поддавалась терпеливому натиску двойной воли. Почва у ног девушки зашевелилась и забил родничок.

— Ура! Получилось! — Настя взяла несколько булыжников и обложила ими родившийся родничок, расчистила для него спуск в пруд.

Девушка окинула взором свою работу и испытала тихую радость. Цель достигнута, желание исполнилось. Тут она заметила, что Водяного нет рядом, и позвала его.

— Я свободен! — Водяной парил над гладью воды, и голос его звучал уверенно. — Теперь я могу уйти, пруд больше не удерживает меня. Ты помогла мне освободиться от моего горя! Настя, ты помогла мне очистить душу от печали!

— Ты мой единственный друг, Водяной... как же... ты... Водяной, нет, не уходи.

Девушка расплакалась, умом она понимала, что ему не следует больше задерживаться здесь. Но сердце, сердце желало иного. Водяной приблизился, и его руки мягко обняли её плечи.

— Не печалься, Настенька, все сказки, помнишь, всегда заканчивались хорошо.

Поверь, и наша сказка будет не хуже других. Я не оставляю тебя, пока не буду уверен в твоём благополучии.

— Но во всех сказках принц находит свою принцессу и все счастливы. А я не хочу принца, я хочу, чтобы со мной был мой Водяной, мой друг, моя радость... — Слёзы лились градом, она не успевала смахивать их с побледневшего лица.

Водяной окутывал её собой, его существо теперь не было прохладным, оно излучало тепло, и он пытался согреть и успокоить девушку.

— Прости, — проговорила Настя, немного успокоившись, — постараюсь больше не плакать. Нельзя удерживать тебя. Но я буду всегда скучать по тебе. Мы, наверное, никогда больше не встретимся...

Водяной погладил её русые волосы.

— Я могу родиться твоим сыном.

Она сразу перестала всхлипывать:

— Сыном? А разве это возможно?

— Возможно, если мы оба сильно захотим этого. Особенно ты.

— Хм, моим сыном... Так это ж здорово! Конечно, хочу! — И она улыбнулась.

6.

Настя отдыхала под тенью раскидистой ивы. Ветви дерева, одетые в листву, купались в чистой воде пруда. Солнечные блики сверкали на волнах, день обещал быть жарким и томительным. Вдруг тишину нарушил громкий всплеск. Девушка приподнялась с ковра травы и сквозь завесу листвы разглядела купающегося молодого мужчину. Он плескался в пруду и фыркал, как морской лев. Настя нахмурилась: ещё никто не нарушал покой её пруда.

...Молодой парень скинул одежду и бросился в объятия ласковой воды. Приятная прохлада окутала его тело, он развернулся к дальнему берегу, собираясь сделать несколько больших бросков, и замер: разводя ветви ивы, словно зелёные шторы, навстречу вышла РУСАЛКА!

На диск солнца набежало облачко, и сказочный миг явления померк. Теперь он видел, что к нему шла молоденькая девушка в голубом купальнике, с длинными распущенными волосами. Локоны этих русых волос лежали на воде, как пух, ловя искры убегающих лучей. Но глаза неведомой незнакомки почему-то смотрели на него строго.

— Как ты попал сюда? — спросила она, прикрыв ладошкой глаза, защищаясь от солнца.

Парень весело усмехнулся:

— По дорожке из белых плиток. Хотя её почти не видно, а раньше легко можно было найти сюда дорогу. Спасибо тем, кто очистил это место. Я сам хотел взяться за это...

— Что ж, я тебя опередила, — перебила его девушка, выбираясь на берег.

Он пошёл за ней, и они вместе устроились на пригорке.

— Отдаю должное твоему труду, ты хорошо поработала.

Настя улыбнулась, и ему понравилась её улыбка. Русалка, оказывается, умела улыбаться.

— Я живу здесь, неподалёку, — продолжил он. — С детства любил гулять по парку, часто заглядывал в это место.

— Почему же раньше я тебя не встречала? — спросила она, перебирая паутинки сплетённых трав.

— Служба! Я служил в Морфлоте. Где только не был: и на Сре-

земном, и на Карибском море. Океаны избородил. Так люблю воду, что друзья меня «водяным» прозвали.

Настя замерла, горячая волна чувства охватила её, добравшись до сердца.

— А пруд? Чем привлекает тебя пруд... хм, водяной?

Парень рассмеялся:

— Ты не поверишь, — и он показал Насте золотое кольцо на своей руке, — я был ещё юнцом, когда друзья, шутя, бросили меня в воду этого пруда. Я когда выбирался, запутался в колючей проволоке, исцарапался весь, шрамы до сих пор на руке остались. Кусок проволоки я вытащил на себе, пригляделся, а в колючке застряло золотое кольцо и не простое, с загадкой, которую я не могу разгадать. На нём надпись, но незаконченная. Я понял, что у этого кольца есть «подруга». Как ни странно, найденное кольцо пришлось мне впору, правда, я его почти не носил, снял перед армией и забыл, а тут случайно нашёл и вспомнил про пруд...

Настя внимательно слушала, изредка бросая на него пронзительный взгляд. Сердце сжималось, трепеща от восторга. Что-то расцветало в её душе, а молодой парень, не переставая, говорил, привычным жестом смахивая белокурые кудри назад.

— Знаешь, в этом месте есть что-то нереальное, я бы сказал, волшебное. Только пришёл из армии, и уже чудеса, — он улыбнулся. — Пруд очищен, русалку встретил. Ты не смейся, я действительно подумал, что ты русалка.

Настя улыбнулась:

— А может, так оно и есть, откуда ты знаешь?

Он долго смотрел на неё, она была необычайно хороша в золотых лучах солнца. Его рука легла на её ладошку и тихонечко сжала.

— Тогда давай знакомиться, русалка. Меня зовут Сергей.

— А меня — Настя.

Он вдруг стал очень серьёзным.

— Настя... Настенька, как в сказке...

Она смутилась ещё больше, но сняла с безымянного пальца подаренное колечко и положила на широкую ладонь Сергея. Тот ахнул и снял своё. Они положили кольца рядом, и загадка разрешилась. Два слова соединяли золотой нитью судьбы двух людей: «Навеки вместе!».

Водяной парил над ними. Теперь он не сопротивлялся притяжению солнца. Счастье переполняло его освобождённую душу. Он летел навстречу новому рождению.

В это время на другом конце парка, сдувая надоедливую прядь волос с глаз, Алёнка собирала мусор на большой поляне.

Раскидистый дуб обнимал небо могучими ветвями. Рядом пышным цветом цвели рябина и черёмуха. Зеленели дикие яблоньки и груши. Шелестел молодой кустарник. И всё бы хорошо, но везде валялись битые бутылки, рваные пакеты, бумажки и прочий хлам.

Алёна недавно приехала в город из деревни и открыла для себя этот парк. Ей так понравилась поляна, посреди которой красовался столетний дуб, вероятно, единственный в парке, что девчонка решила очистить её от мусора! Зелёные глаза горели задорным огнём, каштановые волосы выбились из-под резинки и лезли в глаза. Но Алёнка упорно собирала мусор в мешок, тихонечко напевая народную песенку: «За окном черёмуха колышется...».

г. Омск



*Посвящается моей
младшей сестре Тане*

Нефритовое ожерелье

1.

— Ри — та!
«...Толпа приблизилась, окружила сарай, точно звериная стая, загнавшая добычу. Настёна слышала голоса, нервный кашель, стук и звон; все звуки слились в рокошущий шум, который то нарастал, то опадал, словно рокот реки. И вот на взлёте волны раздался чей-то крик. Толпа ответила воем, к стенам сарая полетели пучки сухой соломы и факелы, пламя с радостным треском взметнулось к небесам. Огромный костёр разгорался в ночи, и толпа неохотно отступила, отгоняемая жаром, не сводя восторженных глаз с великолепного зрелища.

Вся дрожа, собрав остатки сил, Настя поднялась навстречу огню...»

— Ри — та!!! — настойчивый крик добрался до чердака дома. Рита поёжилась: «Опять какое-нибудь дело». И перевернула лист маленькой книжки:

«...Прихрамывая на переднюю лапу, по лесу медленно брела чёрная кошка в рыжих подпалинах. Изредка она останавливалась и оглядывалась. Там, откуда она бежала, мерцало над лесом, постепен-

но угасая, зарево пожарища. Дорогу зверьку пересёк ручей, и кошка остановилась, раздумывая. Она присела на задние лапки, правой передней сделала неувимое движение и исчезла. Вместо зверька на поляне оказалась девушка. Волосы её были грязными, одежда обгоревшей, руки и ноги в кровотокающих ссадинах.

Склонившись к ручью, Настя напилась студёной воды...»

— Марго! — злой вопль матери снова вырвал девушку из сказочного мира. Это был предел терпения. Когда мать звала её так, значит, быть ей битой. Кто-то тихонько поднимался на чердак. Рита узнала сестрёнку. Та подползла к ней и испуганно зашептала на ушко:

— Жемчужинка, мама очень сердится, за коровой пора идти!

Девушка посмотрела на часы. Да, пора.

— Сейчас пойду. Тут листочек остался. Оторваться сил нет.

Танюшка примостилась рядом:

— Почитай вслух, сестрица.

— Хорошо, только шёпотом. — И Маргарита прочла последние строки сказочной повести:

«... Невероятных размеров хвост разлётся посреди ручья, как бревно, образовав запруду, когти пропахали в земле борозды, словно плуг. Четыре глаза осветили поляну синим мёртвенным светом.

— Здравствуй, девица! — взревело страшилище, подмигнув правыми глазами. — Чего прикажешь?

— Ты, что ли, чудище лесное — зверь неслыханный? — полюбопытствовала Настя.

— Ну, я. А ты кто?

— Я — это я, — коротко заметила Настёна. Подставляй спину. Домой поедем.

Зверь позволил девушке запрыгнуть на спину и побежал. Мимо проносились деревья, отчаянно мотая ветками; замирало Настино сердце от бешеной скачки. «Зла не держу на людей, — шептали её горячие губы, — не держу зла...» Кроны могучих сосен грозно шумели под налетевшим невесть откуда ветром, ветер срывал слова с её губ и уносил прочь. А Настёна упрямо продолжала шептать, и сверху, глядя на неё, насмешливо шурились холодные звёзды...»

— А дальше что? — полюбопытствовала девчушка.

— Всё. Повесть на этом окончена.

Танюшка прижалась к её плечу.

— Расскажи, о чём сказка.

Маргарита вздохнула:

— Пойдём, по дороге за коровой расскажу.

Они слезли с чердака, пробежали по огороду, перелезли забор и двинулись к загону.

2.

Сколько Рита помнила себя, столько и слышала разных разговоров и сплетен о ней да о Танюшке. Сёстры родились от разных отцов и внешне были тоже совершенно разные. Рита напоминала одуванчик — на худом, несколько вытянутом теле совершенно белокурая голова, кудрявые завитушки не желали лежать в косе и постоянно выстреливали в разные стороны. На лице, усыпанном веснушками, огромные серо-голубые глаза и пухлые губы. Именно за глаза ревнивые девчонки в школе обзывали её «ведьмой пучеглазой». В свои неполные шестнадцать лет Маргарита была, на удивление, молчаливой и недоверчивой девушкой.

Ей было пять лет, когда в автомобильной катастрофе погиб отец. Но она помнила его — как он качал её на своих сильных руках, рассказывал сказки перед сном, пел колыбельные. Помнила прогулки с ним по парку — он забирал её из сада, сажал себе на плечи и нёс на высокий берег реки посмотреть на зелёные луга. Если что-то она не знала о нём, то этот пробел заполнял дед. Дедушка часто рассказывал ей о том, каким был её отец.

Её мама Ольга Раевская долго не горевала, сошлась с чеченцем и родила Танюшку. Жить одной семьёй не смогли — мусульманская вера не позволила. Младшая сестрёнка Риты внешностью пошла в отца: смуглая, чёрноволосая, черноглазая. По характеру ласковая и смешливая. И никто не предполагал, что две совершенно разные сестры будут так отчаянно любить друг друга и защищать. Для Риты Танюшка стала отрадой в доме, что был не мил. Да и будет ли мил дом, в котором нет отца, а мать из-за неудавшегося семейного счастья больше даёт подзатыльников, чем ласкает? Мужчины в доме не было, вот и приходилось двум девчонкам по хозяйству отдуваться. Деревня ленивых не жалуется.

Совхоз, в котором жила семья Раевских, находился на юге Сибири у границы с Казахстаном на высоком берегу, окружённый степями и рекой. И хотя до реки три километра, зато идти через луга и пруды, что с весны после разлива не высыхают. На лугах можно было собирать сладкую землянику, а в пруду белые кувшинки. С обоих берегов широкой реки лесистое поречье из ив, тополей, берёз и шиповника, деревья опутывали густые заросли ежевики, крапивы и речной мяты. Рита любила туда ходить, побродить среди берёз и собрать пучок душистых трав для чая. До ближайшего города было двести километров, но в деревне не могли похвастаться новинками технологии, телевизоры стояли только у директора совхоза и у его заместителя. Музыкальные магнитофоны тоже были редкостью и являлись мечтой каждого деревенского парня.

С раннего детства девушка верила в существование лесной и домашней нечисти: не мыши топали по ночам на печке, а домовый порядок наводил! Да и в баньке не пусто было. Как-то Рита мылась там одна. Соскочил с полки ковшик с кипятком, и она сильно ошпарилась. Девушка сразу смекнула: чем-то банника обидела! Осерчал старичок, предупреждение сделал. Рита, недолго думая, купила две древесные вехотки и сшила из них маленький кафтанчик. Помыла баню и развесила пучки сухих пахучих трав, чтобы дух стоял приятный. С тех пор она ни разу не обожглась, не угорела, а кафтанчик, который на полку положила, в тот же день исчез. Справедливости ради, веру в добрых домашних духов всячески поддерживал отец, а за ним и дед. Что ни день, дедушка подкладывал внучке книжки с волшебными сказками. Чем же ещё можно было занять свободное время от учёбы и хозяйства, если фильмы из города привозили только по воскресеньям, а по субботам проводились в местном клубе танцы. Художественные фильмы Маргарита посещала, особенно любила исторические, а танцы обходила стороной. Не нравилась ей эта толкотня под музыку. Вечерами Рита сбегала из дома в дом дедушки с бабушкой, прихватив с собой Танюшку, дед рассказывал разные занятные истории. Девушки слушали и мечтали о сказочном, нереальном мире.

Однако реальный мир частенько огорчал Риту своими тяготами, и, несмотря на обилие увлечений, она никак не могла понять, где себя проявить. Девушка училась в выпускном классе единственной деревенской школы и сдала почти все экзамены, остался один самый

трудный для неё, по физике, из-за него приходилось посещать дополнительные занятия в школе.

Сдаст она экзамен, а потом куда? Мать, по профессии медсестра, склоняла её поступить в медицинский колледж. Бабушка говорила, что самая лучшая профессия — бухгалтер, — престижная и, главное, денежная. Дедушка же мечтал увидеть внучку на сцене. Сама же Рита не знала, куда податься и какую профессию выбрать. Впрочем, она не торопилась. Да и куда торопиться таким жарким и солнечным июнем.

3.

В конце месяца в район приехали археологи. Событие для деревни примечательное, такое же важное, как приезд городского театрального кружка.

Раскопки начались в четырёх километрах от деревни, на берегу речушки Будырки, где предположительно были курганы. Археологи наняли в деревне троих парней, взяли две подводы лошадей для вывоза земли. Как-никак раскопки — дело государственной важности, а посему население деревни принимало горячее участие в их работе.

Семья Раевских не осталась в стороне. Археологи покупали у них молоко, отчего Рите приходилось три раза в неделю ездить на дальний берег речки. Её радости не было границ. Ранним вечером девушка брала велосипед, вешала на руль бидон молока и шла через рошу и степь к лагерю приезжих.

Сами археологи, а их было всего пятеро, оказались доброжелательными и общительными. С раскопок не гнали и охотно принимали помощь от желающих покопаться в земле. Таких, правда, было немного, да и эта малость потом разбежалась, не оценив всей таинственности и романтики дела. Рита быстро подружилась с археологами и часто оставалась вечером посидеть у костра, поговорить, а главное, послушать.

Место раскопок разбили на несколько участков, чтобы равномерно распределить рабочую силу. Но главной целью работ стал самый высокий курган. Как потом Рите объяснил глава группы Сергей Иванович, крупный специалист в археологии и геологии, — это древ-

нее татаро-монгольское захоронение. Когда по какой-либо причине, из-за болезни или войны, умирало большое количество людей в стойбище, то на его месте насыпали курган. А оставшиеся в живых люди приносили обильные жертвы богам и откочёвывали вглубь степи.

В первый же день своего пребывания среди новых знакомых Рита и профессор облазили большой курган. Сергей Иванович подкапывал землю с разных сторон и качал головой.

— Это что-то из ряда вон... — бормотал профессор, поглаживая седеющую тонкую бороду, — наш-то курган, вероятно, из цельного камня! А сверху землёй присыпан.

— А вы знаете, «Затылок дьявола» из такого же светлого камня, что и этот курган! — подала голос девушка, посмотрев на открытый камень.

— Какой «Затылок дьявола»? — встрепенулся Сергей Иванович.

В этот момент к ним подошёл Владимир, молодой студент из группы археологов.

Он внимательно прислушался к их разговору.

Рита замялась от смущения:

— Да есть тут у нас место одно на лугах. Никто не знает, откуда этот камень взялся. Но его всегда звали «Затылком дьявола». Камень плоский и небольшой — метра три в диаметре. В середине небольшая впадинка.

— Это далеко? — спросил Владимир.

— В общем, нет. Если отсюда, то километров шесть, а может, и все семь будет. А от деревни примерно два. И ещё, говорят, в полнолуние этот камень светится.

— Нужно кого-нибудь послать посмотреть, — подала идею подошедшая Лидия Андреевна, её все называли просто Лидочка, она была единственной женщиной в экспедиции.

— Я могу! — тут же откликнулся на предложение Владимир. — Проводишь? — спросил он Риту и пристально посмотрел на неё. Она впервые увидела его глаза так близко. Они были ярко-зелёные, как листья деревьев под лучами солнца, с жёлтой подводкой. Необычные, странные глаза.

«Не человеческие» — мелькнуло в голове девушки, но она храбро кивнула:

— Провожу!

4.

— Я так и знал... — бормотал Владимир, осматривая камень со всех сторон. Его руки гладили шероховатую поверхность, ощупывая малейшие впадинки.

— Можно вас спросить? — набравшись храбрости, спросила его девушка.

Он вздрогнул и рассеянно ответил:

— Давай на «ты»? Конечно, спрашивай.

— Хорошо, смотри. — И она показала ему на глубокую ямку в середине камня. — Что это за порода камня такая? Мне кажется, здесь видны отпечатки лап: вот это похоже на кошачьи подушечки, вот птичьи коготки и следы крупные — у нас крупнее степной совы птицы нет. А вот эти! Ты только посмотри, это же лапа хищника! Звери словно специально вставали в центр камня. И следы оплавленные. Просто мистика!

Парень удивился:

— Вот это да! Всё гораздо серьёзнее, чем ты думаешь. А ты наблюдательная, наверное, часто здесь бываешь?

Девушка нахмурилась:

— Чаше чем нужно. Этот камень... он притягивает меня своей тайной. Я даже сажусь на него, опираясь руками на звериные следы. Он красиво светится в полнолуние, впитывает свет луны и отражает её.

— Много я видел загадочных мест, но это особое... то, что я искал! — после Стоунхенджа... — он словно забыл о ней и бормотал свои мысли вслух.

— Ты видел Хоровод Великанов?! — восхищённый возглас Риты снова вырвал его из раздумий.

— Ты знаешь о них? — в свою очередь спросил он.

— Я читала о них легенды и сказки. Это же самое загадочное место в мире!

Владимир поднялся с камня:

— Ну, не самое загадочное. Есть места и поинтереснее. А ты не простая девушка.

Рита смутилась:

— Мать всегда говорила мне поменьше сказки читать.

— При чём здесь сказки?

Они пошли обратно к месту раскопок.

— Из-за сказок мне хотелось докопаться до правды. Я верю, что в сказках, легендах и былях больше правды, чем в холодных научных рассуждениях. Все объяснения слишком материальные, но ведь есть же сила воли, сила мысли, сила чувств... — Она неожиданно остановилась и в упор посмотрела на своего спутника. — Зачем я всё это тебе говорю?

Владимир улыбнулся:

— Наверное, потому что я смогу тебя понять.

Девушка упрямо тряхнула головой:

— Знаешь, ты тоже не простой!

Когда они вернулись, горел костёр и возле котелка колдовал Панас Петрович. Пожилой археолог очень напоминал врубелевского Пана, но только совершенно облысевшего. Посеребрите бороду, в зубы дайте ему трубку, и это уже не Пан, а Панас Петрович! Он мог быть в нескольких местах одновременно: то на участке бережно упаковывал в ящики со стружкой какой-нибудь древний черепок, то, смешивая русские и украинские слова, выговаривал на вывозке земли неумелому деревенскому парню: «Ну что ты, ворона, наделал? Чи тебе повывазило, чи ты сказывся, как ты запрягал? Хоба так разве ж можно? Ты себя так запряги, а я посмотрю!».

Владимир коротко рассказал о том, что он увидел и какое сходство нашёл между камнем, что лежал на дугах, и курганом на берегу речки Буддырки. Сергей Иванович помял блокнот в руках и позвал Лидию Андреевну:

— Работы тебе прибавилось, Лидочка, этот камень «Затылок дьявола» — родственник нашего кургана. Что-то странное во всём этом есть. Возьми завтра пробы с обоих камней, отправим их в лабораторию.

— Хорошо, дядя Серёжа, — согласилась она.

Почти все расселись у костра, вдыхая запахи ещё не сварившейся каши.

— Владимир, пока ужин готовится, побалуй нас какой-нибудь легендой или былью, — попросил профессор.

— А вы что, сказки любите? — удивилась Рита.

— У нас работа такая, Жемчужинка, с легендами да сказками очень близко ходит, — ответил Сергей Иванович, закуривая папиросу. Девушка улыбнулась, он тоже стал звать её Жемчужинкой, а ведь именно отец так переименовал её имя.

Близился закат. Владимир начал свой рассказ:

— Бог мудрости и волшебства, сын Луны бог Тот полюбил земную женщину — красавицу Нефертити. Она считалась не только самой красивой, но и самой мудрой женщиной в Древнем Египте и была женой фараона Эхнатона. Ей покровительствовала сама богиня Изиды.

Красавица не отвергала страсть бога. Он приходил в её сны, и они вместе путешествовали по подлунным мирам. Однако умную женщину не удовлетворяли путешествия во сне, ей хотелось и на земле испытать силу колдовства. Бог Тот не смог отказать своей любимице в просьбе. Он проник в покои Изиды и тайком сорвал с её божественного покрывала несколько бусин. Бог нанизал их на золотую нить и скрепил печатью Амона. В следующую же ночь волшебное ожерелье красовалось на шее царицы. С его помощью она могла превратиться по собственному желанию в любое животное.

Маат — богиня порядка и истины, божественная супруга бога Тота, узнала об измене мужа и в гневе обратилась за справедливостью к Изиде. Та не стала наказывать Нефертити, но решила перехитрить бога мудрости. Из волшебных бусин своего покрывала она сплела широкий пояс, она тоже скрепила его печатью Амона и подарила Эхнатону. С помощью пояса фараон познал силу превращений, и супруги стали вместе совершать путешествия в подлунные области Аменти.

Так Изиды перехитрила бога Тота, вернув Нефертити в объятья законного мужа. А Тот, в свою очередь, оправдался перед своей супругой тем, что всё было predetermined великой силой Судьбы и Рока, ибо этой силе подвластны не только люди, но и боги. Легенды говорят, что волшебный пояс и ожерелье до сих пор блуждают по свету, меняя своих хозяев. Люди, которые обладают ими, путешествуют по параллельным мирам и могут превращаться в разных животных.

Когда Владимир закончил рассказывать свою легенду, он пристально посмотрел на Риту. В это время Панас Петрович разложил по тарелкам поспевшую кашу и стал раздавать всем, кто сидел у костра.

— Хорошая легенда, а хотите, я тоже сказку расскажу? — Рита сощурилась и ответила на взгляд Владимира, пытаясь понять, что же такого особенного в этой легенде. Ну, изменила царица мужу с богом, ну, попросила ожерелья, ну, повздорили египетские боги, а мудрость-то в чём? И чего это вдруг между этим парнем и ею сразу возникло чувство соперничества и интереса.

— Почему бы и нет. Если сказка красивая, расскажи, — ответил за всех студент.

— Дело не в красоте, а в сути, — не согласилась с его мнением она.

— Рассказывай, Ритушка, — прошептал задумчиво Сергей Иванович — ...вечер долгий.

Девушка подложила дров в костёр и начала свой рассказ:

— Раз уж Владимир рассказывал о богах, то я не буду отходить от этой темы. Когда боги были молоды и не знали, чем себя занять, они сотворили людей для своих странных игр с земным миром. Но люди пошли своей дорогой, они по-своему стали осваивать земной мир и хотели только одного: при жизни обрести божественное блаженство и знание. Однако, чтобы достичь этого, людям нужны были боги. Вот и получилось так, что вместо весёлой игры боги получили от создания людей сплошное беспокойство. Собрались они на большой совет и решили спрятаться так, чтобы люди не нашли их и не испортили игру. Боги думали и думали. Они никак не могли найти для себя совершенного убежища. Если перебраться на Луну, человечество сделает ракеты и достигнет их. Если затаиться на дне океанов, люди будут нырять в батискафах. Вершина Эвереста... центр Земли... нет безопасных мест, когда на вас охотятся люди.

Тогда заговорила богиня Мудрости:

— А давайте спрячемся в сердцах людей, — сказала она. — Им и в голову не придёт туда заглянуть! Мы будем жить в человеческом сердце и беспрепятственно забавляться жизнью на земле.

И боги поступили так, как посоветовала богиня Мудрости: каждый из богов выбрал себе человека и спрятался в его сердце. И теперь они играют со своими детьми, которые не подозревают о том, что с ними играют.

— И в чём соль сей сказки? — спросил Владимир, снисходительно улыбаясь. Он считал, что его легенда намного лучше философских наблюдений.

— Соль в том, что никто из нас не знает, что мы из себя представляем на самом деле. Посмотришь, с виду маленький и неказистый человечек, а внутри — бог!

— Вот так премудрости. Ай да Маргарита — девушка из деревни! — восхитился Сергей Иванович.

— Какая премудрость, просто я книжки читаю, — смутилась девушка и заторопилась домой. — Мне пора, уже стемнело, а вставать до свету. Мать и так мне всыпет по пятое число.

— Погоди-ка, Володя тебя проводит, — остановил её профессор.

— Это ещё зачем?

— Как зачем?! Мало ли какие Кощеи Бессмертные тут бродят. Без провожатого не отпустим!

— Это что же получается, — проворчал Владимир, — на меня роль благородного рыцаря возлагают. А может, мне обернуться волком и утащить деревенскую умницу в свою нору?

Рита вспыхнула и вскинула голову, но тут же отвернулась. Он улыбался и подмигивал ей.

«Ну вот, только этого мне не хватало...» — подумала девушка, смутившись окончательно.

Новоявленный рыцарь отобрал у Риты велосипед с бидоном, вручил ей фонарик и велел освещать тропинку. По степи лениво гулял ветер, он шептался с травами и переключался с кузнечиками. В переключку вплетались трели сверчков и крики ночных птиц. Ночью жизнь в степи не затихает. Молодые люди шли по тропинке и искали тему для разговора.

— Скажи, а ты веришь в то, что в мире действительно существуют магические вещи, как ожерелье, про которое ты рассказывал? — спросила девушка.

Владимир улыбнулся:

— Верю. Стоунхендж считается самым настоящим магическим местом в Англии. Его камни излучают неведомую силу, в его кругах частенько исчезают люди. Некоторые возвращаются и рассказывают о том, что побывали в другом мире.

Маргарита вздохнула:

— Хотела бы я попасть в другой мир...

— В какой же, если не секрет?

Девушка мечтательно посмотрела на небо, на первые светлячки звёзд и со вздохом ответила:

— В мир, где всё волшебное и не нужно скрывать свою сущность. В мир, где деревья разговаривают, а ветер поёт песни странствий. Чтобы эльфы играли в свои свирели, а гномы ковали железо. И чтобы обязательно магия была белая и чёрная. И лешие и водяные чтобы тоже там были...

— И кем бы ты стала в таком мире?

— О! Я бы стала летописцем! Я бы много путешествовала, и у меня было бы много друзей. Обязательно искала бы какие-нибудь волшебные вещи, например, жезл Силы или меч Справедливости. Добрый конь, плащ, котомка за спиной и дорога — что ещё нужно для счастья...

Студент слушал девушку и улыбался.

— Что же тебе мешает исполнить свои мечты? Поверь мне, наш мир таит не меньше загадок, чем другие миры, о которых мы читаем или воображаем. Ты можешь путешествовать, собирать и записывать легенды или придумывать сказки. Они у тебя получились бы очень философские.

Рита от неожиданности остановилась:

— Ты говоришь серьёзно? Ты не смеёшься надо мной? Я думала, ты сейчас будешь наставлять меня «на путь истинный» и петь песни о том, что пора взрослеть, что все мои мечты — это детские бредни!

Владимир поймал её за руку и тихонько тряхнул:

— Нет, я не смеюсь над тобой, более того, я сам об этом мечтал и поэтому стал студентом историко-филологического факультета. Учусь, копаюсь в земле, путешествую. Главное — захотеть.

Девушка руку отнимать не стала. Так они вошли в тополиную рощу. Володя вёл велосипед одной рукой, другой держал Ритину ладошку.

— Так что ты решила? — неожиданно спросил Володя.

— Ты о чём?

— О профессии. Ты выбрала себе профессию? Куда собираешься поступать?

— Ничего я ещё не выбрала. У меня экзамен на носу по физике. Я его завалю, потому как совершенно не разбираюсь в основах естествознания. Буду пересдавать, получу тройку и в институт уже не поступлю.

— А если случится чудо и ты сдашь на четвёрку, что тогда? — не унимался студент.

Мargarита высвободила свою ладошку из его руки и задумчиво потёрла виски:

— Тогда мне предстоит бой с матерью и родственниками. Они, знаешь ли, не видят меня в институте, да ещё на историко-филологическом факультете.

— А если случится ещё одно чудо и ты уговоришь их?

Девушка рассмеялась:

— Тогда я сразу после выпускного вечера собираюсь и еду в город щупать почву и, если случится «ещё одно чудо», поступаю в институт.

— Ладно, ты меня уговорила, после выпускного вместе поедem в город и я помогу тебе с поступлением!

Рита от возмущения чуть не задохнулась:

— Что! Я тебя не уговаривала и даже не просила мне помогать. Думай, что хочешь, но я сама справлюсь. Не нужны мне никакие помощники. Много о себе думаешь. Всё, не надо меня больше провожать, не маленькая, сама дойду.

Разгневанная девушка выхватила у него руль велосипеда и гордо покатила по улице деревни. Владимир постоял под кронами деревьев, посмеялся чему-то и растворился во мраке ночи.

5.

Рита засиделась с дедом за разговором и пришла домой поздно. Она бы и не задерживалась, знала ведь, что мать ждёт её, но деду стоило только обмолвиться о Рональде Роуде Толкиене и мирах Средиземья, как она сразу забыла о том, что дядя Серёжа привёз мешок карасей, которых требовалось почистить этим вечером. Забыла и о грозном предупреждении. Едва девушка переступила порог, как увидела разгневанную мать. Ольга хотела залепить дочери пощёчину, но Танюшка кинулась под грозную руку, заслоня собой сестру.

— Мамочка, не надо, пожалуйста, не надо! — слёзы так и брызнули из глаз.

Гнев матери испарился в одно мгновение, когда она заглянула в испуганные глаза младшей дочери. Защемило Ольгино сердце. «Да что ж это я!» — подумала она и, как в тумане, побрела в свою комнату. «Да

пропади эта рыба пропадом!» — выдохнула она, обнимая плачущую Танюшку.

Рита сидела на сеновале и горько плакала — горько оттого, что она всё понимала. Мать надрыгается на работе, её жизнь как женщины не устроена, а Рита всего лишь подросток, и ей хочется воли, а не домашних дел. Понимала, что нужно терпеливо ждать взросления, именно взрослая жизнь обещает долгожданную независимость и свободу.

Кто-то мягко обнял её за плечи. Чьи-то сильные руки тихо погладили её по голове, успокаивая и усыпляя. «Всё пройдёт, простится и забудется!» — как заклинание нащёптывал на ушко чей-то приглушённый голос. Девушка не успела удивиться и разглядеть утешителя — она крепко заснула. А когда на ранней заре её разбудил залихватский крик петуха, Рита нашла огромный букет полевых цветов в изголовье.

Несмотря на давешнюю негласную ссору, отправляясь на ночную смену, Ольга не дала девчонкам отлынивать и тем более лентяйничать — так она всегда называла их вечерние чтения. Сёстрам было дано домашнее задание. Маргарита дёргала прошлогоднее сено из копны на крыше сарая, скидывала во двор и перетаскивала в летний сеновал. Ей всю помогала Танюшка. Девчонки знали, что, выполнив работу, они могут заняться всем, чем только душа пожелает, а душа желает сбежать на речку искупаться, а после съездить к археологам. С лёгким сердцем сёстры дурачились, валялись друг друга в сене и хохотали от души. В таком разгулявшемся настроении застали их неожиданные гости. Они уверенно зашли во двор, и Владимир громко сказал:

— Привет работникам!

Танюшка испуганно ойкнула, увидев незнакомого мужчину, а когда разглядела, что рядом с ним был Володя, уверенно слезла с крыши и побежала к гостям.

— Жемчужинка, «наш археолог» пришёл и какой-то незнакомый дядя, — крикнула она и без смущения потянулась на руки студента. Незнакомый мужчина оказался Николай Дмитриевич, ещё один археолог из экспедиции, самый молчаливый и всегда предельно сосредоточенный. Умелец на все руки, он был замечательным резчиком по дереву. Маргарита хранила на своей полке его подарок — деревянную кошечку, сидящую на скамейке.

Наконец-то из-за копны сена появилась взлохмаченная, вся в сухих травинках голова девушки:

— Ой, это вы, здравствуйте, я сейчас! — взметнув тучу мелких соломинок, она легко спрыгнула с крыши, отряхнулась и пригласила гостей в дом.

— Мы тебя ждали, ждали, решили сами прийти, заодно и прогуляться, — проговорил Николай, садясь на стул возле маленькой домашней печки. Владимир же, не спросясь, пошёл осматривать комнаты дома.

— Ты решила оставить нас без молока? — крикнул он из зала.

— Вы знаете, я собиралась на раскопки сегодня, хотела сено перетаскать и сразу к вам, — торопливо ответила девушка.

— А кто вам траву косит? — спросил Николай.

— Младший брат моего отца, дядя Серёжа. Деда велел, вот он нам и помогает по хозяйству. А то бы мы ну никак не справились, мне надо было мальчиком родиться.

— Ещё не хватало! — тут же раздался голос студента, он хоть и бродил по большой комнате, но внимательно прислушивался к разговору на кухне.

— Это почему же? — возмутилась девушка и выскочила в коридор.

— С девчонкой ещё можно как-то совладать, а с парнем сложнее, иногда приходится и руки приложить, — не замедлил с ответом возмутитель Ритино спокойствия.

Девушка фыркнула в ответ и пошла процеживать молоко.

— А почему ты вчера не пришла? — снова спросил Николай, пряча мудрую улыбку в усы, он понимал, к чему ведут подобные перепалки между молодыми людьми.

Рита смутилась и ответила не сразу:

— Я не могла.

О том, что её не пустили, девушка говорить не хотела. Но Николай заметил, как дрогнули и напряглись её плечики. Она цедила молоко, мыла поддоник, полоскала марлечку, а он всё спрашивал и спрашивал о том, как они живут, почему одни, где отец и почему мать не дома. Танюшка забралась ему на колени и прижалась к груди. Он гладил её по голове и внимательно слушал ответы. Николаевы ответы впечатляли больше, чем он этого хотел. Может быть, это случилось ещё и оттого, что и его судьба оказалась такой же одинокой,

как и судьба матери этих двух разных сестёр. Его жена умерла во время родов несколько лет назад. Оставшись один, он с головой ушёл в работу.

В это время, прислушиваясь к разговору, Владимир разглядывал фотографии в комнате девочек. Вот совсем маленькая Маргарита сидит на плечах у смеющегося красивого мужчины и теребит его светлые волосы. Вот семейная фотография, где Ольга не хмурая и строгая, а, наоборот, счастливая с улыбкой на губах, рядом с ней всё тот же светловолосый мужчина. Муж и отец Риты, догадался студент. А вот две головы, белокурая и чёрная, две смеющиеся рожицы — сёстры! Володя улыбнулся. Фотография была снята совсем недавно. Тут его позвал Николай. Когда он узнал, что Танюшке надо отнести матери в больницу ужин, вызвался её проводить и заодно перемолвиться с Ольгой.

— Хорошо, а я останусь здесь и подожду тебя, — ответил Владимир.

— Это ещё зачем? — насторожилась Рита.

— Хочу одной белобрысой девушке помочь по хозяйству, сено перетаскать, огород полить, — ничуть не смущаясь, ответил он.

— И то верно, — согласился с ним Николай, — пусть он тебе поможет, дочка, не девичье это дело тяжести таскать.

Он взял сумку с ужином, подхватил Танюшку и, строго наказав Володе не хулиганить, отправился к Ольге.

Маргарита забралась на крышу сарая и посмотрела на линию горизонта. Солнце сядет через пару часов, не раньше, а ей было не по себе от мысли, что она осталась с Владимиром одна. Если бы Танюшке не надо было нести ужин матери, она заслонила бы ею как щитом, а может, и заслонялась бы не пришлось, помог бы Николай Дмитриевич, и всё. И зачем только она всё разболтала, кто за язык тянул. Но делать нечего, нужно вытерпеть присутствие нахального студента и, если понадобится, дать достойный отпор.

Они вместе дёргали пучками прошлогоднее сено и сбрасывали вниз. Володя мурлыкал под нос бравурные песенки, а Рита кипела от возмущения. Как хотелось стукнуть его чем-нибудь тяжёлым, прогнать и не видеть этих насмешливых зелёных глаз, которые заставляют её цепенеть. Наконец-то сено оказалось внизу, осталось его отнести в сеновал. Произошла заминка.

— Я сам! Перенесу вилами, так удобнее и быстрее, — сказал Володя тоном, не терпящим возражений.

— Я тоже могу! — не уступала девушка.

— Не девичье это дело тяжести таскать, — нравоучительным тоном возразил ей студент.

Разозлившись окончательно, девушка пихнула его на кучу сена. Не тут-то было, он ловко ухватил её за руку, и они упали вместе. Завязалась борьба, два тела, размахивая руками, катались по траве. Володя хохотал от души, а Рита пыталась вцепиться в его волосы.

— Самодовольный индюк, думаешь, тебе всё позволено, — приговаривала она, выплёвывая травинки и жмурясь от пыли. Неожиданно студент оказался наверху и прижал её руки к телу с такой силой, что она сдавленно охнула.

— Обзывай, как тебе больше нравится, — он потрянул головой, — индюк, баран, осёл — о, я бываю иногда очень упрямым. Как угодно, но не вздумай обзывать меня петухом. Терпеть этого не могу!

Пока он говорил, девушка изловчилась и, собрав силы, вырвала руки и повалила его на спину. Владимир удивлённо вскрикнул:

— Чёрт! А ты сильная.

Рита крепко держала его руки, в свою очередь, потрянув головой.

— Всё, сдаюсь на милость победительницы. Отпусти, — взмолился он, но девушка отрицательно покачала головой, и, хотя в горле пересохло, она ответила:

— Ну нет, меня не проведёшь!

Студент как-то по-особенному усмехнулся:

— Ты же не собираешься весь вечер просидеть на мне верхом... Я вообще-то не против, и со стороны мы, наверное, чудно смотримся.

Маргарита похолодела, и Володя имел восхитительную возможность увидеть, как в её глазах вспыхнул ужас, а по щекам разлился жгучий румянец стыда. Ему её стало жалко, и тут он почувствовал себя свободным. Девчонка, вскочив, пулей вылетела из сарая.

Владимир поднялся, стряхнул травинки и взялся за вилы. Он только сейчас вспомнил, что обещал Николаю не хулиганить.

Рита убежала в огород. Там под старой развесистой яблоней лежало колесо от трактора, заполненное водой для полива огорода. Девушка присела на край колеса и плеснула в лицо прохладной водой. Жар прошёл, кровь перестала бить в виски, но стыд, стыд выжигал клеймо на сердце.

— Доигрались, — зло подумала девушка, — и я тоже хороша, ещё б на шею села.

Как ни пыталась она себя успокоить, на душе всё равно было нехорошо. Рита долго корить себя не стала, а взяла ведро и пошла поливать редиску с тайной надеждой, что в этот вечер больше ничего подобного не случится. Как же горько она ошибалась. Не прошло и пятнадцати минут, как студент ворвался в огород. Не вошёл, не вбежал, а именно ворвался, принеся с собой облако пыли и улыбку на губах. Девушка болезненно вздохнула и зачерпнула ведро воды — напоследок полить яблоню.

— Ты чего в печали, — спросил он и окунул лицо в воду. — Ругайся, злись, царапайся, как кошка, но не смей грустить, тебе это не идёт.

— Да кто ты такой, чтобы мне указывать. — Она вылила воду на корни яблони и снова наполнила ведро.

— Я пока ещё не знаю, но слушаться меня тебе не помешает. — Владимир понимал, что специально её задевает, но ничего не мог с собой поделать.

— А не пошёл бы ты куда подальше!

— И куда же это? — усмехнувшись, спросил он и плеснул пригоршню воды ей в лицо.

Девушка не потерпела такого обращения, схватила ведро с водой и окатила молодого человека с головы до ног, проговаривая любимую колдовскую считалочку, вычитанную в сказках:

*По Лунной Дороге
Уноси отсюда ноги,
Через зыбь опасных мест
Ты придёшь в Волшебный лес,
Когда зверем обернёшься,
Лишь тогда назад вернёшься.*

Несколько мгновений Владимир стоял и хмуро смотрел на неё, вода струйками сбегала на землю. Рита попыталась улыбнуться и не смогла, ей вдруг стало страшно. Он подошёл к ней, сжал плечи и строго сказал:

— Никогда, слышишь, никогда не говори этого заклинанья!

...И Рита полетела в воду. В конце концов они искупали друг друга в колесе и, утомлённые борьбой, пошли в дом сушиться.

Ей хотелось плакать. Рита протянула студенту полотенце и велела не стоять на половике. Он повиновался. Она ушла в свою комнату и натянула халат.

— Ну когда же это кончится, — сокрушалась она, ставя чайник на газплиту и доставая варенье из холодильника. — Что с нами происходит? Мы, наверное, сошли с ума.

— А халат тебе идёт, такой домашней и мягкой становишься.

Рита в голос застонала и закатила глаза, её мучитель стоял в дверях кухни, и из одежды на нём было только полотенце. Студент не на шутку испугался, быстро подошёл и положил руку на плечо:

— Ты чего? Я и не знал, что ты так болезненно реагируешь на шутки. Прости, больше не буду, честно-честно! Ты не сердисься?

Она жалобно простонала:

— Давай я тебе дам рубашку и ты оденешься, а?!

Володя рассмеялся, звонко чмокнул её в щёку и вернулся в зал. Рита достала ему рубашку и спортивные штаны. А потом они пили чай с вареньем. Студент рассказывал ей о своих путешествиях по городам Египта и Англии. Она восхищённо слушала, забыв о недавней ссоре, и сыпала вопросы. Вскоре вернулись Танюшка и повеселевший Николай. Рита вручила Владимиру бидон молока, и девочки проводили археологов до ворот.

Укладываясь спать, девушка долго не могла заснуть, ей мерещились насмешливые зелёные глаза в темноте.

6.

Прошло не много, не мало, а две недели с того дня, как приехали археологи. Улеглись первые восторги и страсти по этому поводу, к археологам ходила только Рита, но, после того как Николай отнёс с Танюшкой ужин её матери и Ольга сама зачастила на раскопки, — девушке приходилось тайком пробираться к новым друзьям и следить за их интересными открытиями. Работа была в полном разгаре. К всеобщему удовольствию и немалому удивлению, Лидочка первая нашла останки мамонта — вскрывали насыпь и вместо очередной могилы докопались до костей доисторического животного. К радости Риты, Владимир сразу ушёл в работу и на время оставил её в покое. Надо сказать, после купания в колесе он стал подчёркнуто любезен с ней и старался не обижать шутками.

Основная цель раскопок — древний курган оставался нетронутым. Сергей Иванович никак не мог решиться на подкоп. Он ковырял землю на разных склонах, пытался подрыть камень, но пока не мог обнаружить входа в татаро-монгольскую гробницу. Он поведал девушке, что в таких курганах обязательно должен быть замурованный вход, его только нужно найти.

— У меня есть два предположения, — доверился он Рите. — Первое: там похоронен монгольский хан; второе: жрец или колдун кочевников. Эти люди всегда хоронились с огромными почестями. Так что наш курган не просто могила, но склеп, в котором могут находиться вещи большой ценности.

Девушка смотрела на увлечённого профессора и про себя посмеивалась. Наверное, так же отрешённо выглядела и она, когда читала сказки.

— Дядя Серёжа, подарите мне бронзовую подвеску на память, если найдёте? — попросила она. Он улыбнулся и ответил:

— Подарю, нам бы только вход найти.

Маргарита буквально разрывалась на части, она хотела копаться на раскопках, помогать Лидочке в упаковке костей мамонта, а приходилось бегать на нудные дополнительные занятия по физике. К тому же домашние дела требовали своё. То картошку прополоть и окучить, то новую грядку редиски посадить, то съездить на покос. Танюшка помогала сестре — и в доме приберёт, и посуду вымоет. В благодарность Рита привозила ей землянику с лугов, а один раз и серую ящерицу, пойманную на глинистом склоне реки. Ящерицу подержали в руках, попытались накормить мухами и в конце дня отпустили в огород.

Танюшка не только помогала сестре по дому, но и рассказывала последние, нашумевшие по деревне сплетни. То, что Владимира за глаза обозвали колдуном, Рита знала и считала, что это прозвище ему очень идёт. Но то, что половина девочек в школе сходят по нему с ума, было для неё новостью.

— Подумаешь, «прыну», — хмыкнула она, когда на обеде Танюшка рассказала ей, что Людочка Хорошева на глазах своих подружек кокетничала с Володей и звала его на школьный выпускной вечер после экзаменов.

— Жемчужинка, а мне дядю Володю жалко.

— Это ещё почему? — удивилась Рита.

— Юрка Захаров из твоего класса дожидаться не может, когда археологи уедут. Он своих ребят подговаривает его побить, и, скорее всего, это будет сегодня.

— Танюш, он копается в земле в поисках скелетов, ему дела нет до Захарова и его компании. И почему именно сегодня?

— У Нестеровых дочка замуж выходит, сегодня свадьба, и всех археологов пригласили на вечер. Я от мамы слышала, она тоже идёт с дядей Колей! Ты бы сказала дяде Володе, а? Побьют ведь, Рита, ну, пожалуйста!

— Танюш, ну что я ему скажу? Не строй глазки нашим девочкам?! Держись подальше от Захарова?! Это глупо!

— Это не глупо, — не унималась Танюшка. — Он хороший, Рита, ну Рита!

— Ладно. Ладно! Я сделаю ему предупреждение.

Сестрёнка радостно запрыгала и подхватила на руки кошку Багиру.

— Жемчужинка, пойдём купаться, — попросила она.

— Я бы и рада пойти, сегодня так жарко, но у меня экзамен скоро. Мне эти формулы уже во сне снятся. Ты иди, я буду учить билеты.

Однако позаниматься ей не удалось. Пришла возбуждённая мать и стала собираться на свадьбу. Рита давно не видела её такой озабоченной. Платья летели в разные стороны, пока не было выбрано одно, бежевое, строгое и элегантное. Потом она долго и тщательно красилась и завивала кудри. Как это ни странно, но Рита очень любила смотреть, как мать красится и делает себе причёски. Ольге в этом году исполнилось 35 лет, и она была красивой. У неё были глубокие голубые глаза и длинные мягкой волной светлые волосы. Вот только лицо портила постоянная гримаса раздражения. А в редкие минуты покоя и радости она выглядела так, что сёстрам хотелось любить и радовать её всё больше и больше. Жаль только, настроение матери не от них зависело.

И вот Рита осталась одна. Она пыталась сосредоточиться на экзаменационных билетах и не могла. От жары путались мысли. Странное беспокойство охватило девушку, и она металась по дому, как птица в клетке. Её неудержимо влекло на раскопки. Навязчивая идея, что ей обязательно нужно туда пойти, не давала покоя. Промучившись до вечера, Рита бросила тетрадь и выскочила из дома.

Ночь густым покрывалом в одночасье спустилась на степь. Ярко горели звёзды, стрекотали кузнечики, шелестела степная трава, а

Рита быстрым шагом направлялась к лабиринту раскопок. Она тихо пробралась мимо палаток. Одиноко горел костёр, но возле костра никого не было.

— Не могли же они все уйти на свадьбу, — подумала девушка. — Кто же зажжёт костёр и факелы?

Рита спустилась в лабиринт раскопанных переходов. Факелы освещали путь до таинственного кургана, девушка подошла и увидела вход в склеп, там тоже мерцал огонь.

— Значит, Сергей Иванович нашёл вход! — подумала Рита и шагнула вглубь склепа.

Под ногами оказались ступеньки из камня, коридор вёл вниз. Девушка осторожно спустилась и попала в круглую большую пещеру. Оказывается, курган вовсе не был насыпью. Каменный клык торчал из земли, и люди выдолбили в нём пещеру. Кто-то заботливо зажжёт факелы в склепе. Блики пламени бились на стенах в причудливом тревожном танце.

Рита, затаив дыхание, огляделась. Когда она пыталась представить, какой будет склеп внутри, то воображение рисовало ей невиданные сокровища, древние артефакты — мечи и кинжалы, драгоценные камни, вделанные в украшения, и сундуки с серебряными кольчугами. Но стены пещеры оказались совершенно голыми, в лучах пламени поблёскивал камень, и не было ни мечей, ни сундуков. Тут послышался тихий стук, и Рита вздрогнула от испуга — так может стучать падающий камень. Она сделала несколько неуверенных шагов вглубь склепа и увидела огромный трон у дальней стены. На троне сидел скелет в одеждах воина, латы прикрывали рёбра груди, а на черепе возвышался островерхий шлем. Любопытство пересилило страх, и Рита подошла к трону совсем близко. Это действительно был воин, на его коленях, свернувшись клубком, лежала кошка невиданных размеров. Девушка не знала, что кошки могут быть такими огромными. Видно, эта кошка была так дорога воину, что она не просто лежала на коленях хозяина, но воин крепко обнимал её руками, словно боялся потерять. Животное было из камня. Рита не удержалась, погладила её по голове и вздрогнула — камень оказался тёплым. Руки девушки словно прилипли к каменной кошке, гладили её и ласкали. Неожиданно пальцы что-то нащупали на шее животного. Это было ожерелье из бусин. Хитрый замочек щёлкнул, и ожерелье упало в её ладони. Девушка, как зачарованная, смотрела

на украшение: зеленоватые бусинки, величиной не больше ноготка, висели на золотой цепочке, скреплённой замочком в виде треугольника. Внутри этого треугольника виднелся странный узор, напоминающий глаз.

Не отдавая себе отчёта, Рита надела ожерелье и застегнула его. Курган внезапно осветился, и послышалось эхо далёких голосов. Девушка вздрогнула и очнулась от наваждения. Она с ужасом посмотрела в лицо давно умершему воину и кинулась прочь из склепа.

...А ей в спину смотрели два светящихся зелёных глаза...

7.

Маргарита проснулась и резко поднялась с постели. Сердце болезненно сжалось в груди — она всё проспала! Проспала утреннюю дойку коровы и выпас в загон. Что скажет мать!

— Она меня убьёт! — сдавленно пробормотала девушка и поплелась на кухню.

Ольга сидела у печки и курила. Рита села рядом:

— Ма, прости, я проспала.

— Я подоила корову и отогнала в загон. Я тебя разбудить не могла.

— Я вчера билеты учила до последнего, наверно, поэтому будильник не услышала. Как свадьба?

Ольга устало улыбнулась:

— Было весело. Я пошла спать, сегодня ночная смена.

Рита расслабилась, мать не отругала её, как это бывало обычно, более того, в таком мечтательном и спокойном настроении она не видела её давно. Скорее всего, причина в дяде Коле, не зря мать стала ходить на раскопки и пропадать по вечерам. Раскопки! И тут девушка вспомнила курган, воина на троне и каменную кошку с ожерельем. Ожерелье! Она кинулась в свою комнату и посмотрелась в большое зеркало трюмо. Бусы висели на шее — зеленоватые с треугольником вместо замка. Рита совсем не чувствовала его, бусы оказались тёплыми сами по себе, а в треугольнике действительно узор в виде глаза. Девушка видела такой глаз на картинках в учебнике по истории, в разделе про Египет — око бога Ра! Она попробовала снять ожерелье, но, как

ни крутила, — ей это не удалось. Она даже попыталась его порвать, однако тонкая золотая цепочка оказалась, на удивление, прочной.

Кто-то прижался к её ногам, и в уши Риты ударил кошачий голос.

— Багира! — воскликнула девушка.

Кошка сидела у ног и пристально смотрела в её глаза. Девушка присела на корточки. Что-то было не так. Она видела в глазах животного разумную мысль. Несколько лет назад Рита принесла домой маленького чёрного котёнка и слёзно уговорила мать оставить его при себе. Мать разрешила, но поставила условия — кормить и убирать за котёнком Рита должна сама. Маленький пушистый комочек вырос в гордую чёрную кошку. На тот момент девочка читала сказки Киплинга и впечатлённая лукавой пантерой, подругой Маугли, решила без затей назвать котёнка её именем. Сначала была Багиша, теперь Багира. Кошка исправно ловила мышей и редко попадалась на глаза Ольге. Она не любила, когда её гладили или брали на руки, разве что Танюшке позволялось всё, а к Рите Багира запрыгивала в постель и сторожила сон.

И вот теперь строгая кошка лежала у её ног и умильно мурлыкала. В этом мурлыканье девушке чудились слова: «Хозяйка! Моя хозяйка!». Рита не могла не откликнуться на редкую нежность со стороны кошки и почесала пушистое пузо — Багира поймала её за руку и стала вылизывать ладошку.

— Ты накапала валерьянки? Чего это с ней? — В дверях появилась Танюшка, заспанная, в белой ночной рубашке.

— Не знаю... — ответила Рита.

— А я вчера была на свадьбе! Меня дядя Коля взял, и мама не ругалась. Там были шутки, танцы, «горькие» поцелуи... Мама с дядей Колей танцевала. А ты где была? Гуляла с дядей Володи?

— Нет! С чего ты взяла, — смутилась девушка.

— А колдуна на свадьбе не было. Дядя Серёжа Иванович сказал, что он на раскопках остался. — Танюшка легла на Ритину постель и зевнула.

Рита похолодела: значит, Владимир был всю ночь на раскопках, почему же она его не встретила. И тут у девушки нестерпимо зачесалась шея.

— Тань, я в баню, ополоснуться. — И она поспешила в баньку.

Шея продолжала чесаться, хуже того, зуд стал спускаться вниз — зачесались плечи и грудь. Девушка не выдержала и стала

тереться спиной о дверной косяк бани. Вдруг что-то зашуршало, Рита вскинула голову и зажала рот руками. На банной полке сидело маленькое странное существо — худенький взлохмаченный дедушка с кучерявой бородой и огромными совиными глазами, на голом тельце кафтанчик из древесных мочалок. Странное существо несколько раз удивлённо моргнуло глазами, а потом прыгнуло на стену, каким-то невообразимым образом протиснулось между двумя брёвнами и исчезло.

— Банник?! — Рита выскочила из бани, прижимая руки к груди. — Я видела банника!!!

Девушка села на скамейку у дома и задумалась. С ней случилось что-то странное, она чувствовала, что в ней происходят смутные изменения, незнакомые и потому пугающие. На колени прыгнула кошка и призывно замурлыкала, опять Рите почудилось: «Хозяйка! Моя хозяйка!».

— Доброе утро! Как дела?

Девушка вздрогнула от неожиданности, рядом с ней на скамейке сидел Владимир и заглядывал в её глаза. Она так увлеклась своими переживаниями, что не заметила, как он вошёл в ограду и сел рядом.

— Здравствуй! Похоже, порог нашего дома намазан мёдом, с утра слетаются пчёлы, — не особо приветливо ответила Рита, ей хотелось оказаться дома в своей постели и почесать все места на своём теле, до которых можно было дотянуться.

— Ты сегодня не в настроении. Маргарита, послушай, если моё присутствие тебя раздражает, то ты только скажи, я не стану навязывать тебе свою дружбу.

Рита встрепенулась:

— Ты говоришь о дружбе? То есть я хотела сказать... — Девушка замялась, а Володя рассмеялся.

— Вы, деревенские, какие-то озабоченные. Конечно, о дружбе, ты уже не девочка, но и не женщина. Так, посерединке. Я думал, тебе со мной интересно, у нас одни и те же увлечения. Я впервые встретил девушку, любящую сказки и легенды так же сильно, как и я.

— Тогда извини меня, я глупая. Сама не знаю, что я на тебя взбелась.

— А может, ты в меня влюбилась? — спросил студент. Рита вспыхнула от негодования. — Ладно, ладно, и вообще вырасти сначала, а там посмотрим, что с тобой делать, — опять съязвил он, и

девушка закатила бы ему очередную перебранку, но он отвлёк её сообщением.

— Кстати, я нашёл вход в курган и вскрыл его! Так что приходи посмотреть.

Рита смутилась:

— Ты нашёл и вскрыл?

— Ага, вчера, когда все ушли на свадьбу, я пошёл ещё раз осмотреть склоны и одной ногой провалился в яму. Это была глиняная кладка, закрывающая вход в курган. Ты бы видела глаза Сергея Ивановича и остальных, когда они вернулись со свадьбы. Я всё расчистил и ждал их, чтобы вместе спуститься в склеп и всё осмотреть.

— И что вы там нашли? — спросила она, затаив дыхание.

— Мы обнаружили скелет монгольского воина и статуэтку нефритовой кошки.

Кстати, меня Сергей Иванович попросил сделать ещё одну пробу, не хочешь со мной прогуляться?

— Нет, спасибо, мне нездоровится. — Девушка поёжилась и машинально стала гладить кошку. Багира извивалась всем телом от умиления.

Владимир внимательно посмотрел на Риту, и та смутилась ещё больше, она всё переживала, что же сказать, если он спросит про нефритовые бусы на её шее, но он не спросил.

— Тогда иди и полежи, и мой совет: возьми с собой в постель эту красавицу. — И он погладил кошку, отчего Багира заурчала, совсем как котёнок. — Поверь мне, тебе будет легче! — многозначительно произнёс студент и снова заглянул в глаза девушки.

Рита рассеянно кивнула:

— Передай от меня всем привет. Я как поправлюсь, сразу прибегу посмотреть на курган.

— Я пошёл, кстати, завтра полнолуние... — как бы невзначай произнёс Владимир и ушёл.

Маргарита мучилась весь день. Всё валилось из рук, она пыталась заниматься физикой, но экзаменационные билеты вызвали сильнейшую мигрень. Её то морозило, и тогда она куталась в пушистую шаль, то кидало в жар, и она ложилась в колесо с водой под яблоней и парила в прострации. Ей слышались голоса животных и птиц, а непонятная пугающая сила вытягивала и сжимала её тело. Кожа продолжала зудеть так, что хотелось содрать её совсем, де-

вушка немилосердно чесалась — расчёсы расплывались зелёными пятнами.

Девушка осознавала, что страстно ждёт полнолуния. Тяжесть ожидания чего-то неведомого давила на плечи. Днём мать заметила мучения Риты и велела пить таблетки от аллергии, она решила, что девушка объелась земляники на лугах.

С наступлением ночи Рите стало совсем худо, ей кое-как удалось уговорить Танюшку спать. Сестрёнка, видя её мучения, ни в какую не соглашалась ложиться в постель. В самый критический момент, когда хотелось кричать и метаться, в Ритину постель запрыгнула Багира и стала старательно зализывать зудящиеся пятна. Девушке сразу полегчало, и она забылась тревожным мучительным сном. А снилась ей неведомая страна с огромными пирамидами, высокая величественная женщина с мудрой улыбкой на устах и светящиеся зелёные глаза в темноте.

Прошёл ещё один день в маете и страданиях. На счастье Риты, мать, прихватив Танюшку, ушла на раскопки до позднего вечера. Девушка черкнула записку о том, что будет ночевать у бабушки, и, закрыв дом на замок, пошла на луга.

На небе высypались звёзды, ночь была, на удивление, тиха, словно вся природа затаилась. Рита наконец-то добралась до «Затылка дьявола», что-то неведомое тянуло её к камню, который светился в эту ночь бледным светом. Девушка скинула всю одежду и растянулась на камне, давая отдых телу. Не было ни ветра, ни шорохов, ни стрекотания кузнечиков. Неожиданно ночь прорезал одинокий крик степной совы. Рита вздрогнула и села на корточки. Она задрожала от возбуждения и подняла воспалённые глаза к луне. Ожерелье на шее обжигало, оно зажглось ярким зелёным светом.

Луна в центре вселенной! Луна в полноте своего величия и торжества. Второй круг очертился вокруг спутника земли, и девушка выгнулась навстречу ночному светилу. Задымился камень под руками, она с силой вонзила в него когти и ... превратилась в кошку. В тот же миг ночь проснулась. Загудела мошкara над заводами реки, зазвенели кузнечики в траве, поднялся ветер. Кошка потянулась, принялась и пошла в ночь...

8.

Лето в этом году выдалось особенно жарким. Даже ночь гудела зноом. Рита не могла никак уснуть, она вскочила с постели, накиннула халатик и вышла из дома. Стояла тишина... девушка замерла и глубоко втянула воздух. В разгорячённых потоках витал густой запах прелой соломы и навоза. Нет, не то. Девушка вдруг резко встрепенулась и побежала через спящую деревню к реке. Петляя по тёмным переулкам, мчась через парковые аллеи, Рита тихо смеялась и размахивала руками. Наконец деревня осталась позади, на ходу скидывая халат, девушка с размаху полетела в воду. Прохлада обняла и успокоила. Воздух, насыщенный эфирами цветов и трав, пьянил. Да, это именно то, что она желала.

Маргарита медленно плыла по реке и вспоминала прожитый день. Первый день после превращения. Она проснулась с первыми лучами солнца и увидела, что лежит на траве рядом с камнем. Она вспомнила волшебную ночь и радостный бег по лугам в облике кошки. Невозможно было передать в словах восхитительное чувство свободы и радости. Она чувствовала своё новое тело, гибкое и сильное, она впитывала неописуемую гамму всевозможных запахов и звуков и впервые в жизни по-настоящему ощутила себя счастливой.

Девушка крадучись вернулась домой и блаженно заснула. Все пятна на её теле исчезли, мучительный зуд прекратился. Она спала крепко, без тревог и снов, а в ногах её сидела Багира. Кошка сторожила сон и мурлыкала свои кошачьи песенки. Днём же Рита призвала к себе Танюшку и велела пристально посмотреть на ожерелье. К её удивлению, сестрёнка не видела волшебного украшения на её шее. Однако девушка не сдавалась, она попросила потрогать бусы, и только тогда с глаз Танюшки спала колдовская пелена.

— Ой, бусики, а они горячие! — воскликнула девушка и попыталась расстегнуть треугольник замочка.

— Даже и не старайся, оно не снимается, — огорчила её Рита. — Хочешь, я открою тебе тайну, только ты должна мне пообещать, что никому не расскажешь!

— Никому, никому?! Даже маме? — испугалась Танюшка.

— Особенно маме!

И Маргарита всё рассказала сестрёнке. Как взяла без разрешения ожерелье в кургане и надела его. Рассказала и про превращение в кошку. Танюшка слушала, раскрыв рот от удивления, она и не думала сомневаться в правдивости слов сестры.

— А ты мне покажешь превращение? — попросила она.

— Покажу, как-нибудь. Мама уйдёт в ночную смену, я тебя на спине покатаю.

— Ух ты! — Танюшка захлопала в ладоши от радости. — А ты теперь понимаешь то, что животные говорят?

— Понимаю. Багира просит, чтобы ты её больше не дёргала за хвост и не трепала уши. Она обижается, — сказала Рита.

Танюшка удивлённо посмотрела на кошку, и та для достоверности слов громко мяукнула.

— Ой, Багира, прости...

Рита накупалась и вышла из реки. Встряхнулась, и вот уже не девушка, а кошка побежала по лугам. Она неслась по траве, пока не выбралась в степь. В степи было где разгуляться. Кошка на бегу сбивала кузнечиков и пугала стрижей. Вдруг она резко остановилась и принялась — пахло смертью. Поблизости оказалась лисья нора. Недолго думая, Рита полезла в норку. На глубине двух метров на кучке прелой травы умирал лис. Грязный, в некоторых местах с облезшей шкуркой, измученный болезнью, он лежал, свернувшись калачиком, и ждал своей смерти. Кошка села рядом.

— Ты чего?

Лис кашлянул и ответил, не открывая глаз:

— Подыхаю. Тень уже близка... А ты, Великая, что кошкой бегаешь?

Рита удивилась тому, что животное учуяло в ней настоящую сущность.

— Ты узнал, кто я, потому что смерть близка?

— Ты пахнешь не кошкой, а человеком.

— А пожить ещё хочешь? — спросила Рита, встряхнувшись.

— Не откажусь. Никогда не знаешь, что тебя за Тенью ждёт.

— Тогда собери сил, сколько ни есть, и ползи к выходу.

— А это обязательно?

— Ну сам подумай, что будет с норой, если я прямо здесь обернусь человеком.

Лис закашлялся в хриплом смехе:

— С норой нет, а вот с твоими костями, да.

Полз он долго, несколько раз отдыхал, проваливался в небытие, но его окликала кошка, и он полз снова. Лис выдохся как раз у выхода из норы — его здесь уже давно ждали. Человеческие руки осторожно подхватили его и прижали к груди. Лис снова провалился в небытие, но это был провал в здоровую жизнь. Тень трепетала где-то очень далеко...

Лиса уложили в старую Багирину коробку, в ней она обычно своих котят выхаживала. Рита обработала его глаза. Хорошо, что мать — медсестра, благодаря её поучениям, девушка немного разбиралась в лекарствах. Она напоила лиса тёплым молоком и спрятала под кроватью, строго-настрого запретив высовываться. Лишней животины мать в доме не потерпит. Багире был дан строгий наказ — следить за лисом и объяснять ему премудрости жизни в человеческом доме.

Кошка долго принюхивалась, новый житель ей не понравился, но перечить она не посмела.

— Что с ним делать? У него чумка, боюсь, не выживет, — загоревала Рита, на что кошка ответила:

— Хозяйка, тебе нужно его погладить, и болезнь пройдёт.

— И всего-то?! — удивилась девушка.

— Ты — Великая, избранница Могучей Матери, твоим рукам дано исцелять любую рану не только на нас, но и на человеке, — ответила Багира, умывая мордочку.

— Да? Интересно, а что я ещё могу, — снова спросила Рита.

— Прости, хозяйка, я мало знаю.

— Жаль, так давай попробуем его исцелить.

Девушка осторожно взяла на руки уснувшего лиса и стала тихонечко гладить его худое тельце, погладила бока и облезлый хвост, почесала за длинными ушами, провела пальчиком по носу. Прямо на глазах у изумлённой Риты шерсть лиса стала опадать клочьями, на её месте вырастала новая рыжая шёрстка. Животное завозилось и тявкнуло:

— Великая, отпусти, теперь я сам.

Рита отпустила лиса на пол, тот встряхнулся раз, потом другой, и остатки больной шерсти упали. На тощем теле пророс рыжий пушок.

— Чем мне тебя откормить? Кроме мяса, что ты ещё ешь? — спросила озабоченно девушка.

— Молоко! Великая, ты не беспокойся, я отосплюсь и сам себе еду добуду, ты только не прогоняй меня.

— Так, давай договоримся сразу, никаких кур, уток и гусей в этой деревне ты и пальцем, то есть лапой, не тронешь.

Лис засопел:

— Мышей-то можно? Я без свежего долго не протяну.

— Мышей можно и крыс можно. Деревню крысы одолели.

Довольный Лис ушёл спать. Великая не собиралась его гнать, а это самое главное.

Днём семья Раевских официально была приглашена на раскопки. За ними даже Панас Петрович приехал. У Риты замирало сердце, она боялась снова посмотреть на скелет умершего воина. А вдруг она узнает что-то страшное про ожерелье и нефритовую кошку.

Вниманием матери и Танюшки сразу овладел дядя Коля, а Риту незаметно для всех подхватил Владимир. Он провёл её по переходам раскопок и вывел к кургану. К облегчению девушки, спускаться в пещеру не пришлось. У входа установили небольшую плиту и на неё поставили статую кошки.

— Мы так и не узнали, кто тот человек, которого похоронили в пещере кургана. По останкам определили, что это монгол и воин. Кошка вырезана из цельного нефрита, редкое сокровище, — торжественно сообщил студент.

Девушка осторожно положила ладонь на спину животного — камень был прохладным, словно то тепло, которое она почувствовала в ту памятную ночь, ушло.

— Она словно живая, — смущённо проговорила Рита.

— Кто знает, — ответил Владимир и пристально посмотрел на неё, отчего девушке стало не по себе. — Когда мы осматривали её, то просветили одним аппаратом. Внутри оказалось очень много слоёв, в этих слоях угадываются очертания органов. Словно она действительно была живой, а когда срок жизни вышел, разом окаменела. Мне думается, что монгол был её хозяином и много путешествовал. На его латах мы обнаружили знаки разных народов. Я нашёл ирландские руны, а Сергей Иванович несколько китайских иероглифов. Есть знаки, которые мы не смогли разгадать.

Рита молчала, она боялась спрашивать, но Владимир словно читал её мысли:

— Мы нашли небольшой сундучок под троном, в нём несколько серебряных пластинок с записями. Написано египетскими иероглифами. Несколько дней — и я переведу эти письма.

— Ты расскажешь мне, что там написано? — наконец заговорила Рита и с надеждой посмотрела на него. Студент мягко улыбнулся.

— Конечно, Жемчужинка, я тебе первой расскажу, о чём говорят эти письмена.

— Спасибо.

— Пока не забыл, я разговаривал с Сергеем Ивановичем о твоём желании поступить в институт на историко-филологическое отделение. И знаешь, он обещал написать рекомендательное письмо в деканат, у него там связи. Тебя возьмут без экзаменов. Так что сдавай свою физику и ничего не бойся.

Девушка радостно вскрикнула и схватила Владимира за руку, долго трясла, а потом от избытка чувств закружилась вокруг нефритовой статуи.

Домой они вернулись довольные, только и было разговоров о находке, об археологах и о дяде Коле. Ольга радовалась сдержанно, наступила горячая пора отпусков, теперь она дежурила за двоих, а значит, почти все ночи дочери будут предоставлены самим себе. Мать долго и терпеливо внушала девочкам о том, что на ночь нужно запира́ться на все замки. Что по деревне бродят пьяные мужики, и мало ли что может случиться. И теперь ужин матери всегда будет носить Рита, а Танюшка будет ждать её дома. Девчонки было приуныли, но потом подумали и решили, что так будет лучше. После ужина, отнесённого матери, они со спокойной душой могли бежать на луга и резвиться до первых лучей солнца. Однако Ольга беспокоилась не зря: неприятная встреча произошла в первый же вечер.

Маргарита несла ужин матери и думала о своём будущем. Она понимала, что жизнь её кардинально изменилась, но мало бегать кошкой по лугам, нужно жить очень осторожно, никто не должен узнать, что она умеет превращаться в животных. Но в этом умении она ещё очень неопытна, именно сейчас она нуждалась в помощи и наставлении. Так размышляла девушка, направляясь по аллее к больнице. Неожиданно из кустов выскочил её одноклассник Юрка Захаров. Она поёжилась и напряглась. Доброго от него не жди.

— Гуляешь?! — спросил он.

— Нет. Иду к матери! — коротко ответила она. Юрка пошёл рядом.

— Тебя на танцах давно не видно, — проговорил он, отгоняя мошек кленовой веткой.

— Не хожу туда, вот и не видно! — снова отрезала она.

— Ритка, может, хватит дичиться. В одной деревне живём. Судьба ещё сведёт.

Она презрительно рассмеялась:

— Только не с тобой!

— А чем я плох? — спросил он, решительно загораживая проход в ограду больницы.

— По деревне петухом ходишь, Людка из параллельного класса от тебя беременна. На меня глаз положил?

— А если и положил... — он подошёл к ней совсем близко.

— Подыми, не ровен час, ослепнешь, — уже не скрывая своего недовольства, ответила она.

— Ничего, второй останется. — Он сделал ещё шаг, и Рита невольно отступила, наткнувшись спиной на ограду.

— А я и второй не пожалео! Уйди, по-хорошему прошу. — Девушка внутренне подобралась, как кошка перед прыжком.

— Да ладно, расслабься. Я тебе ничего плохого не сделаю. — Его руки осторожно легли на её плечи, она ещё больше напряглась. — Хватит из себя недотрогу разыгрывать. А если ты с этим, из пришлых, спуталась, то это ты зря. Он приехал и уехал, а я здесь останусь.

— О ком это ты? — удивилась девушка.

— Ой, посмотрите на неё, сама невинность! Я давно заметил, как он смотрит на тебя. Глаза вытаращит, словно съесть хочет. Что он тебе наговорил, наврал, поди, всё, а ты уши развесила, дурёха. — Погладить её по щеке ему не удалось. Его лицо обожгли когти разъярённой девушки. Из глубоких царапин брызнула кровь.

— Ты что! Сдурела, ведьма! — не своим голосом заорал Захаров.

— На такого только ведьма и нужна. Не пора ли спесь поубавить! — крикнула оскорблённая Рита.

— Ведьма, ведьма, думаешь, управы на тебя нет. Найдём и колдуна твоего прижмём.

— Теперь не то время, сам берегись! — крикнула девушка, взбега по ступенькам крыльца. На душе было тревожно. Не тот человек Юрка, чтобы обиду простить. Что-то будет...

Стоило Рите оказаться на лугах, и она забыла о Захарове и его угрозах. Танюшка с нетерпением ждала момента превращения. Луна ярко светила на небе, камень светился в ответ луне. Рита сбросила одежду и присела в центр каменной ямки. Танюшка, затаив дыхание, следила за ней, на какое-то мгновение ожерелье на шее сестры заго-

редось ярким светом, густой туман окутал девушку и тут же рассеялся. Вместо Риты на камне сидела большая белая кошка. Она с удовольствием потянулась и подошла к Танюшке. Девочка неуверенно протянула руку погладить кошку, и та сама повалила её в траву.

— Ну, как я тебе? — спросила Рита, и, к удивлению Тани, её мяуканье было ей понятно.

— Ты такая красивая и беленькая, такая пушистая и большая! — восхищённо ответила она.

— Побежали! — предложила Рита, и Танюшка кинулась по траве вперёд.

Они бегали по лугам, разгоняя комаров, и с разбегу прыгали в мелкие заводи реки, пока не утомились. Неожиданно Танюшка спросила:

— Рита, а ты можешь в лошадку превратиться, я всегда мечтала покататься на лошадке?

Девушка задумалась:

— Я не знаю, надо попробовать.

Она страхнула воду с шерсти, присела и потёрла передней лапкой шею. Её снова окутал туман, и вот вместо кошки на берегу стояла молодая белая лошадь. Танюшка запрыгала вокруг неё от радости и восторга. Лошадка опустилась на одно колено, и девочка забралась ей на спину.

Рита носилась по лугам, и ветер развеивал длинную пушистую гриву. Танюшка, обхватив её за шею, кричала от распирающего восторга. Ночь пролетела, как одно мгновение, не успели сёстры насладиться своими играми, а небо окрасили первые лучи солнца. Посветлел горизонт, выпала роса. Крадучись, девчонки пробрались домой и крепко заснули. И если бы они не были так увлечены превращениями, то заметили бы в густой траве искорки изумрудных горящих глаз, с интересом наблюдавших за ними...

Утром Ольга подступила к дочери с расспросами:

— Вчера ко мне Захарова привели — исцарапанного, твоя работа?

Рита, не таясь, кивнула.

— И за что ты его так изуродовала на всю жизнь?

Рита нахмурила брови и смело ответила:

— А ты сама не догадываешься? Не будет руки распускать и гадости говорить.

— Что он сделал конкретно? — снова спросила мать.

Рита вздохнула и ответила, оправдываясь:

— К ограде прижал, пришлось отбиваться, как умела.

Неожиданно Ольга подошла и обняла её:

— И правильно сделала, дочка!

Рита недоверчиво посмотрела на мать:

— Ты, правда, так считаешь?

— Правда! Я не хочу, чтобы кто-то вроде Юрки надругался над тобой. Ты не будешь, как я, прозябать в этой деревне. А с Захаровым я сама поговорю, мне есть чем его припугнуть.

Ошеломлённая девушка обняла мать:

— Спасибо, ма. — И возможно впервые за долгое время мать и дочь испытали обоюдное согласие.

9.

— Слыхала, Великая! — Лиска кубарем влетел в дом, чуть не сбив Риту с ног.

— Что такое? — спросила она. Девушка давно не была в деревне. Днём она занималась физикой, а ночью бегала по лугам кошкой.

— В наших краях волколак объявился!

— Кто? — не поняла Рита.

— Волколак — волк-оборотень! — Лиска тяжело дышал, высунув длинный розовый язык.

— Откуда он взялся? — удивилась девушка, она читала об оборотнях в сказках, но и предположить не могла, что они есть в реальном мире.

— А пёс его знает, уже трёх коров задрал и старую кобылу Жумабая.

— Как?! Серую дедушки Жумабая?! — Рита очень огорчилась, девушка знала эту кобылу, она училась на ней ездить.

— Ага! — Лис, которого по негласному согласию Рита и Багира окрестили Найдёнышем, завалился в углу и зажмурил глаза. — Фу, как же я устал. Я собак случайно зацепил.

— Надеюсь, тебя никто не заметил, — спросила девушка, быстро переодеваясь.

— Нет, я следы на окраине запутал.

Подошла Багира.

— И что ты шляешься посреди дня по деревне, одни неприятности от тебя, — недовольно заговорила она.

— А я не могу, как ты, целый день на диване валяться, — огрызнулся Найдёныш и почесал за ухом.

— Перестаньте! — оборвала их Рита. — Сейчас не время для споров. Готовьтесь лучше. Сегодня ночью будем охотиться на оборотня. Надо узнать, зачем он тут.

Маргарита лежала на камне, встретив ночь в облике пантеры. Знойный ветер донёс до неё запах свежей крови, и она бесшумными скачками рванулась на север. Девушка уже знала, где искать оборотня.

В углу летнего загона лежал мёртвый бык, а над ним, шатаясь, тихо выл раненый волк. Молодые бычки забились в самый дальний угол загона. Бык ранил оборотня, подцепив его за бок острым рогом. Пантера подошла и предупредительно фыркнула — две пары светящихся глаз скрестились в немом поединке. Рита села в трёх шагах от волка и спросила:

— Ты откуда взялся? С какой стороны пришёл?

Оборотень приподнял морду и жадно втянул воздух:

— Великая! — выдохнул он и напрягся. — Тень трепетала у тела моего предка, я шёл по Лунной Тропе и сосступил... Чтобы вернуться в свой мир, мне нужны силы.

— Поэтому ты режешь местный скот, — договорила за него Рита.

— Да. Но я ранен.

— И что теперь?

— Ничего. Приблизится Тень, и я умру.

Пантера презрительно фыркнула:

— Я читала, что волк-оборотень может обращаться в человека, это так?

Оборотень кивнул.

— Тогда обращайся в человека, твой час заглянуть за Тень ещё не настал.

— Если я стану человеком, то не смогу обернуться вновь, у меня слишком мало сил.

— Ничего, силы будут! — убедила его Рита и скинула облик. Когда туман рассеялся, то вместо пантеры стояла девушка, а на месте оборотня лежал голый мужчина с глубокой раной в правом боку.

Из темноты ночи вынырнули лис и кошка. От удивления Найдёныш тявкнул:

— Хозяйка, неужели ты хочешь притащить эту нечисть в наш дом?

— Не твоё дело, лис! — резко ответила она, опускаясь на колени возле оборотня. Из раны обильно сочилась кровь. Девушка крепко зажала её рукой. Мужчина наблюдал за ней горящими глазами и скрипел зубами от боли.

— Потерпи, — шептала Рита, — я сейчас сбегаю за одеждой, хотя нет. Лис, Багира, как хотите, но принесите мне срочно штаны и рубашку. Разбудите Танюшку, пусть соберёт, только быстро!

Они умчались, а она приподняла оборотня, чтобы он мог опереться спиной о забор.

— Ты ещё совсем девочка, — прошептал оборотень и закашлял.

— Ты тоже не старик, — ответила она и робко убрала серо-чёрные пряди с мокрого лба. Ему действительно на вид было не больше 30 лет. — Послушай, я не могу тебя отвести в свой дом, моя мать ни в какую историю не поверит. Но я знаю одно место, где ты можешь переждать день и набраться сил. А сейчас я попробую исцелить твою рану.

Он поймал её руку и сжал:

— Если ты применишь свою силу, я стану твоим слугой.

Рита была озадачена таким заявлением:

— Я не знала. Что же делать, ты не дойдёшь до камня, я тоже не смогу тебя дотащить.

Оборотень глубоко вздохнул:

— Разве тебе не нужен опытный слуга, я же видел этих маленьких...

Она опять фыркнула:

— Они не слуги, вот ещё. Они мои друзья, Багира — наша домашняя кошка, она мне как подружка. А лиса я вылечила, он сам остался. Попробуй теперь выгони его. Без их болтовни мне будет скучно.

— Ты не осознаёшь всей силы, которая тебе дана через это украшение, — и он указал на ожерелье. — Тебе всё равно нужны слуги.

Рита упрямо тряхнула головой:

— Что ты заладил — слуги, слуги. Не нужны мне слуги. Я современный человек, и мне вполне хватает моих друзей. Они маленькие и нуждаются в моей защите. А ожерелье, — она дотронулась до него пальцами, — оно у меня недавно. Я многого не знаю. Мне помогают лис и кошка. Я не тороплюсь познать всё сразу.

— Кое-что я знал об этом в своём мире, если ты хочешь, я помогу понять природу дарованных тебе сил.

— Но тебе нужно уходить, я отправлю тебя в следующую ночь.

— Пока я здесь.

— Хорошо, от дельных советов кто ж откажется.

Оборотень как-то сразу посветлел.

— Моё имя — Олейгрин, я — чугайстер, волчьего племени.

Рита покачала головой, она о существовании волков-чугайстеров даже в книжках ничего не встречала.

— Я тебя потом завалю вопросами, а сейчас помолчи, мои друзья идут, — сказала она.

Из темноты ночи выскочила Танюшка, а за ней и домашние звери. Багире и лису как-то удалось жестами растолковать ей что нужно. Рита не дала ей опомниться.

— Не кричи и не спрашивай. Всё потом. Одежду давай! — Девушка взяла у застывшей от удивления сестры сумку и вытряхнула одежду. Вдвоём они кое-как натянули её на оборотня.

— Сможешь подняться и идти? — спросила она чугайстера.

— Смогу! — процедил он сквозь зубы. — Я недавно человеком был.

— То-то я смотрю, ладно ты по-человечьи болтаешь, — тявкнул лис и растворился в ночи разведывать дорогу до камня.

Девочки подпёрли с двух сторон оборотня и осторожно повели на луга, два часа на дорогу точно уйдёт. Они терпеливо вели его и всё время оглядывались. Рита не удержалась и всё-таки положила свою ладонь на рану чугайстера, вливая прохладную струю исцеляющей силы. Наконец-то они добрались до места, оборотень радостно воскликнул:

— Лунный камень! Я смогу вернуться домой!

Рита уложила его прямо в середину камня и строго сказала:

— Не вздумай куда-нибудь уйти. Будь здесь, будет жарко — речка рядом. А вечером я приду.

— Я буду ждать, и не беспокойся, камень даст мне сил, я смогу быть невидимым.

— Вот и хорошо. Боже мой, у меня ведь сегодня экзамен! — сокрушённо произнесла девушка и, подхватив Танюшку, поспешила домой.

10.

Лучи полуденного солнца очертили пушистые облака сиянием, они важно плыли по небу и тихо перешёптывались между собой. Упругие и белоснежные, облака замысловато отображали жизнь земли. Небо, как бы говорили они, — это не пустой воздух, но и там скачут долгогривые кони и высятся города. Рита с удовольствием бы умчалась по облакам, куда глаза глядят, но она сидит в классе и рассеянно смотрит в окно.

Утром мама долго приглаживала Ритины завитушки в косу. Повязала белый смешной бант, поправила фартук на унылой коричневой форме, которая почему-то всегда нелепо сидела на тонкой фигуре дочери, и отправила её сдавать последний экзамен. Найдёныш хотел проводить её до самой школы, но девушка запретила, не хватало ещё растревожить собак по деревне. Рита не удержалась от улыбки, когда гордая Багира спрыгнула со стула и, показав лису свой язычок, пошла провожать хозяйку на экзамен, ведь глупых собак она может не опасаться и, если что, заберётся ей на руки.

Девушка с утра была рассеянной. Мысли прыгали вокруг чугайстера и никак не хотели сосредоточиться на экзамене. Рита, не раздумывая, взяла со стола первый попавшийся билет и села у окна. Тихонько шептались одноклассники, незаметно из рук в руки передавались шпаргалки. А за дверью класса громко обсуждались лица Захарова и предположения о том, кто мог его так «разукрасить». Девушка не слышала своего имени и потому испытала облегчение. Однако нужно отложить свои грёзы до вечера и сосредоточиться на билете. Рита внимательно прочла два вопроса и... — ответы в её голове выстроились в чёткую линию. Девушка быстро расписала первый теоретический вопрос, потом легко решила задачу. От изумления она несколько минут сидела с листком ответов в руках, но потом решительно поднялась и первой пошла сдавать билет. Её учительница по физике пришла в не меньшее изумление, она задала девушке ещё несколько разных вопросов и, выслушав чёткий ответ, не сдержалась от восклицания:

— Ты, Раевская, два года мучила меня своей неспособностью понять наипростейшие законы динамики, а сейчас отвечаешь так, словно физика твой любимый предмет!

— Наталья Георгиевна, простите, я перед экзаменом много занималась, — ответила Рита и смущённо опустила глаза.

— Сколько у тебя четвёрок за четверть?

— Ни одной! Все пятёрки.

— А годовые?

— Тоже.

Наталья Георгиевна внимательно посмотрела на неё:

— Влепить бы тебе тройку в годовые! Но так и быть, не буду портить общей картины твоего аттестата. — Учительница размашисто поставила пятёрку на листе ответов и указала Рите на дверь.

Девушка вышла из школы и шурясь посмотрела на небо, облаков стало меньше и день обещал быть жарким. Она почему-то была уверена в том, что Наталья Георгиевна поставит ей пятёрку не только за экзамен, но и за четверть и годовую выведет на отлично. На душе было легко и пусто. Она поискала кошку глазами и ахнула: у входа во двор школы стоял Владимир и улыбался, Багира сидела у него на плече и призывно мяукала.

— Ну как? — спросил студент и протянул ей потрёпанный букетик полевых цветов.

— Отлично! — улыбнулась девушка, разглядывая общипанные васильки и ромашки.

— Извини, я очень волновался. Можно проводить тебя до дома и присутствовать при всеобщей радости?

— Можно, — благодушно позволила она и, приняв кошку в руки, пошла с неожиданным спутником домой.

Дома гостил дядя Коля, и почему-то Рита этому не удивилась. Узнав результат экзамена, все очень обрадовались и решили устроить чаепитие с тортиком, который испекла Ольга. Весёлые посиделки разбавил приехавший на мотоцикле дед Риты. Оказывается, он позвонил в школу и узнал, чем окончился для внучки её последний экзамен. Ей торжественно была подарена огромная энциклопедия сказок мира, от избытка чувств девушка чуть не прослезилась. Случилось ещё одно радостное событие. Рита наконец-то объявила своим родственникам, что после выпускного едет в город поступать в институт на историко-филологический факультет. Мать и дед долго молчали, обдумывая

заявление, и тут в помощь девушке выступил дядя Коля. Он успокоил тем, что Рите будет дано рекомендательное письмо в деканат самим Сергеем Ивановичем, она без вступительных экзаменов поступит в институт, а лично он похлопочет за комнату в общежитии для неё. Девушка запищала от восторга и повисла на могучих плечах Николая. Ольга улыбнулась и примирительно кивнула, ну а дед и вовсе не был против. День для девушки прошёл насыщенно и радостно.

— Значит, остался выпускной? — лукаво спросил Володя, когда девушка пошла его проводить. Впереди шли Ольга и Николай с Танюшкой на руках.

— Не говори мне об этом, моя б воля, не пошла, — отмахнулась Рита.

— А что так?

— У меня нет в классе друзей. Какой смысл идти на вечер, я всё равно буду там одна. Но идти придётся, хотя бы на торжественную часть. Будут вручать аттестаты.

— Надень платье зелёного цвета! — вдруг попросил студент.

— Почему именно зелёного, я вообще хотела в брюках прийти, — возмутилась девушка, он опять начинал лезть не в свои дела. Уж она сама решит, что надеть и какого цвета.

— Зелёный — мой любимый цвет, — и Владимир улыбнулся так светло и нежно, что негодование Риты как ветром сдуло.

— Не могу ничего обещать. С платьями в моём гардеробе сложности.

— А ты не слышала, что за волк объявился у вас в деревне? Мне рассказали, что недавно коров и быка задрали... — как бы невзначай спросил студент.

Рита смутилась неимоверно.

— Я к экзамену готовилась, да и откуда в наших степях волк, у нас лисы и сурки, ещё мыши водятся. О волках я и не слышала, — ответила она, отведя взгляд.

— Да? Ну и ладно. Приходи завтра на раскопки, мы упакуемся.

— Вы уже закончили?

— Почти... — загадочно произнёс Владимир и сжал её ладошку, чтобы потом уйти.

Вечером Рита маялась — день не хотел завершаться спокойно. Забегали девчонки-одноклассницы — поздравляли с красным атте-

статом, спрашивали о планах на будущее. Девушка не скрывала о предстоящем поступлении в институт. Они наперебой обсуждали, какое платье наденут на выпускной. Уговаривали Риту не надевать, как обычно, брюки, а поддержать традицию. Танюшка поила девочек чаем и подмигивала сестре. После мать изводила её расспросами, почему она выбрала именно историко-филологический факультет, не будет ли ей тяжело так долго учиться. Рита взяла мать за руку и подвела к своим книжным полкам. Ольга посмотрела на книги, большей частью подаренные дедом, потом внимательно посмотрела на дочь и уже, в свою очередь, повела её в свою комнату. Мать вынула из дальнего угла бельевого шкафа свёрток и разложила перед ней воздушное платье цвета морской волны, очень светлое и неприхотливое, с короткими рукавами-крыльями. К платью Ольга приложила любимые серебряные серёжки с бирюзой.

— В этом платье я познакомилась с твоим отцом, Рита, на выпускном в медицинском училище. Он всегда говорил, что бирюза идёт моим глазам, а у тебя мои глаза, дочка, — проникновенно сказала она и с нежностью посмотрела на фотографию Ритиногo отца, которая всегда висела над её постелью.

Рита расплакалась:

— Я тебя очень люблю, мамочка!

Танюшке пришлось остаться дома и сторожить сон матери. Она была так счастлива этим днём, что совсем не жалела о том, что не увидит, как дядька-оборотень будет уходить по Лунной Тропе в другой мир. А Маргарита торопилась на дуга, жаркая летняя ночь незаметно опустилась на деревню, развернув на небе дивное звёздное покрывало. Взошла луна. Девушка быстро пробежала по тёмным аллеям деревни и понеслась по траве, залитой лунным светом. Она распустила косу, и волосы плотным потоком развевались в струях знойного воздуха.

На камне стоял Олейгрин и ждал её. Рана в боку затянулась, лишь длинная красная полоса тянулась от рёбер до низа живота. Рита, не задерживаясь у камня, на бегу крикнула:

— Пошли купаться!

Чугайстер широко улыбнулся и последовал за ней. Прохладная река приняла разгорячённые тела в свои объятия. Девушка долго плескалась, а оборотень терпеливо ждал, когда она насладится водой. После они оба легли на камень, и прозвучал первый вопрос:

— Кто такие चुгайстеры?

Оборотень посмотрел на юную девушку и с улыбкой ответил:

— Когда ты познаешь свою силу, то, может быть, путешествуя по мирам, найдёшь мой мир. Он полон дремучих лесов и свирепых рек, в моём мире живут странные люди, они не умеют отпускать за Великую Тень родных без боли. Иногда их боль бывает так сильна, что умершие возвращаются — мы называем их навями, мавками, мороками, они возвращаются, чтобы убить того, кто их призвал. И тогда появляемся мы — चुгайстеры, дети леса, волки в человеческом обличье. Мы танцуем танец смерти и в этом танце уводим навок домой. Мы лесные охранники и защитники людей от зла, которое они сами порождают в виде вампиров и упырей. Мы зазываем порождения человеческих страданий в танец и возвращаем их во Тьму, туда, откуда они пришли. Но сейчас нас мало. Моя стая вымирает из-за проклятья — мы ничего не можем сделать. Наши волчицы рожают слабых волчат, а люди истребляют наш род. Мой предок погиб в танце, мы едва успели завершить его, когда на нас напали люди. Я успел прыгнуть на Лунную Тропу, но от слабости и горя соступил. Попал сюда...

Рита слушала, затаив дыхание, — неведомый мир открывался перед ней. Оборотни, навь и люди, избивающие стаю.

— Вам нужно обновить кровь! — вдруг уверенно сказала она. — Я читала в книгах по истории, королевские династии слабеют и вымирают, потому что женятся на кровных сёстрах и братьях. У вас так же, есть ли в твоём мире другие стаи волков?

— Нет, Великая, мы иногда бродим по мирам, но всегда возвращаемся домой.

Маргарита загадочно улыбнулась, перед её взором открылось видение, она увидела сквозь туманную завесу деревню, лес и огромную гряду камней с водопадом. Одинокaя фигурка девушки брела по лесной дороге и несла корзинку с ягодами. У девушки были каре-зелёные глаза и огненно-рыжие волосы.

— Слушай меня, चुгайстер! Если ты хочешь возрождения своей стае, то знай: среди людей уже родилась Избранная, она не похожа на других, её душа принадлежит лесу. Только она сможет снять проклятье и соединить в себе две крови — вашу и человеческую. Сейчас она ещё дитя, но скоро станет взрослой и сумеет родить ребёнка, который даст твоему роду вечное продолжение! — Рита положила прохладную

ладонь на глаза оборотня, и ему открылось её видение.

— Как же я её найду? — волнуясь, спросил чугайстер.

— Не беспокойся, ты найдёшь её — почувешь, как зверь, идущий по следу. Я назову тебе её имя... Её зовут Кжена!

Олейгрин склонился в поклоне. Девушка глубоко вздохнула, не так это оказалось легко — заглянуть в будущее:

— Жаль, я хотела бы ещё послушать тебя, узнать о других мирах, но луна кладёт тропу, тебе пора идти.

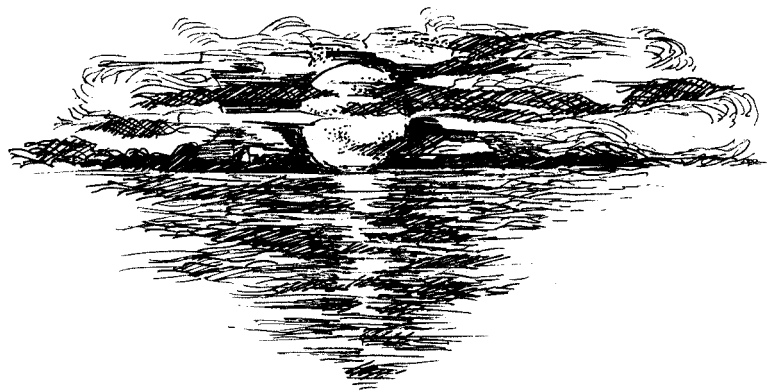
— Я хочу пожелать тебя счастья с твоим Великим, — сказал оборотень и встал в центр камня.

— Я когда-нибудь обязательно его встречу, — неуверенно проговорила она.

— Он здесь! Он совсем близко к тебе! — воскликнул чугайстер, камень задымился под ногами, и его окутал густой туман.

— Как здесь?! — Рита неимоверно удивилась. Она и представить не могла, что, кроме неё, есть кто-то ещё, умеющий оборачиваться в животных.

Туман рассеялся, на камне стоял волк огромных размеров, он подошёл к девушке и прижался широким лбом к колену. Рита запустила руки в густую шерсть и легонько потрепала, она вдруг пожалела, что он уходит, о таком друге можно только мечтать. Волк глубоко вздохнул и пошёл к реке. На спокойной глади воды пролетела серебристая дорожка лунного света, оборотень ступил на тропу и торопливо побежал по водной глади к луне.



11.

День прошёл в приготовлениях к выпускному, а ночью Рита без устали бегала по степи и принималась к знойному воздуху. Степь дарила многообразие ароматов, но того, кого девушка искала, она учуять не могла. Белая кошка побывала на дальних рубежах реки, её одинокий силуэт вырисовывался на высоких берегах и на холмах в степи. Утром она допросила своих зверей и была просто шокирована ответом.

— Хозяйка, прости, нам не велено тебе говорить об этом. Великий сам объявит о себе. Я бы разболтал, ты меня знаешь, но он положил зарок на мою пасть, а писать я не умею, — скулил лис у ног девушки и робко заглядывал в её глаза.

Багира прыгнула на колени Риты и уверенно сказала:

— Великая, тебе нечего бояться. Он уважает тебя и твою свободу, и он оберегает тебя.

— От кого меня беречь? Он что, действительно так близко? — не унималась девушка.

— Мы думали, ты сама догадаешься, — смущённо ответила кошка и на всякий случай лизнула Риту в щёку.

Девушке ничего не оставалось делать, как собираться на выпускной.

В платье цвета морской волны и бирюзовых серёжках, с распущенными волосами, которые ложились на плечи крупными локонами, Рита походила на русалку. Руки сами потянулись прикоснуться к ожерелью на шее. На основной цепочке между бусин свисали золотые нити, на которых крепились бусинки меньших размеров, они образовывали три ряда. Ожерелье было великолепно! Девушка даже пожалела о том, что его никто не видит. Она с любопытством смотрела на себя в зеркало и впервые осознала, что очень привлекательна. Танюшка так и заявила:

— Хоть сейчас под венец!

— Не хочу жениться, а хочу учиться! — весело сказала девушка и, подхватив сестрёнку на руки, закружила её по комнате.

Рита терпеливо перенесла официальную часть торжества, с натянутой улыбкой она приняла на шею золотую медаль отличницы и аттестат зрелости. Учителя бурно аплодировали ей, одноклассники свистели. После небольшого застолья заиграла музыка. Девушка облегчённо вздохнула и собралась уходить, она уже направилась к выходу и неожиданно остановилась. Она могла ожидать от вечера что угодно: пустой болтовни с одноклассницами и учителями, какие-нибудь шутки, учинённые родителями, даже драку, затеянную Захаровым, но только не это. Решительным шагом к ней направлялся Владимир. Он широко улыбался и подмигивал ей. Студент был одет в бежевые брюки и зелёную рубашку, по цвету почти совпадавшую с Ритиным платьем, в волосах торчало несколько васильков. Один цветочек Владимир приколот к волосам девушки, сделал глубокий реверанс и решительно повёл на медленный танец.

— У меня нет слов! — удивлённо сказала девушка, отвечая соглашением на танец. Она думала — неужели весь этот маскарад для неё, неужели этот молодой мужчина испытывает к ней чувство большее, чем дружеское. Что-то нужно было делать с этим романтизмом. Рита впервые внимательно присмотрелась к Володе. Почему она раньше не замечала красоты его лица: большие зелёные глаза, улыбку, в которой всегда столько искренней радости, густые пепельные волосы, которые звали пальцы запутаться в своих сетях. Девушка отвела глаза.

— Володя, я должна тебя сразу предупредить, я не готова, я хочу учиться, в конце концов — мне всего шестнадцать лет! Я же девочка ещё, — быстро залепетала она и покраснела, как маков цвет.

Студент расхохотался так, что заглушил музыку. Он подхватил девушку на руки и закружил.

— Я подожду, пара-тройка лет пустяк по сравнению с вечностью. Я ждал тебя, Жемчужинка, я очень долго тебя искал — тебя и это! — сказал он неожиданно серьёзно и положил свою широкую ладонь на шею девушки, ожерелье стало невыносимо горячим.

Рита ахнула:

— Ты! Это ты — Великий! Дура, десять тысяч раз дура, как же я сразу не догадалась! Ты специально всё подготовил, ты заманил меня в курган! — Девушка не в силах была вести танец, но Володя прижал её к себе и продолжал кружиться по залу.

— Да, я подготовил, но Мать Изиды избрала тебя своей дочерью,

именно тебя, Рита, иначе ожерелье не расстегнулось бы само по себе на шее нефритовой кошки, оно не удержалось бы на твоей шее!

Девушка смотрела в его пылающие зелёным светом глаза и не знала, что и подумать, более того, она совершенно не знала, что делать дальше.

— Ты нашёл нефритовый пояс Эхнатона, да? — спросила она.

— Да, в первую поездку в Египет, только пояс Эхнатона сам меня нашёл и избрал, с тех пор я искал ожерелье и ту, которая сможет его носить и разделить со мной силу превращений.

Неожиданно Владимир встряхнул её, и Рита заметила, что медленный танец сменился динамичной музыкой. Одноклассники запрыгали от возбуждения, они словно не замечали ни её, ни зеленоглазого колдуна.

— Сегодня, Рита, ты должна узнать меня сегодня! Я жду тебя у Лунного камня! — громко проговорил Володя и быстро ушёл.

Девушка стояла посреди толпы танцующих одноклассников и с трудом осознавала всё, сказанное студентом.

Рита, как Золушка, сбежала с выпускного вечера и, забыв об осторожности, неслась через деревню к реке. На небе светила луна, и звёзды лукаво подмигивали ей. Девушка так торопилась, что, прыгнув над высокой веткой прибрежной ивы, она на лету выскользнула из платья, обернувшись гибкой пантерой. Трава хлестала её по бокам, но она не замечала этого. В несколько бешеных прыжков хищная кошка пересекла реку и, стряхнув воду, остановилась у Лунного камня. В центре следов стоял Владимир, луна освещала нефритовый пояс на его теле, несколько рядов зелёных бусин скреплял золотой треугольник с печатью Амона. Лунный свет освещал дуг и молодого мужчину. Володя присел на корточки. Он, не отрывая взгляда, смотрел на пантеру с белой шерстью. Нефритовый пояс вспыхнул, и его окутал плотный туман. Прошло несколько мгновений, и туман рассеялся — в центре камня сидел большой белый леопард с тёмными пятнами по шкуре. Зверь потянулся, а потом осторожно приблизился к пантере — она не двигалась. Две пары изумрудных глаз внимательно смотрели друг на друга, леопард ткнулся широким лбом в плечо пантеры и тихонько куснул её за ухо. Кошка примирительно заворчала, и осмелевший леопард пихнул её на траву. Звери кувыркались у реки и носились по лугам наперегонки. Они прыгали и скакали, они весело боролись и резвились, в ночи долго металось эхо призывных рыков...

Рита очнулась и открыла глаза. Небо розовело в рассветных лучах солнца. Выпавшая роса холодила обнажённое тело девушки. Она осмотрелась, рядом в траве лежал Володя и улыбался во сне. Рита тихонько поднялась и ушла. Её платье всё так же висело на ивовой ветке, девушка быстро оделась и поспешила домой.

Отчего-то кружилась голова и дрожали коленки, она зашла на кухню и жадно напилась воды из чайника. Девушка стояла и прислушивалась к спящему дому. Танюшка сопела в постели, рядом с ней лежала Багира. Лис ворочался в коробке, по ночам ему не спалось. Матери не было.

Рита резко обернулась — за спиной стоял Владимир и мягко улыбался. Он тихонечко погладил её по щеке, прошептал: «Отдыхай» и исчез, как будто его и не было. Девушка добрела до кровати, скинула платье и забылась глубоким крепким сном.

— Её надо срочно разбудить! — возбуждённо шептал лис под кроватью.

Багира вылизывала шёрстку и спокойно отвечала:

— Нет таких дел, по которым стоило бы будить хозяйку.

— Дел, может, и нет, а новости есть!

— Какие ещё новости, Найдёныш? — спросила Рита, поднимаясь с постели.

— Ты только не ругайся, мне не спалось, я пошёл провожать Великого, хотел потолковать с ним по одному делу... Так вот, не успели мы выйти из деревни, как на Великого напали. Их было трое. Ты бы видела, хозяйка, как он их разметал! Одного туда, второго сюда, а третьего со шрамами на щеке он вообще закинул в кусты с крапивой, он так визжал. Я одного за ляжку тяпнул, прости, не удержался. Я хочу себе такие же мышцы, как у Великого! Он такой сильный! — выпалил лис на одном дыхании.

— Так... — девушка торопливо надела халат. — Это Захаров, мне стоило ожидать, что он учинит драку. С Владимиром, я надеюсь, всё в порядке?

— Он нисколько не пострадал, да и как можно, он же Великий. Под глазом маленький синячок, и всё, — лукаво твякнул Найдёныш, радостно виляя перед ней.

Послышались шаги, лис юркнул под кровать и затих. В дом вошли мать с Танюшкой, а за ними Николай.

— Проснулась? — заглянула в спальню Ольга. — Пойдём в зал.

Рита заплела волосы и села на диван рядом с Танюшкой, та торжественно смотрела на мать. Ольга и Николай сидели рядышком и были очень смущены. Первым заговорил Николай:

— Маргарита и Таня, я и Ольга хотим жить одной семьёй. Ваша мама ещё не дала согласие на брак, она хочет, чтобы мы сначала жили вместе. Вы не против? — Эта речь далась ему с трудом, но он с нею совладал и стал ждать решения сестёр.

Девочки для вида пошептались, а потом Танюшка сделала строгий вид и торжественно спросила:

— Николай Дмитриевич, вы действительно любите Ольгу Владимировну?

— Да, милая, я очень её люблю! — подтвердил Николай и взял Ольгу за руку, словно он уже был в зале бракосочетания.

— Тогда мы не против! — Танюшка не выдержала и рассмеялась.

— Маргарита, а что скажешь ты? — на этот раз спросила Ольга.

— Ты приняла мудрое решение, мать, поживёте, примеритесь друг к другу. Слава Богу, дядя Коля не мусульманин, может, всё получится. Женщине нельзя долго быть одной. Дядя Коля, а вы любите нашу мать, она добрая, её просто любить нужно.

— И меня, и меня тоже надо любить! — завопила радостная Танюшка и повисла на шее дяди Коли.

День прошёл в радостных переговорах. Николай решил устроиться в деревню плотником, а там, если Ольга согласится, то он отвезёт их к себе на родину. Оказывается, родители археолога живут на юге Украины.

Рита собирала сумки и не могла решить, какие книги оставить дома, а какие взять с собой. Платье цвета морской волны было тщательно уложено и спрятано в дальний ящик бельевого шкафа. Почему-то девушке думалось, что оно ещё увидит свет и сыграет ещё одну важную роль, только уже в жизни младшей сестры. А младшая сестрёнка ходила среди сумок и Ритино белья как потерянная. Она хотела помочь ей, но у неё всё валилось из дрожащих рук и забывались самые простые просьбы. Танюшка только сейчас поняла, что Жемчужинка уезжает не на день, не на неделю, а на долгие месяцы.

— Таня, я же буду приезжать на выходные, — пыталась успокоить её старшая сестра.

Танюшка всхлипывала, она всегда была скорой на слёзы.

— Родная моя, с тобой останутся Багира и Найдёныш. — Рита села рядом с сестрой и обняла её.

— Прости, хозяйка, — подал голос смущённый лис, — но я еду с вами!

— И что я буду делать с тобой в городе? — удивилась девушка.

— Я ещё не знаю, но Великий обещал навести на меня морок, буду при вас пёсиком ходить. Хозяйка, я обязательно тебе понадобится, я научусь посуду вылизывать, дом сторожить, что там ещё? Кушать плохих людей, только не оставляй меня, — умолял лис, обнимая её ноги.

Танюшка не понимала, о чём твоякает лис, но залилась слезами пуше прежнего.

Сердце сестры сжималось от горя, девушка то и дела перебирала бусинки ожерелья. Неожиданно одна бусинка отделилась от золотой нити и выпала в ладонку. Рита радостно вскрикнула, она отрезала кусочек самой крепкой нити, какая нашлась в доме, и повесила бусинку между ключиц сестры.

— Это тебе на память! С этим подарком тебе не придётся скучать, поверь мне!

Танюшка с любопытством посмотрела на бусину, повертела её в пальчиках и наконец-то улыбнулась.

— Багира, — позвала Рита.

Кошка мигом явилась на зов.

— Вот тебе мой наказ, — произнесла девушка, беря кошку на колени, — береги мою сестру, головой за неё отвечаешь!

Багира громко мяукнула, прыгнула на колени к Танюшке и лизнула её в щёку.

Когда наступил вечер, в гости пришёл Володя. Несмотря на сияние, его глаз нисколько не утратил лукавства. Когда он увидел на шее Танюшки ниточку с зелёной бусиной, долго смеялся.

— А ведь я так же поступил! У меня есть младший брат Костя, он так сильно огорчился всякий раз, когда мне приходилось уезжать, что мне пришла в голову идея подарить одну бусину из нефритового пояса. Видно, это судьба!

— Ты мне зубы не заговаривай, лучше ответь, как тебя угораздило в драку ввязаться? — строго спросила Рита.

— Я поддержал древнюю традицию!

— Какую ещё традицию? С фингалом ходить! — съязвила девушка.

— В Средневековые рыцари всегда сражались за даму сердца. Чем я хуже рыцарей Средневековья?! — и он заодно улыбнулся.

Они сели на скамью возле дома, и Владимир взял Риту за руку:

— Я прочитал серебряные пластинки. Он был воином, его звали Родгай-хан, он нашёл нефритовый пояс в песках, а потом встретил женщину, носившую ожерелье, она была египтянкой, они очень полюбили друг друга. Он пишет о великой силе и о великом счастье. Они много путешествовали вдвоём, участвовали в сражениях между племенами. Рита, они очень долго жили, на пластинках написано, что дети их внуков похоронили в кургане Родгай-хана и его возлюбленную.

— Выходит, они были замурованы живьём, — девушка была потрясена до глубины души, — но почему, Володя?

— Они долго жили и, скорее всего, устали, трудно жить и видеть, как умирают близкие и собственные дети.

— Но ты же нашёл пояс в Египте, а не здесь! — воскликнула девушка.

— Да, перед погребением Родгай снова побывал в песках и вернул нефритовый пояс обратно.

— Тогда почему его возлюбленная не захотела расставаться с ожерельем? — снова спросила она.

— На этот вопрос я не могу ответить, я не знаю, Жемчужинка, наверное, ей было открыто видение будущего, другого объяснения я не нахожу.

Рита вздохнула:

— Как ты думаешь, мы тоже так поступим, когда устанем жить?

Володя лукаво улыбнулся:

— Не загадывай так далеко, миров на свете много, вдруг нам захочется пожить в другом мире, ты разве не думаешь о том, чтобы навестить чужаков в мире дремучих лесов?

Девушка ахнула.

— Ты что, ходил за мной по пятам? — возмутилась она.

— Только не сердись, ну сама подумай, он же оборотень, а ты маленькая девочка, неопытная в силе превращений. Я был в шоке, когда понял, что ты его очаровала!

— Неправда, я его не очаровывала! — покраснела она.

— Очаровала! Но ты молодец, дала ему хороший совет. Думаю, теперь его стая не исчезнет в небытии миров.

Девушка вздохнула:

— А как же город, там не побегаешь пантерой или лошадей, кругом люди, машины, дома...

Владимир поднялся и повлёк за собой девушку на луга.

— Может, хватит уже бегать, не пора ли изведать воздушное пространство?!

— То есть как это, воздушное пространство? — не поняла Рита.

— Не знаю, как ты, а мне полюбилось обличье сокола!

Девушка подпрыгнула на месте от радости.

— Жемчужинка, ты меня совсем-совсем поцеловать не хочешь?

— неожиданно спросил студент.

Рита громко рассмеялась, показала Володе язык и побежала навстречу новому превращению.

Они уехали на следующий день. В доме стало непривычно тихо и пусто. Танюшка слонялась из комнаты в комнату и катала бусину в пальцах. Кошка бегала за ней по пятам и ласково мурлыкала, но это мало утешало девочку, она даже всплакнула от печали. Танюшка ходила на луга, сидела на Лунном камне, вспоминала, как Рита катала её на спине, как они носились по траве и купались в мелких заводях реки.

Вечером, когда Танюшка легла спать, она долго не могла уснуть, а когда уснула, то ей снились странные тревожные сны. Неожиданно она проснулась среди ночи и увидела два маленьких огонька серых кошачьих глаз. Рядом с ней сидела кошка Багира и призывно мурлыкала. И в этом мурлыканье Танюшке отчётливо слышались слова:

— Хозяйка! Моя маленькая хозяйка!

*Тюменская область,
п. Октябрьское*

Кужена и Ратген

1.

Кужена шла по давно знакомой тропе и устало смотрела вперёд — это была приятная усталость. Девушка любила лес, весь день она ходила по его лабиринту, собирала ягоды и целебные травы. Огненно-рыжие волосы выбились из-под платка, влажные каре-зелёные глаза радостно светились, на пухлых маленьких губах краснело пятнышко от сока земляники.

В её деревне под названием Опушка, что находилась на южной окраине обширного Словенского княжества, мало кто забирался вглубь леса, за дровами ездили в ближайший березняк, а камень для больших построек добывали тут же на скалистом берегу реки Горючки. Но чтобы дальше развилки Трёх Дубов или совсем уж за пальцы Спящего Великана — редкий храбрец отваживался ходить. Это если бурого медведя добыть для пана Лютича или пару рыжих лисиц для невесты. Без нужды в лесную глушь не совались. Места заповедные, легендами, как паутиной, опутанные, и не знаешь, где правда, а где вымысел. Деревенские бабки малых деток пугали: думать не смей дальше Трёх Дубов ходить, а ну если проснётся Спящий Великан и затопит своими слезами? Или высунет свою руку и цапнет за ноги и

утащит под ковёр лесного дёрна. Мало что каменные пальцы из земли торчат: седые деда шептали, что в лихие годы видно, как эти пальцы шевелятся. О высокой гряде скал с шумным водопадом, что люди называли Спящим Великаном за беспокойный нрав (то обвалы устраивает, от которых шум стоит на весь лес, то пресные воды реки Горючки солёными слезами на несколько дней испортит), много разных историй по княжеству ходило. В одной из легенд говорилось о том, что жил в давние времена охотник из племени великанов, однажды прилёт он отдохнуть в лесу после долгой охоты и заснул таким глубоким сном, что спит до сих пор. Время занесло его землёй — на той земле выросли среди камней леса. С высокой скалы, что очертаниями напоминала голову, обрушился водопад с водой, а вода эта временами становилась солёной. Неподалёку от водопада в лесу на холме торчали полукругом из земли высокие камни, ровно пять штук с гладким валуном посередине. Их сразу нарекли Пальцами Великана. Одного не могла поведать легенда, отчего заснул Великан и обратился в камень. Неспроста он шевелится, обрушивая лавины камней и извергая в водопаде соль своих слёз. Видно, мучается во сне от неведомого горя Спящий Великан! Вот и страшились люди в те места ходить.

Кжена этих легенд и разговоров не боялась, да и чего бояться дочери лесника, если, едва научившись ходить, она вместе с отцом отправлялась в дальние путешествия по лесу. Мать девушки умерла при родах. Родственники долго выговаривали молодому леснику, взял бы девушку из родной деревни, а не из города, может, была бы у девочки мать. Все знают, что деревенские девки крепче хилых горожанок. Но отец сильно полюбил мать Кжены. Как увидел её на торгу в городе Збышике, на других смотреть не хотел. Сразу посватался. Может, и женился бы во второй раз, да, видно, не успел. Когда Кжене исполнилось четырнадцать лет, отправился отец за рыжими шкурками лисиц справить шубку единственной дочери и набрёл на медведя-ломаку. Домой лесник вернулся, слёг да так и не поднялся. Вскоре Кжена осиротела совсем.

Избушка лесника стояла вдали от деревни, за развилкой Трёх Дубов. Однако где это видано, чтобы четырнадцатилетняя девушка жила одна. Вот и забрали Кжену сердобольные родственники отца, семья его старшего брата-плотника. А лучше бы и не брали, в семье ртов хватало, у дядьки с женой пятеро детей было: четверо сыновей и младшая дочка Василя. Трое старших уже женились и своими семья-

ми пристроились к родительскому хозяйству. Пищали первые внуки. Где же было бедной девушке расположиться в тесном доме. Никто особо о ней не заботился, сыта ли она или голодна, а домашнюю работу выполнить была обязана.

Сироте отвели закуток в летнем сарае, где обитала вся хозяйская живность, а зимой ставили лавочку у печки. На этой лавочке Кжена вязала узорные половики из полосок ткани, на ней же и спала, укутавшись в овчинный полушубок отца. Третий год жила она у родственников, третий год с нетерпением ждала весны и лета. На ранней зорьке, подоив пегих коров, уходила девушка глубоко в лес и возвращалась к вечеру. Кжена хорошо знала силу трав — отцову науку, вся деревня к ней ходила за советом: чем унять зубную боль, какую травку к гноинику привязать, чтоб быстрее сошёл, а то и от сердечной боли старикам отвар приготовить.

Вроде и не мешалась девушка, и по хозяйству помогала, а всё равно сирота. Кроме избушки в лесу, никакого приданого у неё не было. Из родственников дядька да тётка по материнской линии, что жила в городе Збышике. Он бы и отвёз Кжену, но от деревни до города две недели пути, деньги на дорогу тратить не хотел, да и страшно ему было: мало ли какой народ по дорогам шастает. Вот и ждал дядька, когда девочка подрастёт и можно будет её с первым обозом в Збышек отправить. Кжена лицом и статью пошла в мать, не в отца, на её «городскую» красоту всё равно никто не позарится. Деревенские девушки как на подбор, телом крепкие и сбитые, русые волосы в две косы заплетали, песни заведут — на всю деревню слышно.

Дочка лесника словно веточка осенней рябины, оттого и назвал её отец, не раздумывая, Кжена, что значит Рябинка. Медно-рыжие кудри заплетались в две нехитрые косички, глаза — два каре-зелёных омута, на белом лице ни единой веснушки. Губы маленькие, пухлые, уголки скорбно опущены, было бы чему сироте улыбаться. В поношенном платье с чужого плеча спряталось маленькое тонкое тело без особых прелестей. Голос тихий и мягкий, не всякий расслышит. Дядька и не надеялся выдать её за какого-нибудь парня из местных.

Уже близился вечер. Девушка шла по лесной дороге и глубоко дышала влажным воздухом. Руку оттягивала корзинка, доверху полная земляникой, сверху лежал пучок корней для двоюродной сестры. Она жаловалась на то, что стали волосы выпадать. Жаль девичью

косу, а волосы у Васильки дивные — золотой сноп пшеницы, искрящийся под солнцем. Пожалела её Кжена, решила отвар приготовить. А земляника, настоящая на меду, станет хорошей справой от хворей. В маленьких ягодах прячет солнце свою силу, кто умеючи возьмёт, у того здоровья прибавится. Так думала она, пока не услышала дробный перестук копыт за спиной. Видно, кто-то из поместья от пана Лютича ехал в Опушку.

«Не придумал бы строгий пан новый сбор с людей деревни: что ни неделя, то новый указ — серебряный за свадьбу отдай, золотой на укрепление пановой дружины, два серебряных на улучшение дорог, а медяк, хочешь не хочешь, трать на свечку Богу в храме. Тянут подневольные лямку, а что делать, лучше так отдать, а не то рассердится пан Лютич, налетит с верховыми, заберёт последнее, рад будешь, что жив остался». — Кжена вздохнула от таких мыслей, но привычно сосупила с лесной дороги в траву, чтобы всадник случайно не зашиб.

Конь тяжело нёс свою ношу. Бряцали шпоры о стремяна, хлопал плащ по крупу. Промчался бы всадник, но отчего-то резко остановил коня и направил к девушке. У Кжены от испуга перехватило дыхание. Из-под капюшона на неё пристально смотрели чёрные глаза, в которых не было ни капли жалости, край плаща оттопыривала крестовина меча. Храмовник грозно и пристально смотрел на неё, одной рукой он держал поводья, другой лихорадочно стискивал большой железный крест на груди. Несколько мгновений тянулось тягостное зловещее молчание. Затем храмовник резко развернул коня и галопом пустил по дороге. Девушка перевела дыхание и заторопилась в деревню. Она слышала про носителей Креста от деревенского священника, но увидела впервые. Прибавится же хлопот. Какая нелёгкая занесла храмовника в их глушь. Пан Лютич никогда не отличался особой набожностью и рвения в служении Храму не проявлял. В Опушке стояла маленькая церковь, а при ней служил отец Сурин. Он случайно заехал в их края да так и остался. Уж очень он любил попить вина да плотно покушать. В их глуши некому было следить за тем, как он служит Храму. А если деревенские и замечали, что некоторые проповеди он читает во хмелю, так оно и незаметно. Лишь бы не грозил ямой огненной да исправно окроплял священной водой местных младенцев.

Девушка наконец-то зашла во двор дядькиного дома, благо он стоял на окраине деревни, за огородами сразу лес. К немалому удивлению Кжены, дома никого не было. Она заглянула в сарай — коровы стояли в

загонах и терпеливо ждали дойки. Мычали некормленные телята. Девушка быстро отнесла корзину с ягодами в дом, подхватила вёдра и побежала доить пегих коров. Во дворе стояла тишина — обычно ругались старшие сыновья дядьки, пищали младенцы в люльках, а тут никого. Кжена забеспокоилась, должно быть, в деревне случилось что-то неладное.

Громко хлопнув воротами, во двор вбежала запыхавшаяся Василька. Она кинулась в дом и тут же выскочила, на ходу завязывая мешок. Из дрожащих рук Кжены выпал подойник, и белое молоко побежало по деревянному настилу сарая.

— Что? Василька, что случилось? — прошептала девушка еле слышно.

Сестра не ответила, она торопливо закутала Кжену в тёплый дорожный плащ и повела задворками через сарай и огороды в лес. Девушки стрелой пронеслись через репище и влетели в густые заросли подлеска. И только здесь Василя сняла тяжёлый мешок с плеча и перевела дыхание.

— Он сказал, что ты ведьма и тебя надо сжечь! — крикнула она.

— Кто? — спросила Кжена, растирая запястье.

— Храмовник! Каким ветром занесло его в наши края? Спасибо отцу Сурину, священник не так туп, как кажется. Он ещё помнит твою доброту, это он попросил тебя предупредить. И когда это ты успела схлестнуться с рыцарем Храма?

Кжена слабо кивнула. Да, отец Сурин, любивший плотно покушать, страдал желудочными болями и коликой. Она научила его делать отвар из трав. Теперь он может в один присест съесть молочного поросёнка с яблоками.

— Я по дороге шла домой. Он мимо меня проехал. Василька, я не понимаю... — Девушка действительно не могла понять, в чём её вина и за что это сразу на костёр.

— Что тут понимать, помнишь бабу Гриппину из соседних Пшенор? Сожгли! А за неё дети заступались и соседи, а за тебя кто? — тут Василя осеклась, мать с отцом не выбирают, надо любить, какие есть, а то, что Кжена для них была как репей в огороде, так на то была она, старшая сестра, чтобы заступиться за неё.

— Послушай, нужно переждать месяц-другой. Он всё равно уедет, погоняет нашего священника и вернётся в свой Храм. Кженка, если ты останешься, он тебя замучит или таки добьётся, чтобы тебя сожгли на потеху пану. Поживи в лесу. Ты же сможешь жить в лесу! —

Василька опустилась возле неё на колени и обняла за плечи. — Только тебе нужно уйти подальше, в доме лесника тебе нельзя оставаться. Я слышала, где-то в лесу есть пещеры.

Кжена кивнула в ответ:

— Да, я знаю, за Пальцами Великана.

— Каждую неделю я буду ждать тебя на развилке Трёх Дубов и приносить хлеб. Через месяц ты вернёшься. Я всем скажу, что ты уехала в Збышек к тётке. Сестрёнка, лес — твой второй дом, он не обидит тебя, правда? Ведь правда?! — она тряхнула девушку изо всех сил, пытаясь унять свой собственный страх. Ей самой с большим трудом представлялась жизнь в лесу.

— Да-да, конечно, ну что ты, Василька, всё будет хорошо. — Кжена обняла сестру и погладила её по голове. Дядькина дочь была старше её на пару лет, к девушке уже сватались, но строгий отец не торопился отдавать её в чужой родительский дом, выбирал жениха получше и побогаче. Раньше она и подумать не могла, что может расстаться с ней надолго.

Сёстры не прощались, условились встретиться через неделю у развилки Трёх Дубов ранним утром. Василя, не оглядываясь, побежала в деревню, а Кжена, подхватив мешок, кинулась в противоположную сторону. Путь до развилки Трёх Дубов она знала так же хорошо, как свою ладонь. Чуть в стороне стоял домик лесника. Девушка решила заглянуть в отчий дом, он хоть и пустовал, но она иногда ночевала в нём и какие ни есть, но всё-таки необходимые вещи там были. К заплочному мешку добавился ещё один, в него Кжена положила котелок и кресало, большой нож с широким лезвием, верёвку и старое потёртое одеяло. Очень бы пригодился овчинный полушубок отца, но он остался висеть в закутке сарая.

2.

Солнце садилось за дальние горбыли лесистых холмов. Девушка торопилась дотемна добраться до Пальцев Великана. Куда ж ещё бежать от людей, как не туда. К скалам Спящего Великана никакой рыцарь Храма не сунется. Ноги привычно выносили её на знакомые тропинки, и она бесстрашно ныряла в густой подлесок, не опасаясь

лесного зверья. А и встретила бы медведя-ломаку — не испугалась, посмотрела бы ему в глаза, пристыдила: «Что же ты, Лесной Дедушка, отца моего заломал али не ведал, что останется его доченька сиротой».

Длинные тени ложились на траву, в воздухе разливалась вечерняя прохлада. Идти стало труднее, тропы попадались больше звериные, и то они вели в сторону ручья. Один раз Кжена спугнула стайку оленей. Девушка пробиралась сквозь густой подлесок и пыталась представить себе жизнь вдали от людей. Мысли путались, она не боялась ночевать в лесу, и всё-таки было как-то не по себе. Вековые дубы то расступались перед ней, то сходились вновь. Иногда к ним примешивались клёны и берёзки, орешник между ними разрастался столь густо, что не пропускал солнечных лучей. Журчал ручей, именно он был основным указателем на пути к Пальцам Великана. Солнце закатилось, на небо выплыла луна. Кжена всё-таки успела добраться до места, однако заночевать ей придётся именно здесь.

Девушка вышла из леса на поляну. Здесь возвышался холм, на вершине холма стояли полукругом высокие камни. Пять из них стояли стоймя, а один лежал в центре. Кжена поднялась на холм и скинула мешки, повела уставшими плечами и положила ладони на ещё тёплый камень.

— Давно заснул Великан колдовским сном, но иногда его душа прорывается сквозь тенёта сна и он тянет руки, пытаясь освободиться от пут колдовства. Но мало сил у него. Потому и торчат каменные пальцы из земли с широкой ладонью. Вот положу тебя на ладонь Великана, глядишь — он перестанет плакать по любимой... — словно издали слышала она голос отца.

Девушка взобралась на камень, положила под голову кулачок и устроилась в неглубокой выемке. Посмотреть сверху — так и действительно покажется, что девушка лежит в ладони огромной руки. Луна сияла с усыпанного звёздами неба и протягивала к земле свои прохладные серебристые струи.

И только теперь Кжена позволила себе расплакаться. Слёзы стекали из глаз по лицу и противно ползли за уши под ворот плаща. Она редко плакала, за свою короткую жизнь всего дважды. Первый раз — когда неудачно прыгнула с дерева и сломала хрупкую косточку на предплечье. Резкая боль ударила в плечо, и слёзы сами по себе брызнули из глаз. Отец потом тихо улыбался в усы, «колдуя» над её рукой, заключая между двух ивовых дощечек и бинтуя широкой лентой.

— Теперь ты знаешь, что такое боль плоти, — сказал он тогда, вытирая слёзы на её щеках. У него были большие и тёплые шершавые ладони. Она любила прижиматься щекой к его рукам, они всегда пахли лесом.

Второй раз Кжена плакала над могилой отца. Она стояла одна и со страхом думала об одиночестве.

— Теперь ты знаешь, что такое боль сердца, — если бы он был жив, он сказал бы ей именно эти слова. Но она никогда потом не говорила о нём — умер — как и мама, он ушёл в невидимый мир леса.

Под негромкий шелест листвы девушка заснула. Она спала без снов, крепко, не просыпаясь до самого позднего утра. Не надо было бежать доить коров, готовить кашу на всю семью, должно быть, она проспала бы и до полного рассвета, но на узловатых ветках дубов застрекотали белки, они-то и разбудили девушку.

Кжена удивлённо осмотрелась. Камень был тёплым, словно домашняя печка.

«Здесь хлопочут белки, значит, не может быть зла в этом месте, и спала я крепко, как дома не спалось уже давно», — подумала она и слезла с камня.

Мешки лежали нетронутыми. Девушка наконец-то осмотрела своё добро. Догадливая Василия положила ей три ковриги хлеба, пару мешочков крупы, щепотку соли и кулёчек сушёных, с прошлого года яблок. Что ж, неприхотливой Кжене этого вполне хватит на неделю. Она перекусила кусочком хлеба, запив его водой из ближайшего ручья. Спрятала мешки и пошла дальше вглубь леса, туда, где высились скалы и шумел водопад.

— Ты, дочка, не бойся его, — вспоминала Кжена слова отца, когда они были у подножия скал. Хотя и было это один раз, но она вспомнила все приметы, показанные отцом, и его рассказы об этом таинственном месте. — Он не злой, люди говорят неправду. Они не понимают, что от горя скорее станешь диким, но не злым. Вот и Великан потерял любимую и от горя разметал скалы, раскидал огромные куски земли и сам окаменел, уснул на века. Не смог снести своей печали, даже и во сне источает слёзы.

— А где его любимая? — спросила тогда маленькая Кжена, глядя на шумный водопад.

— Никто не знает, милая, это было давно, так давно, что ни деревни нашей не было, ни городов на дальних рубежах. Жил молодой

охотник, мастер на все руки, крепкий, могучий из племени великанов. Полюбила его девушка из другого рода, затеяли свадьбу. Да вот беда, накануне охотник подстрелил молодую волчицу, а она оказалась оборотнем. Прогневалась её стая, и в день свадьбы один из серых волков силой увёл невесту охотника по Лунной Тропе в другой мир. Не смог охотник отыскать эту тропу, уснул тяжким сном.

— В другой мир? Разве есть другой мир? — спросила удивлённо дочь лесника, для неё существовал только лес и мир, в котором живут люди и звери и нет никаких оборотней и великанов.

— Есть, ягодка моя, и не один мир, а множество миров, они подобны лучам солнца и луны! А раз они лучи, то и видеть их мы можем в определённое время и в определённый срок! — задумчиво ответил лесник.

— Отец, это сказка? — маленькой Кжене трудно было поверить в оборотней и в Лунную Тропу. Оборотней она никогда не видела, о Лунной Тропе ничего не слышала.

— Нет такой сказки, доченька, в которой бы не скрывалась правда. Давай пожалеем его и поклонимся его горю...

Девушка неторопливо шла по зелёному дёрну, необъятные, в три обхвата, дубы властвовали над лесом. Она замечала приметы отца: по правую руку шум реки, по левую руку лес выгибается длинным холмом; кончились дубы, начался густой орешник, потом родник, обложенный круглыми валунами, за родником поляна, за поляной ельник. Здесь нужно быть осторожной, не ровен час, выскочит из крепи лесной дикий кабан с длинными, как охотничий нож, клыками. А то и Дедушка-Медведь зашумит кустами, заурчит в громком дыхании. А за ельником, разметав высокие неприступные скалы, Спящий Великан сбрасывает водопад своих слёз в круглую глубокую впадину, а из впадины вода бурным потоком вырывается в реку. Добежав до Опушки, река истончается в небольшой поток и будет называться местным именем — река Горючка, ибо быстрые и тёплые воды её даже в самую лютую зиму не застывают.

Кжена долго стояла на высоком берегу впадины и слушала шум водопада, как она ни прислушивалась, но так и не уловила плач Великана, однако, плеснув воды в лицо, ощутила лёгкий солоноватый привкус. Она обошла впадину и вышла к реке, здесь отец добывал для своего брата-плотника драгоценное красное дерево и осинку. Крепкие брёвна связывались попарно верёвкой и сплавлялись по реке к деревне.

Девушка нашла заросшую ямку для костра и старый развесистый дуб с таким большим дуплом, что она могла в нём целиком поместиться и тесно ей не будет. Здесь Кжена и надумала жить, пока храмовник не оставит деревню. Её совсем не тянуло в скалы, если и случится нужда, то по осени она обязательно найдёт для себя пещеру, чтобы перезимовать.

Пока девушка устраивала своё новое жильё, день прошёл незаметно. Она поужинала прихваченным с собой куском хлеба и заночевала в дупле.

На следующий день Кжена перенесла мешки к дуплу и устроилась основательно. Днём она запаривала в котелке кашу, вечером готовила отвар из трав и ягод. Девушка с удовольствием гуляла по лесу, собирала пучки целебных трав, купалась в тёплой воде реки. Не успела она как следует познакомиться с лесом и скалами, а неделя пролетела, и пора было спешить на встречу с сестрой.

Василька ждала её у самого дальнего дуба развилки, рядом паслась лошадь, и видно было, что она тяжело нагружена.

— Ну где ты, я уже стала думать, что не увижу тебя, — укорила она сестру.

Кжена заглянула в её глаза — и радость встречи померкла. Глаза у Васильки были затравленные, на щеках бледность, губы плотно сжимались, словно боялись сказать опасное слово.

— Говори, не томи, — уверенно проговорила девушка.

— А что говорить, он остался. Он вообще не думает уезжать! Вечером прошлого дня сожгли бабку Фенну... — Губы предательски затряслись, и она расплакалась.

Кжена усадила её под кроной дуба и крепко обняла.

— Нельзя тебе возвращаться, понимаешь. Он ходит по дворам с отцом Сурином и допрашивает: сколько свечей в церкви сожгли, молились ли на ночь, не оставили ли где иглу или нож. У детей куклы отобрали. Говорит, что это всё чёрное колдовство. Он всех чёрных кошек передавил. Грозит адовыми муками, а сам в жару, словно его изнутри поедает огонь. Отец Сурин шепнул отцу, что по ночам храмовник себя хлещет плёткой, а утром кутается в тряпье, словно хочет что-то скрыть.

— А что пан? — догадалась спросить Кжена.

— Пан Лютич боится его пуще адовых мук. Запугал нас, говорит, что если не угодим ему, то в Опушку ещё храмовники приедут.

А куда нам ещё?! Нам бы этого снести. — Василя перестала плакать и вытерла щёки длинным рукавом рубахи. — Я тебе припасов привезла и полушубок твоего отца.

— Спасибо, — тихо поблагодарила Кжена.

Её опечалили новости, в лесу жить ей в радость, но то что люди деревни мучаются, это легло на сердце каменной тяжестью. Жалко было бабку Фенну, жалко сестру. Девушки сняли мешки с лошади и припрятали в густом кустарнике. Потихоньку Кжена перетаскает их к дуплу.

— Василя, ты не беспокойся обо мне и не приезжай часто. Давай теперь через три недели. И не жди меня, я обязательно тебе буду оставлять весточку.

— Кженка, как же ты в лесу, одна? — забеспокоилась сестра.

— Хорошо, правда, хорошо. У подножий скал я нашла дуб с огромным дуплом, там спокойно. Зла нет. Ой, чуть не забыла, вот возьми, для тебя собрала, запарь травку и волосы ополаскивай, выпадать не будут...

Лицо у Василя стало чужим и свирепым:

— У нас людей мучают, а ты о моих волосах заботишься! Дура! — Она рванула лошадь за уздечку, быстро взобралась на неё и ускакала прочь.

Кжена долго смотрела ей вслед, смущённо теребя в руках ненужный пучок травы.

3.

Несколько дней Кжена переносила мешки с запасами в своё дерево. Сестра собрала ей столько добра, что, казалось, запасала вещей впрок не только на лето, но и на зиму. Девушка могла только догадываться о том, с какой осторожностью Василя складывала мешки. Кабы отец не дознался и не осерчал. Дядька, видно, думал, что Кжена сама убежала, испугавшись храмовника и его угроз.

Солнце припекало всё сильнее. Девушка надевала длинную рубаху и синюю широкую юбку, подбирая подол и заправляя его за верёвочку пояса. А чтобы мошकारа не одолевала, натиралась соком трав. Стайка оленей, что паслась на полянах у подножия скал, уже

не боялась Кжену. Лани ложились у её дуба на ночь, а олениа то и дело заглядывали в котелок, не осталась ли там горсточка каши. Девушке полюбилось играть с ними в догонялки и чесать белое пузо самым ласковым олениатам. Иногда ей удавалось добыть полкружки олениного молока.

Вот и вторая неделя пролетела, за ней поспешила третья. Как-то девушка бродила по орешнику, выискивая прошлогодние беличьи припасы ореха, и вышла к Пальцам Великана. Отчего-то ей снова захотелось лечь в каменную тёплую ладонь и забыться сном без сновидений. Она долго наблюдала за тем, как солнце закатилось за дальние горбыли леса, как звёзды по одной зажигались на небе, как медленно и величаво выплывала на небо круглая луна. В эту ночь луна была особенно сияющей, казалось, струи лунного света сплетались в дивное кружево, а одна самая большая струя падала прямо в центр каменных пальцев, и не было сил преодолеть это очарование...

Как заколдованная, девушка смотрела на луну и вдруг увидела странные тени в лучах ночного светила. Кжена приподнялась и замерла от испуга. Вокруг камней кольцом стояли волки, их глаза светились зелёным светом, но взгляд этих страшных глаз был человеческим. Девушка быстро закрыла глаза руками и открыла вновь, она надеялась, что это сон, что ей мерещатся эти огромные лохматые звери. Волки исчезли, но на их месте стояли люди в странных одеждах из волчьей шкуры. Один из них осторожно подошёл к девушке и заглянул в лицо. От страха она потеряла сознание.

— Мать Кена, сомнений нет, это она!

Девушка очнулась и медленно открыла глаза. Солнце уже поднялось, и тень от каменного пальца легла на Кжену. Она всё так же лежала в каменной ладони, возле неё стоял высокий статный мужчина в годах, рядом с ним вовсе пожилая женщина. У обоих висела на плечах волчья шкура.

— Кто вы? — проговорила девушка и приподнялась.

Прежде чем ответить, мужчина долго смотрел в её глаза, отчего девушке стало совсем жутко, ей хотелось спрыгнуть с камня и умчаться в лес и спрятаться, забившись где-нибудь в укромный уголок. Но жуткие глаза подчинили её своей воле, и она не могла даже пошевелиться.

— Меня зовут Олейгрин, я вожак стаи чугайстеров. Мы волки-оборотни. Но тебе нет нужды бояться нас, мы не причиним тебе зла,

более того, ты являешься единственным спасением нашей стаи.

Девушка удивлённо смотрела на вожака и ничего не понимала:

— Вы оборотни, разве такое может быть?! От чего я должна спасти вас?

Но тут в разговор неожиданно вмешалась старая женщина:

— Ты всё узнаешь в своё время, а пока давай разберёмся, что ты делаешь в лесу одна? Близко ли жильё людей?

— Я живу в лесу временно. В деревню приехал Рыцарь Храма, он думает, что я ведьма, и хочет меня сжечь. Но скоро он уедет, и я вернусь домой в свою семью! — Кжена быстро говорила и краснела на глазах, она не верила самой себе, как же ей поверят эти люди. Оборотни! Разве она могла подумать о том, что легенды и сказки, которые рассказывал отец, оживут.

— Не надо говорить неправду, милая, нет у тебя семьи, — уверенно проговорила женщина и крепко сжала запястье девушки, — меня все в стае зовут Старая Волчица, но ты меня можешь звать просто мать Кена.

Волчица помогла девушке спуститься с камня и быстро повела её вглубь леса. Кжена не смела ей перечить и бежала за ней, подхватив край юбки. Иногда она падала на колени, и тогда волчица одним рывком ставила её на ноги — мать Кена была, на удивление, очень сильной. Наконец они выбежали на широкую поляну, и девушка увидела всю стаю оборотней в сборе. Мать Кена посадила её на траву и присела рядом.

Кжена робко подняла глаза. Стая оказалась не такой большой, если, конечно, волки и волчицы собрались все вместе. Девушка насчитала тринадцать, из них три уставшие женщины, два старика, пять крепких парней и маленький мальчик-волчонок, который удивлённо смотрел в её сторону и старался подобраться поближе. Все они были одеты, как обычные люди, в рубахи, кожаные штаны заправлялись в сапоги, но одно отличие от людей было — широкая волчья шкура в виде плаща покрывала плечи каждому оборотню, да так ладно, что казалось не враз снимешь.

В центр поляны вышел вожак стаи, и все обратили свои взоры в его сторону:

— Чугайстеры! Наконец-то наше долгое странствие по Лунной Тропе закончилось. Мы долго шли сквозь миры, влекомые тайным зовом судьбы, и нашли Ту, что спасёт нашу стаю от угасания. Призна-

юсь вам честно, я не знаю, радоваться нам или горевать, но этот зов привёл нас именно в тот мир, где на нас легло страшное проклятье! Великая дочь Луны обещала вывести меня к Избранной, и она исполнила своё обещание. — Олейгрин говорил громко, но было видно, что не вся стая разделяла его веру в тайный зов, которым наградила его в одном из миров дочь Луны. Один из молодых волков подошёл к девушке очень близко и посмотрел ей в глаза, от ужаса Кжена сжалась в комочек.

— А ты не ошибся, вожак? Посмотрите на неё, она же ещё не вошла в зрелость и совсем слабая, разве она сможет подарить нашей стае Продолжение? — крикнул в стаю молодой волк, тряхнув рыжеватыми волосами. Его лицо было словно высечено из камня. Над тёмно-зелёными глазами нависали густые, спросшиеся в одну полоску брови.

Олейгрин повернулся в его сторону, и его взгляд стал тяжёлым:

— Чугайстер Рик! Я могу ошибаться, но Великая — никогда!

— Однако Великую дочь Луны видел только ты один, — не сдавался молодой волк, которого вожак назвал Риком. — Мы поверили тебе, и как стадо глупых овец, последовали за тобой по Лунной Тропе. И к чему же ты нас привёл? Мы могли бы обосноваться в одном из дружелюбных миров, где властвуют бескрайние леса, и жить там. Но мы пошли за тобой и вернулись в мир, где наших предков проклинали, а Избранницей оказалась хилая и слабая дочь людей!

— Это она, Рикзул! — крикнула мать Кена и поднялась навстречу волку. — Мне ты можешь верить! Я старше всех вас! Я одна помню тот день, когда один из молодых волков привёл в наш мир Чужую Невесту, а с ней и проклятье на наш род. Верьте мне, — снова страстно повторила старая волчица, поднимая перепуганную Кжену с колен и обнимая её, — эта девочка — дочь Леса, и она сможет нам помочь.

— Мы верим тебе, мать Кена! — крикнула одна из волчиц. — Но тогда кто будет с ней? Кто?

Олейгрин поднял руку, призывая расшумевшуюся стаю к молчанию:

— Сегодня ночью состоится поединок! Тот, кто победит, станет Избранным.

Рикзул! Яждык! Корвил! Занвар и ... Ратген! Вам выпала честь сражаться за право быть лучшим и стать парой Избранной.

Вожак называл имена чугайстеров, и они по одному выходили в центр поляны.

Пять молодых оборотней — цвет и сила стаи. Не успела девушка опомниться, как её подхватили сильные руки волчиц. Её куда-то вели, и она не в силах была сопротивляться. Мать Кена догола раздела девушку и критически осмотрела. Кжена действительно была хрупкой и маленькой, на бледной коже ни единого намёка на загар. По сравнению с волчицами она казалась девочкой-подростком.

Её вымыли на берегу Горючки и натёрли странным пахучим жиром. Кжена была как в тумане. Незаметно прошёл день, и лес окутала ночная прохлада. Девушку снова привели к Пальцам Великана и усадили в каменную ладонь. Она куталась в чужую рубашу и сжималась в комочек, не понимая происходящего. В это время вокруг камня выстроились молодые оборотни, обнажённые по пояс, с длинным куском волчьей шкуры вокруг талии. Луна ярко осветила весь холм. Из-под ветвей столетнего дуба выступил Олейгрин с кожаным бубном в руках. Он медленно подошёл к высоким камням и по безмолвному знаку ударил ладонями по бубну. Громкая ритмическая дробь наполнила лесную тишину, и молодые волки разом двинулись на расстоянии вытянутой руки друг от друга.

Кжена удивлённо смотрела на слаженный танец оборотней, казалось, таинственная сила вела их по кругу и никто не смог бы вывести танцующих из него. Скорость танца увеличивалась, волки кружились вокруг камня, и тела в лунном свете блестели от пота.

Неосознанно девушка поддалась этой дико звучащей музыке, она поднялась на колени и раскачивалась в такт ритму. Перед ней мелькали видения зверей, один образ сменял другой, они проходили сквозь её тело и исчезали в лучах луны. Один образ остановился, и девушка замерла, в душу смотрели доверчивые глаза юной лани, огромные, каре-зелёные, с рыжими ресницами. Образ лани вошёл в её сердце и остался.

В это время из круга дикого танца вылетел один обессиленный оборотень, затем другой и третий. Теперь за Кжену соперничали двое чугайстеров. Одного из них девушка уже знала, это был Рикзул. Он свирепо скалил зубы и гулко бил в грудь своими кулаками, казалось, этим он хотел прибавить себе сил и скорости. Его соперник скользил размеренно и чётко, словно и не было для него поединка, но был лишь танец с его тайной силой. Он был меньше в росте и тоныше в талии, в гриве длинных волос белые пряди перемежались с чёрными. На губах светилась радостная улыбка. Девушке показывали

лось, что он не просто танцует, он вспоминает что-то очень дорогое и любимое.

Олейгрин бил в бубен всё быстрее и быстрее. Поединок шёл к завершению. Издав вопль ненависти и обиды, Рикзул без сил вылетел из круга танца. Вожак резко оборвал дикую музыку, и в полной тишине ночи к бледной девушке подошёл победивший оборотень. Он снял её с камня и прижал её спиной к своей широкой мокрой от пота груди. Над лесом взвился слитный вой волчьей стаи.

— Меня зовут Ратген, — услышала Кжена уставший, даже несколько печальный голос оборотня и потеряла сознание.

4.

— Я не хотел её, отец, пойми, я никогда не забуду свою волчицу!

Кжена пришла в себя, но не торопилась открывать глаза. Ратген крепко держал её на руках и разговаривал с вожаком стаи. Они шли вглубь леса.

— Сын мой, ушедших не вернуть. Ты должен отпустить память о ней. Тебе выпала честь спасти стаю. Всё-таки я рад, что именно ты победил. Кому как ни тебе, мой мальчик, быть Избранным. Когда я уйду за Тень, ты займёшь моё место и возглавишь род чугайстеров.

— Отец, ты не так стар, чтобы упоминать Тень, — возразил молодой оборотень.

— Никто не знает своего срока, мой отец, а твой дед погиб в расцвете лет. Ратген, мы не должны исчезнуть! Полюби эту девочку, будь нежен с ней и научи нашим обычаям. Теперь она твоя подруга до скончания дней!

— Я буду ей добрым спутником, но не проси меня полюбить её, это невозможно! — горько ответил Ратген.

— Поступай так, как считаешь нужным. Мы нашли место, где она жила, и забрали вещи. Вы будете жить в одной из пещер в скалах. Мать Кена нашла для вас хорошее жилище. Думаю, лето мы проведём в этом мире.

Наконец они пришли к подножью скал, где их терпеливо ждала старая волчица.

Она провела Ратгена в пещеру и оставила его с драгоценной ношей одного. В выемке стены горел факел. Оборотень опустил голову на ноги.

Кжена отступила к стене. Она испуганно смотрела на Ратгена, он отвёл глаза в сторону.

— Чего вы от меня хотите? — сдавленно выговорила она.

Оборотень смутился, но поднял глаза и ответил:

— Наша стая вымирает. Мой отец встретил Великую дочь Луны, и она предрекла нам спасение. Она указала на тебя!

Девушка всё так же не понимала, в чём же состоит её задача. Видя это, Ратген нахмурился и сжал кулаки.

— Ты должна подарить стае дитя! Волка или волчицу, этот ребёнок укрепит нашу кровь!

Кжена ахнула и закрыла рот руками. Она вжалась в стену, отрицательно качая головой. Так вот что они хотят! Они хотят, чтобы она зачала дитя от оборотня, чтобы она родила для них полуживотное-получеловека, и плевать на то, что она сама обо всём этом думает. Маленькая кроткая девушка отдана судьбой на потеху волку, и некому заступиться за бедную сироту. Если она позовёт на помощь, её никто не услышит.

Уверенно и неумолимо Ратген приблизился к ней и рванул рубаху с плеч. Девушка сдавленно вскрикнула и бросилась к выходу, но руки оборотня крепко обхватили её и повалили на траву, что небольшой ровной кучей лежала в углу пещеры. Хваткие пальцы раздирали на ней ткань рубахи, в пылу Ратген не замечал, что глубоко ранит кожу девушки. Придавленная сверху, Кжена молила мать-природу об одном — о спасительном беспамятстве, и мольба её была услышана, девушка потеряла сознание...

Громко забурила вода, и этот странный звук пробудил Кжену, она открыла глаза, пещера была пуста, девушка попыталась встать с кучи травы и вскрикнула от боли. Немилосердно болело нутро, она дотянулась до спины и посмотрела на пальцы, они были в крови, вся спина представлялась ей одним изодранным куском. Она с усилием приподнялась. В пещере чадил один-единственный факел, в воздухе стоял тошнотворный запах пота и гари. В дальнем углу пещеры бурлил небольшой бассейн с водой. Собрав силы, Кжена поползла к источнику воды, ею двигала единственная отчаянная мысль: опуститься на дно бассейна и навсегда соединиться с отцом и матерью. Вода ока-

залась тёплой, почти горячей и солёной на вкус. Девушка перевалила через невысокое естественное ограждение бассейна и всем телом погрузилась в воду. Тысячи раскалённых игл вонзилось в её истерзанное тело, и она снова потеряла сознание.

— Ты чудовище! Великая мать! Как ты мог так с ней... Ратген, откуда в тебе столько жестокости! — причитала мать Кена, вытаскивая Кжену из бассейна. Вовремя же она вошла в пещеру, сердце почувало неладное.

Девушка вяло сопротивлялась, она жаждала утонуть в слезах Великана и забыть все ужасы минувшего дня. Но крепкие руки старрой волчицы осторожно высушили её тело куском чистого полотна и обмазали целебной мазью. Мать Кена туго спеленала девушку в куски ткани и бережно уложила на свежую кучу травы, укрыв овчинным полушубком. Кжену заставили выпить какой-то незнакомый травяной напиток, после него девушка погрузилась в странное оцепенение, она перестала чувствовать своё тело, но, закрыв глаза, слушала разговор оборотней.

— Как ты мог? Я не понимаю? Ратген! — продолжала взывать мать Кена.

Оборотень угрюмо смотрел в пустоту.

— Вы заставили меня!

Старая волчица резко поднялась и залепила громкую пощёчину молодому волку.

— Зверюга! С Радой ты так же себя вёл... — прошипела в гневе она.

Ратген дёрнулся и ударил кулаками об стену, разбивая их в кровь:

— Не смей упоминать её, не смей! Я её любил, я всю жизнь хотел быть с ней, только с ней! На что мне эта... я не хотел, не хотел...

Мать Кена снова села рядом с девушкой:

— Какой же ты ещё волчонок. Что значит твоя потеря с тем, что вся стая может исчезнуть в небытии. Мёртвый род — страшнее этого нет ничего на свете. Наши волчицы потеряли своих мужей, маленький Ник стал сиротой. Люди истребят нас, если мы не станем частью их жизни.

— Но почему я, почему я? — горько спросил Ратген и окунул разбитые кулаки в воду бассейна. От боли перед глазами вспыхнули огоньки. Какую же непереносимую боль, должно быть, чувствовала истерзанная им девочка. Из глаз брызнули слёзы, и оборотень невольно зажмурился.

— А ты ещё не понял? Из всех ты самый одинокий. Хватит разговоров, когда она придёт в себя, она будет голодна. Пока она спит, приноси все её пожитки и припасы. Нам нужно подкормить её. Великая мать, да как у тебя только рука поднялась её изранить, она же такая хрупкая... — продолжала причитать старая волчица.

Оборотень устало вздохнул и побрёл вон из пещеры. Вот очнётся девушка, и как он ей в глаза посмотрит. Она теперь после него и жить не захочет.

Кжена открыла глаза, после долгого сна без сновидений, и осмотрела пещеру. Всё так же чадил единственный факел, бурлил маленький бассейн в другом конце пещеры. Казалось, вода в этом каменном водоёме жила своей жизнью, то громко закипала и бурлила, то тихонько булькала. Рядом с девушкой сидела мать Кена и держала в руках глубокую деревянную чашку, по запаху девушка поняла, что в чашке похлёбка из тех припасов, что привезла ей Василия. Увидев, что Кжена проснулась, старая волчица осторожно приподняла её и принялась кормить с ложки, как малое дитя. Девушка не протестовала, глотала похлёбку и терпеливо сносила непривычную заботу.

— У меня нет выбора, да? — спросила она, когда чашка опустела.

Волчица тяжело вздохнула:

— Ты наша последняя надежда. Тебе это трудно понять. Ты ещё мала, и тебе неведомы радости жизни в одной большой семье. Ты сирота, я сразу это поняла, как только заглянула в твои глаза. Если бы ты выросла с любящими родителями и с детства тебя окружала защита большого и сильного рода, ты смогла бы понять нас и простить.

Кжена устало закрыла глаза:

— Я не виновата в том, что осталась сиротой...

— И мы не виноваты в том, что Великая указала на тебя. Будь на твоём месте другая девушка, из другого мира, мы поступили бы так же, — твёрдо сказала мать Кена и поднялась. — Это твоя судьба, исполни её! И не таи обиду на Ратгена. Он потерял любимую несколько месяцев назад. В его сердце рана, которая не познала радость исцеления. О, если бы мои снадобья могли излечить его сердце так же легко, как твои раны... Бедный мальчик. — Волчица смахнула слезу с щеки и вышла из пещеры.

Кжена до крови закусил губу, безумно хотелось в лес, на волю, убежать, зарыться в корни дуба, спрятаться в гуще орешника и не думать о том, что было, но ещё больше не думать о том, что будет. Глав-

ное, не жалеть старую волчицу, не жалеть стаю и, конечно же, не испытывать жалости к молодому оборотню с жёстким именем Ратген. Стоило ей подумать о нём, как он вошёл в пещеру. Оборотень нёс не большое ведёрко с травяным настоем. Он присел возле Кжены и стал осторожно снимать с неё куски ткани, пропитанные мазью. Девушка сжалась и попыталась отстраниться от его рук.

— Прости меня, я причинил тебе боль, — Ратген говорил тихо, но в его голосе слышалось неподдельное раскаяние. — Я постараюсь быть осторожным, а сейчас не сопротивляйся, нужно снять с тебя бинты и обтереть этим настоем. Его приготовила мать Кена. Потом я выкупаю тебя в бассейне. Пожалуйста, не сопротивляйся.

Кжена отвернулась к стене и перестала биться. Щёки запылали от стыда и горя. Однако руки оборотня были мягкими, он снял с неё бинты, обтёр настоем, смывая мазь. Когда дело коснулось её спины, руки Ратгена дрогнули.

— Прости меня, — снова прошептал он, и девушка тихо расплакалась.

Кжена не чувствовала больше боли, она позволила взять себя на руки и перенести в бассейн. На удивление, тёплая и солёная вода не причинила ей вреда. Ратген осторожно выкупал её и снова протёр настоем.

Неожиданно он спросил её:

— Хочешь на свежий воздух?

Девушка радостно кивнула, словно он её мысли угадал. Он закутал её в овчинный полушубок и вынес из пещеры на заросший склон горы. Кжена с удовольствием вдохнула полной грудью пряный воздух леса и увидела, что близится закат. Ратген присел на выпирающий из земли корень, продолжая держать девушку в руках.

— Сколько я была в беспомощности? — спросила она.

— День.

Кжена подивилась тому, как незнакомая целебная мазь так быстро затянула её раны. Они сидели на склоне скалы и смотрели на заходящее солнце. После Ратген отнёс её обратно в пещеру, и девушке снова пришлось вытерпеть муку близости с оборотнем. На этот раз он был мягок и даже нежен, но она крепко зажмурила глаза и молилась, чтобы это поскорее закончилось.

5.

Дни медленно плыли над Спящим Великаном. Кжене разрешили гулять по лесу, но не дальше Пальцев Великана. Она не рассказывала о том, что в деревне живёт её сестра, девушка чего-то боялась и сторонилась оборотней. Если на её тропе неожиданно возникал кто-то из стаи, она быстро убегала в заросли густого орешника или пряталась под сенью раскидистого дуба. Кжена искала пути дать знак сестре, что она жива и здорова, что живёт в пещере. Её терзала тревога, девушка чувствовала страшную беду, что нависла над родной деревней. Но, как она ни пыталась украдкой прокрасться к развилке Трёх Дубов, на пути неизменно возникала тень волка или волчицы, и ей снова приходилось возвращаться к ненавистной пещере.

Однажды Кжена набрела на останки разорванного оленя. Страшная догадка осенила девушку, ведь оборотни в отличие от неё предпочитают есть свежее мясо. Она проплакала весь день, забывшись в дальний угол пещеры, и ни Ратген, ни мать Кена не могли попытаться причины её горя. И только когда в пещеру вошёл Олейгрин, девушка кинулась к нему в ноги.

— Прошу вас, умоляю, не трогайте оленей! — взмолилась она.

Мать Кена облегчённо вздохнула, она боялась, что причина горя Избранной такова, что придётся опять опаивать её зельем сонных трав. Ратген на мольбы девушки усмехнулся, Олейгрин же кивнул головой и вышел, не сказав ни слова.

Кжена долго сидела, нервно кутаясь в овчинный полушубок, отказываясь пить и есть. На следующее утро Ратген силком вывел её из пещеры и привёл на поляну, там, сбившись в кучку, стояла стайка оленей. Лани пугливо прижимали уши, а оленята прятались в траве. В глубине леса звучал протяжный волчий вой. Девушка медленно подошла к ним и, упав на колени, стала звать. Одна из ланей признала её и подошла. Кжена обняла её и снова расплакалась, но уже от радости и облегчения.

Вечером Ратген успокоил её окончательно:

— Волчицы загоняют диких кабанов, а мы охотимся на тура и заготавливаем мясо впрок. Наша стая часто кочует по мирам, мы

отвыкли от кровавых пиршеств. У нас есть специальные мешки, в которых мы переносим самое необходимое, путешествуя по Лунной Тропе в облике волка. А когда нужно, выходим на ярмарки и продаём людям то, что дарит лес, покупая у них хлеб и одежду. Так что успокойся, мы не такие уж звери, как ты думаешь.

Девушка поёжилась и ответила:

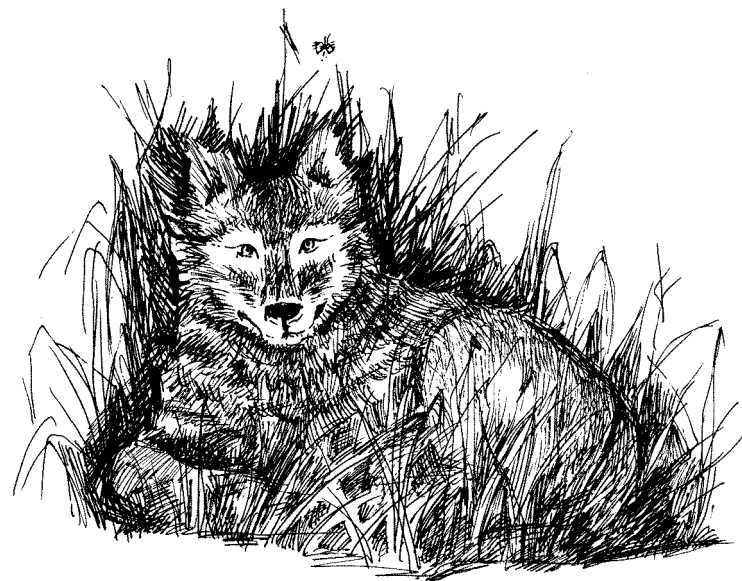
— Я ничего не думаю, я вас не знаю...

Кжена действительно не могла понять, кто они, откуда пришли и в чём смысл их существования. Взять хотя бы домовиков и леших, тут всё понятно: домовый дом сторожит, болезни отгоняет, а леший следит за тем, чтобы люди в лесу меру знали, чтобы вовремя земляника спела и цвели целебные травы. А чугайстеры зачем? И не совсем люди, и не совсем звери — нелюди, или просто Чужие. Девушка и рада бы тихонько расспросить, но Ратгена она боялась, а мать Кена редко заходила к ним в пещеру. Принесёт котелок с дымящейся мясной похлёбкой, чёрствый хлеб и даже молока, проследит, чтобы девушка всё это съела, и уйдёт. Так что Кжена была освобождена от приготовления пищи не только себе, но и оборотню. А вот чего она действительно невзлюбила, так это тщательные осмотры её тела. Три недели пролетели, и чего уж там ждали оборотни, но девушка, к своей радости и их неудовольствию, оставалась незасяемым полем. Ратген исполнял свой долг ежедневно, был терпим и пытался быть нежным. Но девушка упрямо стискивала зубы, отворачивала своё лицо к стене и терпеливо ждала конца близости. После оборотень уходил сразу в лес, а Кжена опускалась в бассейн и отдавала своё тело тёплым струям солёной воды. Вода была более солёной, чем там, у водопада, отчего девушке думалось, что это слёзы Великана её берегут. Как-то Кжена обследовала дно бассейна и нашла несколько отверстий, в одно отверстие вода стремительным потоком вырывалась наружу, в другое уходила вглубь горы.

В один из дней, когда Кжена всё так же искала пути к Трём Дубам, на её тропу выскочил волчонок. Он сел под кустом орешника и посмотрел в её глаза. Девушка не сразу узнала его, а когда узнала, громко произнесла:

— Уже и тебя подсылают, да не убегу я!

Волчонок отряхнулся, и на его месте поднялся мальчик лет шести с грустными карими глазами. На нём были простые полотняные штаны и рубаха, подпоясанная верёвочкой. На плечах лежала шкурка с серым коротким мехом.



— Меня не подсылали! — угрюмо ответил он.

Кжена пожалала плечами и пошла дальше.

— Подожди, можно с тобой? — окликнул её волчонок.

— Зачем? — спросила девушка.

— Ну, мне скучно одному тут бродить.

Девушка внимательно посмотрела ему в глаза, вздохнула и кивнула головой.

— Ладно, пошли, чего уж там, тебя как зовут?

Волчонок радостно подпрыгнул и пошёл рядом с девушкой, одной рукой ухватившись за край её широкой юбки.

— Такивар... Таки.

— Твоё имя что-то значит?

— Да, Такивар значит Горный ветер, но пока меня все зовут Таки — Хвостик. А твоё имя?

Девушка свернула на тропу, которая вела к Пальцам Великана.

— Кжена — это значит гроздь рябины, Рябинка.

— Ты не похожа на обычных людей, Рябинка, ты добрая, лес любишь.

— А ты людей-то видел? — полюбопытствовала девушка.

Волчонок смутился:

— Я подглядывал. Я спрятался за сараями и смотрел, как люди свиней резали. Только ты не говори об этом никому, мать велит мне подальше держаться от человеческого жилья.

Кжена поёжилась. Не лучшее зрелище для маленького волчонка, который хочет узнать, что из себя представляют люди.

Наконец они вышли на поляну, и девушка уверенно взобралась на ладонь Великана. Волчонок остался стоять.

— Ты разве не боишься Великана? — спросил он.

— Нет. Это же камень, он тёплый. Если хочешь, можешь посидеть рядом со мной.

— Мать Кена говорит, что это рука Охотника, проклявшего наш род. И если я прикоснусь к этим камням, он оживёт и утащит меня под землю.

Кжена рассмеялась.

— Не бойся, Хвостик, со мной он тебя никуда тащить не будет.

Волчонок обошёл камень, потом осторожно прикоснулся рукой и, видя, что камень не собирается шевелиться, с помощью Кжены взобрался на тёплую ладонь Великана.

— И что теперь? — спросил он девушку.

— Ничего, — ответила она. — Я люблю приходить сюда и греться на камне, мне здесь спокойно и безопасно.

Хвостик вздохнул и устроил свою лохматую голову на коленях девушки. Он решил, что Избранницу Великан обижать не станет, а вместе с ней и маленького волчонка не тронет. Кжена снова внимательно посмотрела на него и с горечью подумала о том, что он совсем ещё ребёнок и такой же одинокий, как и она.

— Ты молишься, да? — шёпотом спросил он. — Я знаю, люди молятся своим богам. Мы же, чугайстеры, молимся своему предку и Луне.

— Нет, я не молюсь богам, — ответила девушка. — Хвостик, а ты можешь мне рассказать про чугайстеров?

— Могу, но я немного знаю, мама рассказывала, что самый первый чугайстер был человеком и человек этот был старый, но весёлый. Его так и называли Лесной Дед. Он предпочёл жить в лесу и носил медвежью шкуру, а потом научился оборачиваться в медведя и колдовскими танцами и песнями уводить навей и мавок за Тень, дабы они не вредили людям. Днём чугайстер ходил в облике человека, а но-

чью в облике медведя. Как-то раз ему повстречался белый волк, ты же видела, что у нашего вожака и у Ратгена волосы бело-чёрные, это от предка! Так вот, белый волк понравился Лесному Деду, и тот обратил его в человека и научил танцевать под луной и уводить навей за Тень, и не только навей, мы умеем «танцевать» и с упырями, и даже с вурдалаками! Белый волк многому научился, но он не захотел жить один, он встретил девушку из рода людей, которая полюбила его... Так родилась стая. Потом создались другие стаи, раньше нас было много...

— А что за проклятие легло на ваш род?

Волчонок грустно вздохнул и спрятал своё лицо в её коленях:

— Разве мать Кена не рассказала тебе об этом...

— Рассказывала, только как так получилось, она говорит, что это было при её молодости, а у нас люди рассказывают об этом, как о страшной сказке, которой много сотен лет.

— Я знаю, почему так, — откликнулся волчонок. — Мне Ратген рассказывал, что время в мирах течёт по-разному. Стая ушла из этого мира, когда мать Кена была молодой волчицей. Она говорила, что тогда здесь были глухие леса, а сейчас горы и реки и людей расплодилось столько, что нам негде укрыться.

У Кжены ёкнуло сердце:

— Хвостик, а ты случайно не знаешь, что делается в деревне за развилкой дорог?

— Нет, мать запретила туда ходить, говорит, что там поселилась страшная болезнь и что нам не под силу эту болезнь победить.

Девушка зажмурилась, и слёзы побежали по щекам.

— Василька, Василька! — тихо шептала она, страшась за жизнь сестры.

— Почему ты плачешь? — спросил волчонок.

— Я вспомнила своих родителей, — быстро ответила Кжена и смахнула слёзы.

— А что с ними? Мать Кена сказала стае, что ты сирота и у тебя никого нет.

— Мама умерла, когда я родилась, а отец медведя встретил в лесу... Я сиротою стала в четырнадцать лет. А что с твоим отцом случилось?

Волчонок долго молчал, но потом ответил:

— Мама с отцом загнали в круг танца старого упыря, я смотрел. И тут люди из замка, они думали, что мы живого человека убить хо-

тим, а на самом деле мы пытались людей от нежити избавить. Отец погиб, когда мама меня в лес уводила...

Кжена не знала, что ответить маленькому волчонку, который так рано увидел смерть отца. Она прижала его к себе и погладила по голове.

— Рябинка, можно я буду приходить к тебе иногда? — вдруг попросил Хвостик.

— Можно, меня всё равно никуда не пускают, — ответила девушка и разозлилась.

— Взрослые думают, что ты хочешь уйти... А ты правда хочешь сбежать от нас?

— Нет, Таки, мне некуда сбегать. Разве ты не слышал, что я сирота. А ты везде можешь ходить? — неожиданно спросила она.

— Да, конечно.

Кжена спрыгнула с камня и быстро оторвала длинную ленту от своей юбки. Она завязала на ней три узелка и протянула волчонку:

— Ты мог бы для меня выйти на развилку Трёх Дубов, это недалеко отсюда, и привязать эту ленту на самый ближний к дороге дуб?

— Могу, а зачем? — спросил он и взял ленту в руку.

— У нас так поминают умерших, — соврала Кжена. — Я сама должна это сделать, но раз не могу, сделай ты за меня. Очень крепко привяжи ленту к ветке и произнеси моё имя. Только это нужно сделать так, чтобы никто не видел и не знал, хорошо?

— Хорошо, только я сделаю это завтра, меня уже мама зовёт, — согласился Хвостик и спрыгнул с камня. По лесу разносился вой волков.

— Таки, я буду завтра ждать тебя здесь, в полдень, хорошо?

— Хорошо! — согласился он и во всю прыть помчался по тропе на зов матери.

Девушка, волнуясь, прижала руки к груди. Только бы маленький волчонок не проболтал всё матери и сделал так, как она попросила. Если он сможет привязать ленту на ветку дуба на развилке, Василька обязательно заметит её и будет знать, что с ней всё в порядке. Кжена прижалась к тёплому камню и взмолилась к помощи Великана. Отчего-то девушка свято поверила в его живое присутствие и силу. А когда диск солнца стал прятаться за один из стоячих камней, девушка поднялась и нехотя побрела к пещере, где её уже ждал Ратген.

6.

На следующий день Кжена в условленное время пошла к Пальцам Великана в надежде на то, что Хвостик исполнил её просьбу. Она быстро шла по знакомой тропе, а в голове вертелся разговор с Ратгеном, который произошёл накануне вечером.

— Скажи мне, что я делаю не так? — сразу подступил он с вопросом, едва она вошла в пещеру.

Кжена удивлённо и испуганно посмотрела на него.

— Мы живём вместе больше месяца, каждую ночь я провожу с тобой, так почему же ты... не наполнена? — слова давались ему с трудом, но он решил всё выяснить до конца.

Девушка села на кучу травы, которая всегда заменяла им постель, и пожала плечами.

— Откуда я могу знать?

— А ты не знаешь? — настаивал Ратген.

Кжена долго молчала, а потом решила и тихо ответила:

— Мой отец очень любил мою мать, от этой любви родилась я... Ты меня ненавидишь, я же тебя боюсь, может, дело в этом?

— Разве все дети у людей рождаются по любви? — усмехнулся оборотень.

— Может, и не все, но мой отец был счастлив, когда я родилась, он этого очень хотел и ждал. Думаю, твои родители тоже были рады твоему появлению...

— Значит, ты просто не хочешь от меня дитя и закрыла себя от этого, — заключил Ратген и сжал кулаки.

— А ты? А ты хочешь, Ратген? — спросила девушка и удивилась своей храбрости. Кулаки оборотня сами собой разжались, и он побледнел.

К великой радости Кжены, он освободил её от близости на эту ночь, и у неё появилась ещё одна надежда. А что если стая, убедившись в её несостоятельности, отпустит её и вернётся в свой мир. Надежда слабая, но всё же. Не останутся же они здесь навечно. Ей осталось только узнать, что с сестрой всё благополучно.

Девушка торопливо вошла в густой ельник и резко остановилась. Сердце испуганно подпрыгнуло в груди. На тропе стоял чужай-

стер Рикзул и угрюмо смотрел на неё. После памятного поединка при полной луне Кжена не встречала его в лесу и очень надеялась, что встречи не будет. Она ошибалась. Оборотень сделал шаг к ней навстречу, и девушка попятилась.

— Ты меня учуяла на тропе, — глухо заговорил он, продолжая медленно к ней приближаться.

— Земля чутьём наградила. Не подходи ко мне! Не мучай, — девушка подобрала полу юбки, собираясь в любой момент кинуться в густые заросли подлеска.

— Мучить тебя, помилуй, скорее оберегать. У нас каждый чужац-стер на счету. — Он остановился, но продолжал хмуро смотреть на неё.

— Я не чужацстер! — Кжена упрямо покачала головой. — Зачем ты на моей тропе?

И тут произошло то, чего она боялась и ожидала. Оборотень прыгнул и захватил её в кольцо своих крепких рук.

— Ну давай, Расскажи мне, чем хороша любовь между волком и самкой человека. Расскажи, я вижу, Ратген вошёл во вкус, чуть солнце идёт на закат, он, как влюблённый, бежит к тебе. Чем ты его приворожила? Каким зельем вы его с матерью Кеной опоили, что он свою Радугу забыл и думает только о тебе. Давай покажи, может, я лучше Ратгена окажусь. Может, у тебя со мной получится...

Оборотень повалил её на кучу сухих иголок, и девушку охватил дикий ужас. Ужас придал ей сил, она вывернулась из его рук и схватила за плечи, заглядывая в его налитые кровью глаза.

— Вам мало одного проклятья, да! — закричала она ему в лицо во весь голос. — Мало, что род вымирает, ты хочешь прибавить ещё одну вину на свою стаю. Если тронешь меня, прокляну, слышишь, оборотень, прокляну, прокляну!

Рикзул заглянул в её помутневшие, как два бездонных лесных омуты, глаза и впервые испугался до смертного ужаса.

— Не трону тебя, не трону, отпусти! — не своим голосом завопил чужацстер, пытаясь оторвать её руки от своей шкуры. Наконец ему это удалось, и, перепуганный насмерть, оборотень умчался в спасительную глубину леса.

Кжена упала на кучу сухих иголок да так и осталась лежать. Опустевшие глаза бессмысленно смотрели на тающие облака в небе.

Её стали искать на закате. Олейгрин тут же создал стаю. Пришли все, кроме Рикзула. Страшное подозрение осенило Ратгена, и он,

не спросив позволения отца, дал приказ всем отправиться на поиски девушки и пропавшего чужацстера. Искали долго, выпала ночная роса. Неожиданно Хвостик догадался пробежаться по тропинке от Пальцев Великана до пещер. Он нашёл Кжену в ельнике и завыл во весь голос. Первым примчался Ратген, он поднял холодную и безучастную девушку на руки и поспешил в тёплую пещеру.

— Что ты! Что ты... не надо, не уходи... я тебя не отпущу... — твердил, как заклинание, Ратген. Он опустился с ней в горячую воду бассейна и, бережно уложив её на свою грудь, стал растирать закочевшее тело девушки. Однако она плохо согревалась. Ратген мысленно призвал мать Кену, и она сразу явилась на зов. Волчица выхватила Кжену из воды и уложила на постель из травы, кутая в овчинный полушубок. Но стоило ей заглянуть в тёмные и пустые глаза девушки, и мать Кена словно окаменела от горя. Обелились её волосы на голове, и мех на шкуре осеребрился.

— Великая никогда не простит нам этого... — прошептала волчица.

— Мать Кена, что с ней? — крикнул Ратген, выбираясь из бассейна и отряхиваясь.

Старая женщина села на камень и обхватила голову руками. В таком отчаянье чужацстер не видел её ни разу. Страх прокрался в его сердце:

— Да что с ней, не молчи! — закричал он.

— Кто-то или что-то вскрыло в ней тёмную сторону сердца. Её поглотил ужас и отчаянье...

— Ну... — нетерпеливо торопил Ратген, не вынося медлительность приговора.

Мать Кена подняла голову, в глазах поседевшей волчицы стояли слёзы.

— Душа нашей девочки блуждает в мире, где нет Луны, к ней приближается Тень. Через три дня, если она не очнётся, её тело умрёт, — она развела руками, — я ничего не могу сделать, понимаешь, ничего. — Она поднялась и собралась уходить.

— Неужели мы не можем ей помочь? Мать Кена, она же наша последняя надежда! — Ратген не мог поверить, что девушка умрёт.

— Попробуй дозовись её теперь. Она ведь сама не захочет к нам вернуться... — ответила волчица и ушла в темноту ночи.

Ратген приподнял Кжену и заглянул в мутные глаза:

— Не уходи, ты нужна, слышишь, нужна! — Он гладил её бледное лицо, зарывался в её рыжие кудряшки, которые всегда смешно выскальзывали из косичек, им всегда не хватало ленточек. Почему он раньше не догадался принести ей ленточек из деревни. Она такая слабенькая и одинокая, одна на всём белом свете, её нужно защищать и беречь. Ну почему он сразу этого не понял. О чём он думал, когда оставлял её на весь день одну.

Ратген от горя позабыл об отце и стае. Он выхватил острый нож из-за пояса и сделал глубокие надрезы на руке, другой рукой он обхватил девушку и прижался лбом к её холодному лбу.

— Я иду за тобой, я иду за тобой. Я найду тебя, Кжена! — шептал он как заклинание.

— ...Посмотри, жена, какую красивую дочку ты родила мне. Наша девочка родилась с медно-золотистыми волосами, у неё карие глаза с зеленью листвы. Разве она не чудесна?!

В белом тумане появилось бледное лицо красивой женщины с огненно-рыжими распущенными волосами. За её спиной горели свечи, отчего казалось, что она испускает сияние.

— Как мы назовём нашу малышку, любимый? — Забытый голос уставшей матери потревожил память Кжены. Неожиданно появилось молодое и счастливое лицо отца.

— Она похожа на маленькую рябину, что растёт возле нашего дома. Давай назовём её Кжена — гроздь рябины, Рябинка. Она принесла счастье в наш дом...

Картины раннего детства, обычно ускользавшие из памяти ребёнка, вставали перед взором Кжены и медленно сменяли друг друга. Она словно бы плавала в мягком тёплом облаке и желала только одного: чтобы это блаженство длилось вечно.

Лицо матери растаяло, на смену ему в тумане обозначилось печальное лицо отца. Среди листвы и ветвей деревьев он с мягкой улыбкой смотрел на неё. Девушка слушала шелест листвы и всеми струнами души чувствовала доброту мира и покой. Это ощущение было столь редким в повседневной жизни, что Кжена тянулась к нему и ей казалось, что само небо приближается ей навстречу. Неожиданно лицо отца изменилось и приблизилось, из кущи зелёных ветвей он протянул к ней свои руки и позвал:

— Кжена, приходи ко мне, приходи ко мне, я жду тебя. Рябинка, моя Рябинка, протяни свои руки, иди ко мне...

Девушка замешкалась, руки отца тянулись к ней сквозь зелень листвы, а голос, как заклинание, твердил призыв. Она улыбнулась и протянула ему свои маленькие ладони. Отец крепко ухватил её за руки, и полёт к небу остановился. Кжена улыбалась, не понимая, чего же он хочет, ещё мгновение — и они навсегда останутся вместе. Но лицо отца неожиданно изменилось и приобрело черты Ратгена. Девушка поняла, что обманута, она рванулась вверх, но руки оборотня крепко держали её и тянули вниз...

Кжена очнулась и удивлённо заметила, что её голова покоится на груди Ратгена. Она попыталась отодвинуться и не смогла, руки оборотня сильнее обхватили её и прижали к себе.

— Что... что случилось? — спросила девушка, голос был охрипшим и чужим.

— Ты блуждала в мире ГДЕ НЕТ ЛУНЫ, — услышала она в ответ.

Кжена тихо охнула, осознавая, что на этот раз действительно была очень близко к смерти. Неожиданно взволнованное и бледное лицо Ратгена приблизилось, и шершавая щека прижалась к её щеке. Он тёрся щекой и лбом, его горячее дыхание заставило её враз взмокнуть. Она притихла, в этой странной щепящей нежности Кжена ощутила самую настоящую ласку, ласку, в которой Ратген ей досель отказывал, а может, просто не знал, как эту ласку подарить.

— Не нужно... ты не должен... — пролепетала девушка, смущённая и покрасневшая.

— Нужно, и я должен, — ответил он, не прекращая нежно тереться о её шею и согревать дыханием.

— Что же, что же... — ей вдруг стало не хватать воздуха.

— Любовь! — коротко ответил Ратген, и его губы прижались к её губам.

7.

Кжена проснулась и закрыла лицо руками, всё её существо переполняла радость. Этой ночью Ратген по-настоящему был ласков и нежен с ней, это было так необыкновенно и странно, что она не в силах была побороть ни смущение, ни радость, охватившую её. Сердце сладко сжималось в груди, тело наполнилось лёгкостью. В душе зародились неясные мечты и надежды.

Девушка хотела подняться, но, к своему удивлению, обнаружила, что у неё на это нет сил. Стоило ей снова попытаться встать, как тут же закружилась голова, в коленях обнаружилась дрожь, а в животе поднялась неприятная тошнота.

— Не вставай, ты ещё слаба, — раздался голос старой волчицы.

Кжена посмотрела на неё, и сердце сжалось от жалости. Мать Кена сидела рядом с её постелью и держала в руках чашку с отваром. Длинные спутанные волосы были совсем седые, мех на шкуре, что лежал на её плечах, отливал серебром. Неожиданно для себя, не успев подумать, девушка взяла волчицу за руку и крепко сжала. Та пристально посмотрела на неё и протянула чашку:

— Выпей, это прибавит сил.

Девушка покорно выпила весь отвар и тихо спросила:

— Что случилось?

— Ничего, теперь всё хорошо, милая. Ты нас так напугала, я и не надеялась, что Ратген тебя вернёт, — горько произнесла мать Кена.

Кжена почувствовала угрызения совести, хотя и понимала, что её вины тут нет.

— Простите меня...

— Великая Луна, мы и так сделали слишком много ошибок. Сможешь ли ты простить нас?

— Я не хотела, чтобы дважды повторилось... а Рикзул... я испугалась, — еле выговорила девушка.

Мать Кена вдруг побледнела и выпрямилась:

— Я понимаю, но теперь тебе некого бояться.

Кжена засомневалась, если у Рикзула хватило храбрости напасть на неё, кто поручится за то, что он не сделает это ещё раз. Но мать Кена так посмотрела на неё, что девушке стало не по себе.

— Можешь верить мне!

Кжена провалилась в сон без сновидений, а когда очнулась, то увидела, что вместо старой волчицы у постели сидит Хвостик и что-то мастерит из кусочков ткани.

— Ты очнулась! — радостно сказал он. — Мать Кена велела тебя сразу покормить, вот, она приготовила вкусную похлёбку, а Ратген принёс тебе хлеб, смотри он ещё тёплый. — Волчонок вручил девушке ложку и осторожно поставил миску с похлёбкой на колени, развернул чистую тряпицу и подал ей свежую буханку хлеба. Кжена взяла хлеб и со слезами на глазах прижалась к буханке щекой, потом разломила его

и глубоко вдохнула аромат — это был запах дома. Она вспомнила, как сама в доме дядьки замешивала пышное тесто и выпекала в большой печи хлеба и булки. У неё это получалось лучше, чем у дядькиной жены.

Девушка почувствовала сильнейший голод и впиалась в краюху хлеба зубами.

— Откуда он принёс? — спросила она, глотая похлёбку, не ощущая её вкуса, ибо вкус хлеба захватил её полностью.

— А тебе можно рассказывать? Мать Кена запретила нам тебя беспокоить разговорами.

— Ничего, рассказывай, ты же не хочешь, чтобы я умерла от любопытства? — усмехнулась девушка.

— Рябинка, я вообще не хочу, чтобы ты умирала. Я так напугался! Мы все думали, что ты умрёшь. Вожак хотел увести стаю по Лунной Тропе, только Ратген... он сказал, что стая может уходить без него, он же останется с тобой до конца. Тогда вожак передумал. Ратген всё время был с тобой, а сегодня утром умчался на людской посёлок Лютович и принёс тебе хлеб и вот ещё. — Волчонок что-то вытащил из-за пазухи, и Кжена увидела две зелёные ленточки, скрученные в клубочки. Она закончила есть и, оставив миску, взяла ленточки в ладошку. Неужели оборотень делает ей подарок? В деревне бы сказали, что парень решил ухаживать за ней.

Девушка вздохнула, взяла костяной гребешок и решила заплести две косички.

— А что в посёлке слышно, он не рассказывал? — осторожно спросила она, расчёсывая свои кудри.

— Не рассказывал, я и так знаю, что там худо, — откликнулся Хвостик, с интересом наблюдая за её движениями.

Кжена обмерла:

— Худо? Почему?

— Рябинка, а давай я твои кудри заплету веночком, как наши волчицы свои волосы заплетают, я умею, меня мама научила.

— Хорошо, заплети, только Расскажи мне, что там, в посёлке, — быстро согласилась девушка, отдавая гребешок волчонку.

— Среди людей поселилась болезнь, нам-то она не страшна, а они вымирают семьями. Мама говорит, что эту болезнь занёс заезжий человек. Сначала она в деревне появилась, а сейчас уже и на посёлок переметнулась, тамошний пан в своих хоромах заперся, никого не пускает, боится, кабы болезнь его не одолела.

— А что за болезнь? — тихо спросила Кжена.

— Мама называет её бубонкой. Сначала всё тело горит, потом враз покрывается чёрными грибами, ну а там и смерть встаёт на пороги. Нехорошая болезнь, нечистыми духами насыщается. Всё, я тебя заплёл, — радостно закончил Хвостик.

Кжена кивком головы поблагодарила его и крепко задумалась. О такой болезни она и не слышала, а что если семья дядьки тоже заболела этой заразой, а что если и Василька? Кровь схлынула с её щёк.

— Рябинка, что с тобой? — испугался волчонок. — Ты не бойся, мы же здесь, мы умеем загонять нечистые болезни в круг и изгонять их совсем из мира.

Девушка оживилась:

— Как это изгонять?

— Ну, я не знаю, как сказать, давай я попрошу Ратгена, и он лучше меня расскажет.

Кжена снова опечалилась, значит, не так это просто изгнать болезнь. Маленький Таки обеспокоенно смотрел на неё.

— Рябинка, не огорчайся, пожалуйста, я больше ничего не расскажу.

— Ну что ты, Хвостик, всё хорошо, а ты что-то ещё хотел мне сказать?

Волчонок глубоко вздохнул и ответил:

— Кжена, я завязал ленточку на ветке дуба, как ты просила, только её там уже нет. Наверное, кто-то снял, я решил ещё раз завязать, но не помню, как ты узелки вязала. — И он протянул ей ленточки, которые она заметила в его руках, когда проснулась.

До Кжены не сразу дошёл смысл сказанного, а когда она поняла, что Василя таки сняла её ленточку, спрятала лицо в руках, чтобы волчонок не заметил её радости.

— Рябинка, ну хочешь, я прямо сегодня сбегаю и завяжу ленту на ветках дуба, хочешь? — чуть не плакал Хвостик.

Кжена резко поднялась:

— Да, только теперь это будет пучок травы, хорошо? Ты привяжешь к ветке пучок травы?

— Хорошо, а какой травы? — обрадовался волчонок.

— А мы сейчас пойдём и поищем нужную травку, — уверенно ответила девушка и пошла из пещеры на волю.

Кжена искала одолень-траву, у этой травки была страшная сила, чтобы её взять, понадобится немалое умение. Она всей грудью втянула запах леса и замерла, что-то было не так в утреннем воздухе — пряный аромат листвы с неожиданной силой ударил в ноздри, и у девушки закружилась голова. Она никогда так ярко не ощущала листву, к аромату примешались запахи цветов и дёрна. К своему немалому удивлению, Кжена могла ощутить не только запах листвы, но и зверей. Она вдруг словно увидела на дальнем лугу пасущихся оленей, в густом ельнике залёгшего дикого кабана, а возле берёзок на окраине дубровника подьедало сочную травку семейство зайчат. Кжена прижала руки к груди, ибо воздух донёс до неё запах оборотня, это Олейгрин стоял в задумчивости у Пальцев Великана. В это время Хвостик ухватился за складку её юбки, и девушка, тряхнув головой, стала спускаться со склона горы в лес. По дороге она пыталась вспомнить всё, что рассказывал о траве отец.

— Одолень-трава любит солнце, если надумаешь, доченька, её искать, ищи солнечные поляны с пригорками. Как заметишь высокие стебли с пушистой головкой цветка, знай, это сынки одолень-травы окружают свою мать. От них проку для человека нет, они берегут свою мать, из чьих корней и произрастают. На их стеблях колючки, в них яд, от этого яда спасенья нет. — И снова голос отца напомнил ей давние дни, проведённые с ним в лесу. В который раз услужливая память подсовывала ей нужные воспоминания из прошлого. Кжена взяла Хвостика за руку и пошла по тропе в ту сторону, где шумел водопад. Она вспомнила, что там есть небольшая полянка с холмиком, именно там отец впервые показал ей одолень-траву и научил, как её взять. — Помни, дочка, нельзя рвать стебли, выкапывать корни или отламывать цветки. Для врачевания нужны только длинные листья матери одолень-травы. Эти листья можно взять чистой рукой, и вреда не будет, но ни к стеблю, ни к цветкам прикасаться нельзя. Ты узнаешь мать одолень-травы, она никогда не цветёт. Брать её лучше в утреннюю пору. Сила её велика, она может победить даже самую страшную хворь, а нечистые духи обходят её стороной. Если положить листок одолень-травы на грудь упырю или кровососу, она навеки привяжет его к земле.

Девушка наконец вышла на полянку и увидела высокие стебли с шапками цветков. Волчонок испуганно присел в траву.

— Рябинка, неужели тебе нужна разрыв-травка?

— Да, Хвостик, только у нас она называется одолень-трава — трава, которая любую хворь победит и одолеет нечистую силу. Я возьму несколько листков, и ты привяжешь её к ветке дуба на развилке.

— Мне страшно, Рябинка, у нас разрыв-траву может взять только мать Кена.

— Ничего, малыш, я тоже смогу, меня отец научил, — успокоила его девушка. — Только ты отвернись!

Волчонок послушно отвернулся лицом к лесу. Кжена быстро скинула с себя всю одежду, и обнажённая ступила на сухую траву поляны. Сыновья одолень-травы стояли дугообразно, оттого трава считалась у людей колдовской. Девушка осторожно прошла между высоких стеблей, не касаясь пышных цветков, и приблизилась к самому зелёному кусту травы с длинными листьями. Аромат этой травы она запомнила на всю жизнь с первого раза, отец советовал закрывать глаза при срывании листьев.

Кжена зажмурилась и на ощупь тихонько сорвала три длинных листа, потом осторожно приложила листья к основному стеблю и дождалась, пока последняя капля сока не скатится по стеблю в землю. Когда это произошло, листья в её руках пожелтели и стали твёрдыми, как ветки дерева.

Девушка всё так же осторожно вышла из кругов колдовской травы и, облетчённо вздохнув, быстро оделась. Она выдернула несколько волосков из своих кудрявых волос и перетянула затвердевшие листья в один пучок, затем перевязала их куском ткани и подала Хвостик.

— Сделай это прямо сейчас, только никому не говори об этом. Это тайна, иначе вся сила одолень-травы уйдёт в землю.

— А как же ты? Ты дойдёшь обратно к пещере? — спросил озабоченно волчонок. — Мне велели быть с тобой неотлучно.

— Дойду, не беспокойся, и Рикзул меня больше не сможет напугать, — уверенно ответила она.

Неожиданно Такивар помрачнел.

— Он больше вообще ничего не сможет. Разве тебе не говорили, что он разбился? — жёстко выговорил он.

Кжена ахнула:

— Нет, а как это случилось?

— Он спрыгнул с вершины Плачущего Великана на камни. Все думают, что им овладело безумие, насланное Охотником. Разве ты не видела, что мать Кена распустила все свои косы?

— Видела, но я не поняла почему. — Девушка действительно заметила, что волосы старой волчицы, всегда убранные в маленькие косички поверх длинных прядей, были утром все распущены. Оттого она казалась совсем старухой.

— Рикзул был ей родным внуком, — быстро ответил волчонок и исчез в высокой траве.

Кжена прижала руки к груди и горестно застонала.

8.

Бежать! Бежать подальше от этих мест в дальний город, за горы, за море. Девушка спешила к пещере и лихорадочно думала о побеге. Но куда и как скрыться от всевидящих глаз оборотней, они её и в посёлке учуют. Может, убежать в Збышек, там у неё тётка Ирэна с семьёй живёт, но как добраться до города. Дядька говорил, что пешим ходом месяц пути, а на повозке две недели. Где взять повозку и лошадей, где взять еду и деньги на столь долгое путешествие. Она не знала, но одно знала точно: жива Василя или больна, Кжена без неё не уйдёт.

Солнце крепко припекало землю. Лето перевалило за маковку и близилось к спелым плодам своего празднества. Девушка вышла на лужайку и заметила своих оленей, подросшие олениа признали её и подошли уткнуться в ладони, поискать там краюшку хлеба или сушёное яблочко, вымоченное в травяном отваре. Ни того, ни другого там не оказалось, но Кжена с удовольствием потрепала их за уши, почесала тёплое пузо. Одна из оленей медленно подошла к ней и уткнулась лбом в грудь. Так в окружении оленей и оленей на лужайке застал её Ратген. Он долго смотрел на девушку, не решаясь нарушить очарование. Он сразу отметил венки на её голове, сплетённые из её волос и двух зелёных ленточек, кудри из-под венка падали на плечи, на них искрились солнечные зайчики. Оборотень вздохнул от нахлынувшего чувства и медленно подошёл к девушке.

Кжена не сразу заметила его, а когда он подошёл, удивилась тому, что олени не разбежались, наоборот, один из молодых оленей, чья гордая голова увенчалась только двумя веточками рогов,

степенно подошёл к Ратгену и уткнулся широким лбом в подставленную ладонь.

— Я тебя искал, а где Такивар, он должен был быть с тобой, — спросил молодой оборотень и погладил подбежавшего оленёнка, тот норовил боднуть его в бедро.

— Я хотела побыть одна, — тихо проговорила девушка и отвернулась.

— Что-то случилось? — насторожился он.

— Просто мне так плохо! Мать Кена... Как я посмотрю ей в глаза. — Кжена, не сдерживая слёз, расплакалась.

Ратген быстро подошёл к ней и обнял.

— Ты не должна себя винить, Рикзул всегда был непредсказуем, и только мать Кена могла его сдерживать. — Помолчав немного, он добавил: — А я пришёл тебя уложить спать.

Девушка, утирая слёзы, удивлённо посмотрела на него и неожиданно покраснела до корней волос. Ратген и сам смутился.

— У нас сегодня праздник, — быстро пояснил он, — свадьба. Я хотел, чтобы ты поспала днём и приняла участие в ночном беге и танце.

— А как же... ведь... разве у вас не принято нести траур по ушедшему, — пролепетала Кжена, ей всё равно было отчаянно горько осознать себя виновной в смерти оборотня.

— Нас так мало, что нет нужды выдерживать долгий траур. А вот если намечается свадьба, мы не медлим ни одного дня. — И он повёл её в пещеру, там, на ложе из свежих трав, лежал букет цветов, в них Кжена узнала редкие дикие маки. Диво дивное, эти цветы росли только на дальних лугах за Лютовичем. Так вот где Ратген пропадал всё утро и часть дня.

Оборотень уложил её на мягкую кучу травы и придвинул букет к голове. Он долго гладил её по волосам, отчего девушке было неудобно от незнакомой ласки. Только отец гладил её так, но это было давно, она и забыла, как от этого делается хорошо и спокойно.

Незаметно для себя Кжена провалилась в глубокий сон. Станный сон ей снился, не иначе как навеянный колдовским ароматом цветов. Ей снился бассейн в пещере. Вода то грозно бурлила в нём, то затихала и отступала прочь... Неожиданно вода поднялась по стенам, и тогда девушка увидела на дне бассейна два больших отверстия. Вдруг вода схлынула со стен пещеры и захлестнула любопытную Кжену на дно. Быстрое течение понесло её по каменному проходу сначала вниз,

в тайные недра скалы, потом наверх, и вот, когда девушка подумала, что задохнётся, вода вытолкнула её в пещеру. Каменный свод пещеры усыпал синие и зелёные звёзды, они мерцали в темноте, их льдистое свечение отражалось в воде. Неожиданно из воды поднялся высокий мужчина с печальным лицом, из его глаз сплошными струйками текли слёзы. Эти слёзы текли не переставая. Каким-то наитием Кжена поняла, что перед ней предстал сам Охотник. Плачущий Великан почтил её своим присутствием, он протянул к ней свою руку и вложил в ладони сверкающие звёзды.

— О, Плачущий Великан, славный Охотник, чем я могу помочь тебе? — спросила девушка, и голос её утонул в жутком грохоте воды. Мощный поток снова подхватил её и понёс вглубь скалы. Однако она успела услышать усталый, тихий шёпот Великана:

— Отнесите эти слёзы моей Любимой...

Сила воды нарастала с такой силой, и вот уже не вода окружала её, а одно сплошное пронзительное сияние. От неописуемого страха Кжена закричала во сне и проснулась.

Она открыла глаза и увидела над собой встревоженное лицо Ратгена:

— Ты кричала во сне! — Он прижал вздрагивающую от испуга девушку к груди.

— Я видела, я видела! — Кжена задышалась от волнения.

— Что, милая, что ты видела? — спросил оборотень и заглянул в её глаза.

— Я видела Охотника, он заговорил со мной! — И девушка уткнулась в его грудь, ища поддержки и защиты.

Ратген вздрогнул, как от удара, и сильнее прижал к себе Кжену, словно боялся, что неведомая, злая сила отберёт у него вновь обретённую любовь.

— Что он сказал? — тихо спросил он.

— Он попросил отнести свои слёзы его любимой, — ответила девушка.

— Слёзы? — не понял оборотень.

— Да, только это не вода из водопада, это какие-то сияющие камни, они похожи на звёзды. Я видела их в огромной пещере внутри горы.

Неожиданно Ратген оживился:

— Это нужно рассказать отцу, побежали!

Он подхватил Кжену на руки и в который раз удивился, насколько лёгкой она была, он шутя мог донести её до Пальцев Великана и не утомиться. Однако девушка спустилась с его рук и побежала рядом. Огромное количество запахов ночного леса открылось ей, она неслась вслед за оборотнем, уверенно ныряя в кусты подлеска и перескакивая высокие и узловатые корневища в ельнике. На широкой поляне возле Пальцев Великана стояли Олейгрин и мать Кена. Кжена чужая их запах. Темнота расступилась перед ней, каким-то странным образом девушка видела в сумерках ночи. А ещё она знала, что стая собирается со всего леса к заветной поляне. Странное, пьянящее чувство овладело ею, все страхи ночи и сна отступили. Неожиданно она поймала себя на мысли, что ищет на небе луну.

Наконец они выскочили на поляну, и Ратген рассказал о сне Кжены вожаку. Рассказ необычайно воодушевил Олейгрину, он положил свою руку на плечо девушки и крепко пожал.

Стая собралась в небольшой круг около огромного дуба на границе поляны, все терпеливо ждали, когда появится влюблённая пара. И вот они появились и вошли в круг. У Кжены перехватило дыхание, она хотела встать позади Ратгена, но он уверенно поставил её в круг чужаистеров, как бы утверждая её присутствие в стае. Рядом радостно скакал Такивар, уж очень он хотел, чтобы девушка присутствовала на празднике. Посмотрев на жениха, она узнала молодого оборотня и вспомнила его имя, звали его Корвил. Молодая волчица, подруга Корвила, гордо смотрела на вожака и мать Кену. Волчиц в стае чтили безмерно. Пока Олейгрин и мать Кена совершали обряд обручения, Ратген тихонько шептал Кжене, объясняя ритуал:

— Если помнишь, этого чужаистера зовут Корвил, его подругу Инивару. После того как отец благословит их, а мать Кена даст выпить напиток плодородия, вся стая совершит радостный бег вокруг Великана. На третий день Корвил и Инивара должны будут загнать местного упыря и совершить танец. Если им удастся упокоить упыря, тогда состоится брачная ночь — они совершат танец сближения, и на этом свадебный обычай буден соблюден.

Девушка внимательно выслушала и задумалась, а после спросила:

— Ты тоже загонял упыря?

— Да, но это было раньше и в другом мире, — ответил Ратген и замолчал.

Кжена догадалась, что подобный ритуал он совершал со своей возлюбленной Радой, которой теперь нет в живых. Интересно, неужели упыри есть и в других мирах. Девушке как-то довелось встретиться в лесу скотского кровососа, но чтобы упыря, такого не было. Отец рассказывал ей, что упыри и вурдалаки живут в больших городах, там их трудно отличить от обычного человека. Зато в деревне их быстро распознают. Отцу как-то пришлось делать резные осиновые колышки от такой напасти, за ними приезжали из села, что располагалось за рекой Горючкой, а панствовал там бывший гайдук Долгожир, он-то, по словам перепуганных селян, и был упырём.

И тут девушка мысленно ахнула, бег вокруг Великана, это ж сколько времени на это нужно и сил, неужели Ратген думает, что она сможет бежать всю ночь. Она тихонько потянула его за полу волчьей шкуры.

— Я не смогу так долго бежать, — прошептала она. На что оборотень ничего не ответил, только блеснул белозубой улыбкой.

Над лесом вставала полная луна. Всю поляну залил призрачно голубой свет с серебристыми струями. Оборотни подняли руки к луне, словно просили благословения и плодородия молодой паре чужаистеров. Ратген встал за спиной Кжены и поднял её руки к небу, девушка вдруг поняла, что он пытается через себя приобщить её к их тайному Лунному колдовству. Она хотела вырвать свои руки из его крепких рук, но тут неожиданно зазвучал торжественный голос Олейгрину:

— О, Великая Луна, дай нам силу и защити нас от проклятий и ненависти людей. Влей в наши жилы свою колдовскую силу и помоги нам исполнить свою судьбу. Твои дети взирают сегодня на тебя с радостью и благоговением. Смотри же, Великая! Среди нас Избранная, и сегодня я с уверенностью могу сказать, что не напрасны наши жертвы и усилия. Охотник дал знак, Он хочет простить нас, но для этого мы должны исполнить Его волю. Так дай же нам сил и умения всё исполнить и благослови жениха и невесту, благослови наш восторженный бег в честь влюблённой пары!

Вожак закончил свою речь, он кивнул матери Кене и повёл стаю к Плачущему Великану. За ним и старой волчицей на тропу встали Корвил и Инивара, за чужаистерами, взяв крепко Кжену за руку, встал Ратген, а за ними уже и вся стая выстроилась клином. Сначала они медленно шли по поляне, словно пробовали каждый свой шаг на силу и лёгкость. Он волнения у девушки участилось дыхание, ей казалось,

что ещё немного — и она не выдержит этой плавной медлительности и сорвётся в дикий бег под кроны вековых дубов. Но Олейгрин предупредил её желание, он быстро скинул одежду и побежал, странно пригибаясь телом к тропе, один раз он обернулся и посмотрел на Кжену, его глаза светились двумя зелёными огнями. Как по команде, остальные оборотни тоже сбросили свои рубахи, и только волчьи шкуры лежали на плечах и прикрывали спины.

Стая бесшумными скачками неслась по ночному лесу, и не было слышно ничего, кроме звуков ветра в ушах. Ратген набирал скорость и всё так же не выпускал её руку. Кжена бежала, не разбирая тропы, куда там, скорость была такова, что только кусты мелькали перед глазами, а ветки деревьев хлестали по лицу. Она не чувствовала под собой ног, восторг переполнял душу, и казалось, сердце не выдержит и выстрелит из груди в небо. К её великому удивлению, она услышала шум водопада. Не прошло и доли лунной ночи, а они уже добрались до грохочущих извержений воды и, обогнув валуны, понеслись в обход Плачущего Великана.

Вот уже и пещеры позади, и ельник, дальше оказалась равнина лугов. Этих мест Кжена не знала, она уже начинала задыхаться, и тут, к её ужасу, она заметила, что чужаки уже не люди, а волки — по высокой траве скользили огромные бесшумные тени. Огромный серебристый волк скакнул в сторону, давая дорогу молодым. Кжена уже стала спотыкаться, лёгкие горели от безумного бега. Неожиданно Ратген ловко подхватил её и забросил себе на спину. Она не успела испугаться, как он на бегу обернулся волком, и ей пришлось крепко вцепиться в длинную шерсть оборотня.

Кжена смотрела вперёд поверх волчьих ушей, и луна озаряла им путь. Рядом радостно прыгал Хвостик. Она часто ездилась верхом на лошади, но и в страшном сне не могла себе представить дикую поездку ночью на спине волка-оборотня. Девушка сидела, и ей была приятна ласковая мягкость волчьей шерсти. Бег был так долог, что она прижалась к шее Ратгена и зажмурилась.

Каким-то внутренним чутьём она поняла, что лунный бег стает к завершению. Ратген замедлил ход, Кжена услышала переключку волков и приближающийся шум водопада. А когда котловина водопада оказалась совсем близко, чужак с разбегу высоко прыгнул, на лету обернулся человеком и вместе с девушкой нырнул в бурлящую воду. Они долго купались в горячей воде и смывали с себя усталость ночи.

Луна померкла, уступая дорогу первым проблескам зари. Ратген вынес Кжену из воды и уложил в траву. Роса остудила их тела, но это не помешало юному оборотню излить свою нежность и ласку. Девушка не стала противиться. Эта ночь нарушила все её мысли и чувства, Кжена отдалась во власть страсти и забыла обо всём. После она крепко уснула.

Ратген сидел возле девушки и смотрел на восход солнца. Он заботливой рукой укрыл свернувшуюся в клубочек Кжену своей шкурой и впервые за долгие месяцы чувствовал себя счастливым.

9.

Кжена резко поднялась в постели и прижала руки к груди — сердце безумно колотилось. Сон повторился, она снова пронеслась по подземной реке под горой и попала в пещеру, и снова Охотник протягивал к ней свои руки, но на этот раз он показывал ей наверх. На каменном своде пещеры ледяным светом горели слёзы-звёзды.

Девушка проснулась окончательно. Она осмотрелась и увидела, что находится в родной пещере, вода в бассейне очередной раз взбурлила и успокоилась. Должно быть, сюда утром Ратген перенёс её, спящую. Стоило ей подумать о нём, как оборотень быстро вошёл в пещеру.

— Спорим, ты ужасно хочешь пить и есть, — произнёс он с улыбкой и протянул девушке небольшой глиняный кувшинчик с чистой родниковой водой.

Кжена неуверенно кивнула и с огромным удовольствием напилась. Она действительно сильно хотела есть, никогда ещё она не испытывала такого голода, а сейчас она готова была съесть целую буханку хлеба и котелок густой похлёбки из овощей, трав и мяса. Вот чего ей действительно хотелось больше всего, так это куска непрожаренной свинины, а лучше курицы. Девушка испугалась подобным мыслям, раньше она не испытывала любви к мясу, теперь же обдумывала, как бы попросить Хвостика поймать на окраине деревни заплывшую курицу и принести ей. Она её отварит и съест как есть целиком, а на бульоне приготовит сытную кашу.

Ратген принёс котелок с горячей похлёбкой и свежую буханку хлеба. Кжена снова подивилась — и когда успел сбежать в посёлок. На этот раз он ел вместе с ней, впивался в кусок хлеба белоснежными зубами и хлебал похлёбку прямо из котелка. Девушка смотрела на него и снова удивлялась. Если бы не волосы белой и чёрной прядью, в нём невозможно было бы распознать оборотня. Одень его в рубашку с яркой вышивкой по горловине, поверх накинь тёплую безрукавку на овчинном пуху, на ноги кожаные сапоги-растоптыши — и выйдет местный селянин. Хотя у Ратгена была такая гордая осанка, несмотря на некоторую сутулость, и такое волевое, словно из камня высеченное лицо, что скорее всего на нём хорошо смотрелось бы воинское облачение.

Кжена поймала себя на мысли, что с удовольствием рассматривает чугайстера. Теперь он казался ей необычайно мужественным и красивым. Ратген поймал её взгляд и лукаво улыбнулся.

— Я должен уйти, — сказал он, откладывая опустевший котелок.

— Надолго? — спросила она, расслабленная после еды.

— До вечера. В местной деревне завёлся упырь. Мы собираемся его выманить и загнать. Я хочу, чтобы ты посмотрела на танец Корвила с Иниварой. Это будет очень красиво. Обещаю, никаких кровавых расправ не будет, — успокоил он девушку, когда увидел испуг в её глазах.

— У нас в упырей вбивают осиновый кол, а если могут выследить его тайное место, прикладывают к груди одолень-траву.

— Люди иногда бывают такими жестокими. Кол в грудь! — тихо возмутился оборотень. — Мы успокаиваем мятежника танцем и развеиваем его по воздуху. Лес принимает нечистый людской дух в свои объятия и дарит ему вечный покой.

Кжена удивлённо спросила:

— Что значит нечистый людской дух?

— Разве ты не знала?! Упыри-трупоеды, вурдалаки-кровососы, мороки и навки — все они когда-то были людьми. Случается в жизни людей что-то страшное и небывалое, голод, мор или кровопролитная война, и тогда некоторые из людей оборачиваются в нечистых духов и губят живых с ещё большей жестокостью. Тогда приходим мы, чугайстеры-оборотни, чистые духи леса и глухих чащоб, мы заманиваем мятежные духи в кольцо своего танца и успокаиваем его в сетях леса на веки вечные.

— А как же домовые и кикиморы, погребники и банники, что живут среди людей? — снова спросила Кжена.

Ратген печально улыбнулся:

— Это добрые духи, если люди их не обижают. Добрых духов зачем же изводить? Они поддерживают порядок в природе и в жилищах людей. Другое дело нечисть, жаждущая извести всё живое по образу своему. Мы пытаемся помочь людям, а они нас уничтожают.

Девушка взяла руку чугайстера в свои маленькие ладошки и погладила:

— Вам нужно научиться жить среди людей. Построить большой дом где-нибудь на окраине селения и жить, защищая местных крестьян. Когда люди поймут и увидят от вас добро, сами позовут. Пан Ратген, звучит не плохо, — она улыбнулась ему.

Ратген пристально посмотрел в её каре-зелёные глаза и потянул девушку к себе.

— Ты не соскучишься до вечера, может, Хвостика позвать, он только и делает, что о тебе говорит, — спросил он и тихонько потянул завязки на её рубашке.

— Я сама его позову. — Кжена удивлённо посмотрела на него. — Ратген, ты что делаешь?

Чугайстер смущённо улыбнулся и спрятал своё лицо в облаке её рыжих кудрей.

— А ты догадайся... — прошептал он и осторожно уложил её на постель...

А когда он ушёл, девушка удивлённо смотрела в мрачный свод пещеры и думала о том, что хорошо бы им уже выбраться отсюда и жить в лесу под зелёными сводами деревьев.

Неожиданно вода в бассейне громко взбурлила, и в этом неспокойном звуке девушке послышался глухой далёкий звук, словно сама гора вздыхала от тяжкого горя. Кжена подскочила и бросилась к водоёму, к её удивлению, одно из отверстий на дне бассейна светилось. Именно то, в которое уходила вода. Девушка подумала да и спустилась в воду на дно водоёма. Солёная вода тихонько пощипывала разгорячённую кожу. У этой воды было удивительное свойство: она не причиняла вреда, после неё не нужно было бежать к ручью, чтобы смыть соль. Наоборот, она обладала целебными свойствами и свойства эти сохранялись в котловине водопада, однако дальше по реке вкус соли

пропадал. Горючку наполняли мелкие речушки и ручьи леса, они растворяли слёзы Великана.

Кжена встала на один из выступов дна и взгляделась в воду. Со дна бассейна излучался свет, сначала девушка подумала, что глаза её подводят, но свет усилился, и она смогла отчётливо разглядеть два отверстия. Девушка набрала воздух в лёгкие и нырнула. Рубашка на ней вздулась пузырьём и опала, волосы рыжим облаком поднялись над головой. До дна оказалось достаточно далеко, это только сверху казалось, что оно совсем близко. Кжена цеплялась за выступы и на ощупь опускалась, а потом набралась храбрости и открыла глаза. Вода не причинила им вреда, прямо напротив девушки было отверстие, из которого вырывалась вода, струя била вверх, взметая бурлящие клубы, а потом, повинувшись неведомой силе, уходила в другое отверстие. В том отверстии, куда уходила вода, дрожало тусклое свечение, которое усиливалось.

Кжена поднялась на поверхность, отдышалась и снова, набрав в лёгкие воздуха, опустилась на дно. Свечение становилось всё ярче и ярче, любопытная девушка подобралась к отверстию поближе, она хотела узнать, что же так светилось в глубине каменного туннеля. И тут из первого отверстия вырвался поток с такой силой, он подхватил лёгкое тело девушки и увлёк в глубину светящегося прохода. Кжена сначала сильно испугалась, поток нёс её с такой скоростью, что она в любой момент рисковала врезаться в скалу. Однако туннель расширился, а каменные стены пульсировали тусклым голубоватым светом. Поток воды то поднимался вверх, то нырял вглубь скалы. Девушка не сопротивлялась течению, да она бы и не смогла его побороть, её волновало только одно: насколько хватит воздуха в её лёгких. Неожиданно поток вырвался из подземного туннеля, и Кжену выбросило на поверхность воды. Жадно глотая воздух, она осмотрелась и сдавленно ахнула. Она была в огромной пещере в самом центре скалы. Это была та самая пещера, которая привиделась ей во сне. Девушка еле удерживалась на поверхности, она испуганно ждала, когда же, наконец, поднимется Охотник и укажет ей на звёзды. Но Охотника не было. Пещера сияла льдистым голубым сиянием. Поток нёс девушку вперёд к широкому, как ладонь, выступу, она смогла выбраться на него и передохнуть, затем поднялась и внимательно осмотрелась.

Да, это именно та пещера, которую Кжена видела во сне. Оказывается, сияющие звёзды оказались сверкающими камнями. Эти

камни сидели в стенах скалы, как зёрнышки внутри плода. Неожиданно вода взбурлила и ударила в стену, несколько сияющих камешков выпалились и упали на дно пещеры. Девушка осмотрела выступ и увидела, что вдоль стен, где по одному, а где небольшой кучкой лежали эти удивительные камни, напоминая девушке леденцы, они были такой же продолговатой овальной формы и совершенно прозрачные. Она подняла один, размером с большой палец, и снова удивилась: камешек был тёплым. Может, это есть слёзы Великана?! Недолго думая, Кжена подобрала несколько камней и связала их в подоле своей рубашки, которую так и не сняла, когда нырнула в бассейн.

Теперь она не боялась: если волшебная сила Великана привела её сюда, то она должна была и вывести наружу. Не хотел же Охотник, чтобы Кжена умерла от голода и жажды в Его пещере. Девушка снова опустилась в стремительный поток и, набрав побольше воздуха в лёгкие, нырнула. Подол тянул на дно, пришлось девушке взять узелок с камнями в руку и довериться воде. Под выступом оказался ещё один проход, поток подхватил Кжену и повлёк в туннель. На этот раз несло её намного дальше, но в самый последний момент, когда лёгкие горели, а перед глазами поплыли алые круги, вода подняла её вверх и выбросила наружу. В глаза ударил солнечный свет, и она зажмурилась, а потом поняла, что падает. Оказывается, поток вынес её на вершину скалы и извергнул с водопадом в котловину.

Девушка выбралась на берег чуть живая. Крепко прижимая узелок с камнями к груди, она с трудом верила в то, что с ней случилось. Солнце шло к полудню. Если она поспешит, то успеет добраться до пещеры до наступления вечера, никто и не заметит её отсутствия. Только бы никто из оборотней не попался ей на пути! Кжена втянула воздух и успокоилась: оборотней не было, зато на её любимой полянке возле векового дуба с дуплом резвились олени. Недолго думая, девушка спрятала в дупле камни и решила рассказать о них Ратгену при первом удобном случае.

Она всё успела, вовремя добралась до пещеры, снова искупалась в водоёме, смыв пот и усталость, высушила рубашку, а потом незаметно для себя уснула и проспала до прихода Ратгена. И снова её посетил колдовской сон, а снилось ей, что сидит она на широкой груди Великана и прижимает к себе его тёплые каменные слёзы. Внутри каменной груди стучало сердце, и от его ударов сыпались камни-звёзды со свода огромной пещеры.

10.

Ратген разбудил её. Он был возбуждён и взволнован, однако он не торопил девушку, они перекусили остатками хлеба и вяленным мясом, от которого Кжена всегда отказывалась, но тут она съела немалый кусок и с большим удовольствием.

— Мы нашли его! Он залёт под репищем у деревни Опушка. Корвил выманил его в лес. Нас ждут! — коротко сообщил чугайстер.

Они снова бежали по лесу. Оборотень крепко держал руку девушки и вёл её по тропе. На этот раз она бежала легче и быстрее, к немалому своему удивлению, Кжена отчётливо видела след на траве. Когда девушка всё же устала, Ратген снова забросил её на спину и обернулся волком. Ветер свистел в ушах, полная луна освещала лес, и звёзды подмигивали им с неба.

Наконец Ратген вывез её на небольшую луговину, и Кжена села в высокую траву, к ней тут же прыгнул Хвостик. На невысоком пригорке гордо сидел огромный волк, а рядом с ним лежала серебристая волчица. Кжена узнала Олейгина и мать Кену. Вся стая волков терпеливо ждала. Девушка насторожилась: ей показалось или в лесу действительно кто-то тихо напевал. Неожиданно на поляну вышла Инивара, она медленно шла, руки её плавно поднимались вверх и опускались, она ловко вращалась на одной ноге вокруг своей оси, словно зазывала кого-то, тихо напевая песенку.

Инстинктивно Кжена пригнулась к траве, а к её ногам прижалось горячее тельце волчонка. И тут из густых кустов вышел человек. Он медленно шёл за Иниварой, и было видно, что он борется с колдовством её песенки и силится оторваться от сетей танца. С виду обычный селянин, в рубахе и кожаной безрукавке, на ногах растоптыши из лыка. Чем-то он даже напомнил Кжене дядьку, только несло от него трупным запахом на три версты. Девушка почувствовала, как в желудке поднялась противная тошнота.

Иниваре удалось заманить упыря на середину луговины, под свет луны, на обозрение всей стаи. Из леса за упырём вышел Корвил, скользящими танцующими движениями чугайстер вовлёк Инивара в танец вокруг замершего упыря. Кжена вспомнила поединок и

забыла. Танец двух чугайстеров ничем не напоминал того бешеного ритма. Они словно вели хоровод и сближали круг, незаметно подбываясь всё ближе и ближе к нечистому духу. Упырь поднял лицо к луне и тоскливо завыл. От этого воя у Кжены сердце сдавило в груди, и она испуганно прижалась к мохнатому боку Ратгена, волк успокаивающе лизнул её в щёку.

Наконец руки чугайстеров образовали круг, и упырь тихо осел. На его месте в воздухе парило тёмное облачко, оно поднялось над лесом и растворилось в лучах сияющей луны. От упыря на траве остались лежать рубаха, безрукавка и растоптыши. Инивара и Корвил обернулись волками, и вся стая дружно завyla на луну.

Оборотни ушли, на луговине остались только Ратген и Кжена. Девушку скрутила невыносимая тошнота, и желудок изверг на траву всё, что она съела за поздней вечерей.

— Что с тобой, ты не заболела? — спросил обеспокоенный оборотень.

— Не знаю, — устало произнесла девушка и вытерла проступивший пот со лба, — наверное, я устала, столько всего. Я не ела раньше кабаньего мяса, но мне так захотелось. Раньше я только курицу ела и утку... Надеюсь, ему не было больно? — неожиданно спросила она чугайстера.

— Нет, милая, он не мучился, мы ведь всё чувствуем, когда успокаиваем таких, как он.

— Ему было так тоскливо и так одиноко, — проговорила девушка и, собрав силы, поднялась.

— Ты почувствовала, да?! — Ратген необычайно обрадовался, услышав её слова. — Ты похожа на нас, ты тоже сможешь.

— Я не умею танцевать, — быстро ответила Кжена, содрогнувшись при мысли, что она тоже может успокаивать нечистых духов.

— Это не сложно, я научу тебя! — упрямо возразил оборотень.

Девушка не стала спорить.

— Ночи полной луны такие красивые. Как бы мне снова хотелось уснуть на тёплой ладони Спящего Великана, — тихо проговорила Кжена и вздохнула. Они не спеша шли по лесу, и путь их пролегал через поляну со стоячими камнями.

— Если хочешь, мы там заночуем, — неожиданно сказал оборотень и поёжился. Ему было нелегко, она знала, как оборотни побаивались этого места.

Девушка улыбнулась и решила подразнить Ратгена.

— А вот Хвостик сидел со мной на ладони Великана и с ним ничего не случилось, он очень храбрый волчонок!

Оборотень натянуто рассмеялся, а потом подхватил её на руки и побежал к Пальцам Великана. Всё-таки он не смог без опаски взобраться на валун в центре стоячих камней без содрогания, но Кжена уверенно легла в ладонь и поманила чугайстера к себе на грудь. Он осторожно лёг и обнял её.

— Не бойся, в Нём нет злобы и ненависти к вам. А знаешь, вы похожи, ты и Охотник, — тихо сказала она, разглядывая звёзды на небе.

— Что? Похожи? — удивлённо возмутился Ратген.

— Да. Вы оба потеряли любимых, и вы оба очень одиноки, — ответила она, проваливаясь в ласковое тепло сна.

Оборотень приподнялся и в который раз внимательно вгляделся в её лицо.

— Но я не один, нет, у меня теперь есть ты и я тебя ни за что не потеряю! — твёрдо произнёс он и прижался к её губам.

Кжена крепко спала и не видела сновидений, которые так пугали её. А когда она проснулась, солнце поднималось над высоким пальцем камня. Она снова ощутила приступ голода. Ратгена не было, должно быть, он проснулся раньше и умчался по своим делам. Кжена спустилась с тёплой ладони Великана и ласково погладила камень. Нужно торопиться в пещеру и найти что-нибудь съестное. Вот было бы здорово, если Ратген снова умчался в посёлок за свежим хлебом. Ей нравилась мысль, что оборотни покупают хлеб, а не берут тайком у зазевавшихся хозяев. Девушка слотнула набежавшую слюну и огляделась. Нужно было что-то делать с невыносимым голодом. Она сошла с тропинки и подошла к ручью. На берегах лесного ручейка росла низкорослая травка. В деревне её называли барашкой, она в изобилии росла на огородах и полях, у травки были закрученные листочки и семена в виде тыковки размером с крупную землянику. Травка с семенами была совершенно безвкусна, но её часто жевали ребятишки, когда хотели покушать, но не желали бросать игру или гулянья.

Кжена сорвала несколько семян и съела. Вкус травы показался ей слаще любой ягоды. Срывая травку пучками, она быстро глотала её, почти не прожёвывая, и вскоре набила ненасытный желудок. Потом она, конечно, испугалась, а вдруг противная тошнота снова

нахлынет и вывернет её наизнанку, но нет, желудок удовлетворился травой и притих.

Не успела она добраться до пещеры и совершить утреннее омовение в бассейне, как пришёл Ратген и принёс свежий хлеб, кроме хлеба, была ещё и жареная курица. Кжена покраснела от смущения и удовольствия.

— Ты когда успеваешь, до посёлка дорога не близкая, — упрекнула она его, но больше для вида.

— А я в стае самый прыткий чугайстер, меня даже отец обогнать не может! И потом утром лучше всего выведывать новости. Я покупаю хлеб у одной пожилой селянки, она большая любительница поболтать, пока она рассказывала последние сплетни — я у неё и курицу выпросил! — похвалился он и стал кормить её.

— Я никогда столько не ела, я скоро стану толстой и медлительной, как корова, — пожаловалась Кжена с набитым ртом.

Ратген рассмеялся.

— Хотел бы я на это посмотреть! Ты такая худенькая и хрупкая, нужно нарастить мясо на твоих тоненьких косточках, для наших танцев нужны силы.

— Ты всё-таки хочешь научить меня? — недоверчиво спросила девушка, ощущая сытость.

— Да, и сегодня, сейчас!

Она и ахнуть не успела, как оборотень всё прибрал, спрятал остатки хлеба в тряпицу и вывел её из пещеры. Для первого урока танца он выбрал солнечную полянку позади ельника, на ней часто паслась любимая стайка оленей, они и сейчас отдыхали в высокой траве.

Ратген сбросил шкуру с плеч и остался в свободной рубашке, подпоясанной широким кожаным ремнём. Он вывел Кжену в центр полянки и расправил её руки.

— Главное в танце чугайстера умение почувствовать чужую боль и жажду, ты прислушиваешься к миру, и твой внутренний взор блуждает по просторам леса. Если ты почуяла нечистого и готова помочь ему, начинаешь звать его. Твой зов — это уговаривание маленького ребёнка исполнить твою просьбу — пойти за тобой. — Оборотень вёл девушку по кругу и терпеливо объяснял навыки чугайстерского танца. — Биение твоего сердца — это твой ритм, когда нас много, мы используем кожаные бубны, но это бывает редко, чаще

мы используем бубен для ритуалов внутри стаи. Твоё сердцебиение плетёт крепкую сеть, а руки опутывают ими нечистого. У нас нет каких-то особенных танцевальных приёмов и фигур, но одна должно быть всегда — танец замыкаешь кругом. Это закон, иначе нечистый сможет тебя погубить!

Девушка слушала и следовала его словам. Глаза закрылись сами собой, руки словно окунулись в густой кисель лесного воздуха, удар сердца превращался в волну и нёсся к окраинам леса. Воздух вокруг неё запульсировал, и Кжена прозрела. В ельнике под сухой корягой прятался косматый леший, деревянное лицо всё в сучках и листиках на мгновение высунулось из норы, и леший тревожно повёл сучковатым носом. Из дальнего ручья вынырнули две русалки, одну из них Кжена узнала, это была дочка соседей Даринка. В прошлом году над ней надругался один из верховых пана Лютича, с горя она утопилась в глубоком ручье. В глубине берегов Горючки пряталось целое семейство кикимор, чудовишные полосатые кошки с глазами-плошками недовольно урчали на баб, что полоскали бельё в тёплой воде реки. На ветках деревьев притаились добрые пучеглазы; в высокой траве плели паутинки пугливые паушки; во влажной низине за скалой перекликались говорливые квакши. Кжена узнавала лесных духов, о которых раньше слышала только от отца, теперь же она видела их воочию. Неожиданно сердце пугливо скакнуло, из дальнего посёлка в её сторону повернул бледное, но нечеловечески красивое лицо вурдалака. Девушка испуганно ойкнула и присела в траву.

— Ты почуяла вурдалака, да?! — Ратген над ней улыбался. — Ты смогла!

Девушка смутилась:

— Вы его загоните?

— Конечно, иначе он погубит много людей, — ответил чужагстер.

Кжена глубоко задумалась над его словами. Оказывается, у чужагстеров было своё очень важное большое назначение в мире, их судьба уводить и успокаивать нечистых. Люди в своём невежестве причислили оборотней к лесным чудовищам и упрямо истребляли их. Чужагстеры, оказывается, очень полезные существа, больше, чем леший или пучеглаз — маленький дух дерева. А какая польза от неё? Её избрали для выживания стаи, её берегли, кормили, лелеяли и обращались с таким уважением, словно она панночка, вот уже и Ратген научил её танцевать, а что сделала она для пользы чужагстеров?!

Видя, что лицо её опечалилось, оборотень повлёк её на траву и потянул завязки уже изрядно потрёпанной юбки.

— Не думай ни о чём, ягодка моя, я с тобой, и ты в безопасности, — тихо проговорил он, задыхаясь от нежности. Девушка неожиданно всхлипнула, и слёзы побежали по щекам, именно сейчас в ней рухнул последний барьер, отгораживающий её от чужагстера. Ратген слизывал её слёзы и лукаво улыбался, в их телах зажглась жажда близости.

11.

На следующее утро Кжена снова пошла к ручью нарвать барашков — она с большим удовольствием жевала зелёные сочные семена и купала в ручье ноги. Рядом паслись олени и прыгали оленята. Она снова думала о стае. А что если она решится окончательно связать свою жизнь с Ратгеном, какое будущее их ожидает? Может, набраться храбрости и поговорить с вожаком. Предложить ему построить большой вместительный дом на берегу реки где-нибудь вблизи Опушки и попытаться помочь им ужиться среди людей, научить их земледелию. Она попыталась представить чужагстера с лопатой в руках на огороде и поморщилась. Да, земледельцы из них не получатся.

Девушка нетерпеливо поднялась и пошла на поляну, где прошлым днём Ратген учил её танцевать и слушать лес. Она попробовала сама проделать несколько плавных движений, но ей плохо это удавалось. Вот у чужагстера движения действительно были красивыми и плавными, просто загляденье. Она подумала о нём, и Ратген выскочил на поляну.

— Заждалась, родная! А у меня радость! — запыхавшись, проговорил он и ласково ткнулся губами в её щёку.

— Какая радость? — спросила девушка.

— Иниваара наполнилась! — Глаза Ратгена сияли.

Девушка непонимающе покачала головой.

— Кжена, у Иниваары будет ребёнок, она наполнилась в брачную ночь и сегодня утром попросила волчьей травы. Это великая удача! Мать Кена говорит, что проклятье отступает. И это благодаря тебе... любимая!

Чугайстер крепко обнял её, он впервые так назвал её, и девушка необычайно смутилась.

— Мы все этим утром собирали ей семена волчьей травы.

— Вот так сразу после одной только ночи, — недоверчиво переспросила Кжена.

— Знаешь, у волчиц есть одна верная примета: если у неё внезапно возникает сильное желание поесть семян волчьей травы, значит, она беременна. Ещё они могут сразу распознать пол ребёнка. Инивар ждёт девочку! Понимаешь? У маленького Такивара родится подружка! — Счастью Ратгена не было предела.

Кжена задумалась и вдруг побледнела.

— А ты можешь мне показать эту траву, я тоже хотела бы насобирать семян для Инивары, — неожиданно попросила она.

— Ты её могла видеть, эта трава растёт повсюду, вот как выглядят её семена. — Ратген запустил руку в небольшой кожаный мешочек, висевший у пояса, и высыпал в ладонь Кжены несколько круглых семян. Девушка перестала дышать, на её ладони лежали зелёные плоды барашка. Она посмотрела в глаза оборотня и, к его ужасу, повалилась на траву, потеряв сознание.

— Ягодка, ягодка моя, очнись, что с тобой, — звучал настойчивый голос Ратгена, и Кжена открыла глаза. — Что с тобой, ты меня так напугала!

— Я не знаю, мне что-то в последнее время нездоровится, — пролепетала девушка.

Ратген перенёс её в пещеру, уложил и прикрыл овчинным полушубком.

— Позвать мать Кену? — спросил он.

— Нет, не надо, я хочу отдохнуть, ты иди. Отнеси семена Иниваре и возвращайся, а завтра мы вместе их насобираем. Эти семена... как долго ей понадобится их есть? — Кжена сцепила руки под полушубком и затаила дыхание.

— Несколько дней, иногда неделю, потом желание пропадает. Я пойду, но я пришлю Хвостика, он посидит с тобой, ты чего-нибудь хочешь? — Ратген погладил её по голове и щекам, девушка сдавленно вздохнула.

— А можно сушёных яблок, я вечером сварю сладкий кисель. Я очень люблю яблоки. — Кжена хотела только одного, чтобы он поскорее ушёл.

Когда она осталась одна, то сжалась в клубочек под полушубком и лихорадочно вспоминала прошедшие дни. Её снова тошнило. Неужели она наполнилась! Неожиданно она вспомнила о заветной плоской щепочке. Девушка отмечала на щепочке дни, проведённые в лесу. Она совсем забыла про неё, но тут достала. Каждые семь перечёркнутых чёрточек означали прошедшую неделю, почти за два месяца кровь упала лишь однажды. Значит, она зачала в ночь, когда Ратген вернул её из мира ГДЕ НЕТ ЛУНЫ. Вот значит как, под сердцем зарождалась новая жизнь. Какая она будет и кто придёт в этот мир через неё? Сказать Ратгену и обрадовать его или подождать.

Ей было страшно, Кжена решила подождать. В пещеру вбежал Хвостик и присел рядом с девушкой.

— Ты опять заболела, — печально проговорил он. — Рябинка, почему ты так часто болеешь?

— Не знаю, малыш, — ответила со слабой улыбкой девушка и ласково погладила его по руке.

— Мне кажется, я знаю, — вдруг сказал Таки, и девушка замерла.

— И почему же? — спросила она, холодея, неужели Хвостик догадался.

— У нас опять не получилось почтить твоих предков. Я привязал разрыв-траву к ветке дуба, а через два дня сбегал посмотреть — её там нет!

Кжена радостно вздохнула.

— Не печалься, это очень хорошо, что одолень-травы не оказалось на ветке. Значит, мои предки почтили моё подношение через твои руки. Но мы обязательно повторим подношение, — убедительно сказала она, и Хвостик успокоился.

— Я всё сделаю как надо, ты только поправляйся поскорей, Рябинка, — попросил он. Девушка улыбнулась и лукаво ответила:

— Такивар, тебя можно поздравить, ты уже жених!

Хвостик покраснел до корней волос:

— Ну, я ещё должен вырасти и многому научиться. Все в стае рады за Инивару и Корвила, только вожак сильно обеспокоен.

— Почему? — полюбопытствовала Кжена.

— Через месяц в лес нагрянет осень, а она в этом году будет ранняя. Нужно уводить стаю, и потом все волчицы рожают Дома. Он беспокоится о том, как провести тебя по Лунной Тропе, ведь ты не чугайстер. — Хвостик почесал взлохмаченный затылок.

Его слова сильно встревожили Кжену, выходит, они не собираются оставаться в её мире, более того, намерены и её увести. Рухнули все надежды. Рассеялась мечта о счастливой и спокойной жизни в большом доме на берегу реки. Девушка отвернулась к каменной стене и тихо заплакала.

— Василя, Василька! — беззвучно шептали губы. Неужели она никогда больше не увидит сестру. И тут её мольба сменилась и направилась на ту силу, которая простёрла над ней свою длань: — Охотник, Охотник! Помоги мне!

Хвостик решил, что она заснула, и свернулся клубком рядом. Горячий бок волчонка согревал и одновременно успокаивал. Девушка незаметно погрузилась в забытие, она снова увидела каменные туннели под скалой, ослепительный свет над водопадом. Неведомая сила подняла её душу над рекой, и она увидела всё, как на ладони. Река синей лентой несла быстрые воды мимо леса, мимо родной деревни Опушки и дальше за горбыли поросших лесами гор. По правую сторону реки вдали виднелись Пальцы Великана и развилка Трёх Дубов, ещё правее, на запад, виднелся посёлок Лютовичи. По левую сторону стелился ковёр непроходимого леса без проезжих дорог, и только ещё левее напротив Опушки была видна ещё одна деревня, та самая, где жил и правил селянами гайдук Долгожир, именно за его поместьем начинался большой шлях вглубь страны в дальние города, где люди жили в каменных домах. Где-то там был городок Збышек, в котором жила тётка Ирэна, и Пражек, а севернее — столичный город княжества Словения.

Ратген потёрся о её щеку и разбудил её.

— Я принёс тебе яблоки, как ты, милая? — спросил он и снова прижался к её щеке. Кжене снова захотелось плакать, ещё никто так не заботился о ней. Стоило ей только сказать, и Ратген мчался исполнить её желание. Вот бы так дядька побегал по дому, выполняя её поручения. Только навряд ли чугайстер выполнит самое большое её желание и останется с ней в её мире.

— Спасибо, мне легче. Пойдём в лес, я сварю кисель из яблок, что ты принёс, и волчьих семян. Знаешь, у нас в деревне её зовут трава барашка, и мы часто едим её, а иногда варим с сушёными яблоками кисель. Надеюсь, Иниваре понравится кисло-сладкое питьё? — быстро проговорила Кжена, поднимаясь с постели.

Чугайстер удивился её словам:

— «Барашка» — глупое название для волчьей травы, — фыркнул он, — а Инивара будет рада твоему подношению, для неё это честь и хороший знак.

Пока Кжена собирала семена, Ратген развёл костерок и принёс котелок с водой из ручья. Девушка вскипятила воду и бросила туда фрукты и ягоды из своих запасов.

— Ратген, а что если я не наполнюсь, что вы будете делать? — неожиданно спросила она и застала чугайстера врасплох. Он побледнел, но сцепил кулаки и ответил:

— Это ничего, когда-нибудь обязательно получится. Мы дождёмся осени и взойдём на Лунную Тропу. Ты пойдёшь с нами, теперь ты наша! — уверенно проговорил он.

— А у меня получится? Я не чугайстер, — не сдавалась девушка.

— Ты дочь леса, и это хорошо, это поможет нам. Отец проведёт ритуал и разбудит в тебе зверя, ведь в каждом человеке спит зверь. Ритуал приобщит тебя к магии нашей стаи, и ты сможешь ступить на Лунную Тропу в облик зверя, — объяснил Ратген и сделал вид, что очень занят, он втайне надеялся, что на этом вопросы Кжены закончатся. Он боялся, что она воспротивится и её придётся уговаривать.

Девушка помешивала кисель в котелке, сушёные фрукты и ягоды медленно разбухали в кипящей воде.

— Ратген, а если во мне проснётся не волчица, а какой-нибудь другой зверь? — снова спросила она. Кжена вспомнила поединок и облик лани, что вошёл в её сердце и остался. Сможет ли лань жить в стае волков? Она не знала, хотя помнила и то, что её оленюшки не боялись оборотней.

— Это не страшно, во время ритуала мы призовём дух волчицы, и ты навсегда станешь одной из нас, — быстро ответил оборотень, он подошёл к ней и посмотрел в глаза, — Кжена, я люблю тебя и хочу, чтобы мы всегда были вместе.

Девушка смутилась и потупила глаза. Ратген впервые признавался ей в своих чувствах. Жаль только, он не додумался её спросить, а любит ли она его. А впрочем, и хорошо, что не спросил, Кжена не знала бы, что ответить. Она заправила кисель семенами барашка и сняла котелок, закутала его в овчину и оставила томиться на некоторое время. Девушка села рядом с оборотнем и попросила:

— Расскажи мне о своём родном мире, какой он?

Ратген перевёл дыхание и радостно ответил:

— Он понравится тебе, ягодка, это самый лучший мир из всех, какие мне довелось посмотреть. Знаешь, бывают такие миры, люди там строят себе дома из камня и железа, они похожи на перевёрнутые корабли. В таких мирах вся сила лесов спит, мы стараемся пройти мимо этих чуждых нашей силе мест. Наш мир лежит у истоков сотворения. Там самые густые и чистые леса, а реки такой прозрачности, что виден каждый камушек на дне. Там много берёзовых рощ и яблоневых садов. Люди в нём знают нашу силу и уважают нас. Случаются войны, но редко, — мечтательно закончил чугайстер и с печалью посмотрел на небо. Вечерело.

— Почему же вы ушли из родного мира?

— Когда на нас обрушилось проклятье, мы ни с того ни с сего стали вымирать, были, конечно, причины: странная болезнь, случайная стрела, многие погибли в горах. Случалось и так, что некоторые просто не просыпались после дневного сна, — ответил чугайстер, и скулы на его щеках побелели от напряжения. Он вспомнил, как умерла Рада на его руках, пронзённая стрелой охотника на оборотней.

— Ещё ответь мне, а что случилось с возлюбленной Охотника? Что с ней стало? — снова спросила девушка и с нетерпением стала ждать ответ.

— Мать Кена было ещё маленькой, когда в Родной мир её старший брат, обезумевший от горя, привёл молодую женщину, великаншу. Все только диву дались, как ему это удалось. Он навёл на неё колдовской морок. Чугайстеры никогда не были убийцами, но горе брата матери Кены было столь велико, что он пожелал отомстить. Он захотел навсегда разлучить Охотника с его возлюбленной. Когда девушка поняла, что обманута и больше не увидит своего жениха, она пала замертво на землю и обратилась в голую скалу. Знаешь, вокруг этой скалы даже трава не растёт, а лес высох, как от засухи, и рассыпался в прах на многие вёрсты вокруг. Теперь там мёртвые земли. Иногда скала стонет и обрушивает камни.

Кжена молчала. Девушка посмотрела в котелок и увидела, что кисель поспел. Она попробовала и удовлетворённо кивнула, потом взяла глубокую чашку и отлила себе, а котелок подала Ратгену.

— Отнеси Иниваре и передай мой привет дружбы и мира. И Ратген... я буду молить Великана простить вас и снять проклятье.

Чугайстер кивнул и скрылся в кустах. Близилась ночь.

12.

Кжена искала пути к освобождению и обдумывала план побега. Всё её существо противилось покинуть родной мир и изменить свою сущность. Не надо ей ни зверя, ни других миров! Теперь она хотела только одного: обрести спокойную жизнь и растить ребёнка, каким бы он ни был. Утром прибежал Хвостик и снова заплёл на её голове косичку в два ряда веночком. Волосы у девушки отросли и спадали длинными кудрями на плечи и спину. Двух зелёных ленточек уже не хватало, и тогда Ратген принёс ещё две, красные. Волчонок прибежал каждое утро и заплетал девушку, как подобает в их стае. Болтал, что, когда Инивара подарит ему невесту, он дожждётся, когда она подрастёт, и сам будет заплетать ей косы. Кжена отшучивалась, кто же ей тогда волосы заплетёт. С серьёзным видом Хвостик убедил её, что этим займётся Ратген, потому что он ЕЁ волк.

Как-то они бродили по лесу и вышли к котловине водопада. Кжена долго и с удовольствием купалась в воде, а после сушилась на поляне. Сбежались её олени. Девушка сварила вкусную кашу и кормила подросших оленят с руки, Хвостик прыгал рядом. Однажды она спросила его:

— Такивар, скажи мне, а где бродит твоя мама и остальные чугайстеры? — Она давно задавала себе этот вопрос, да не решалась спросить. Больше месяца она живёт с Ратгеном в пещере, если и видит чугайстеров, то на дальних тропах. Даже её обострившееся в последние дни обоняние подсказывает ей, что оборотни находятся так далеко, как она и представить не может. Да и Ратген убежал иной раз в такие дали, что она не могла его почуять.

— Они очень заняты, Рябинка, — ответил волчонок, кувыркаясь с оленёнком.

— Чем же это они заняты? — не унималась Кжена.

— Выманивают нечистых духов и загоняют их в лес, разве ты забыла. Среди людей тоже есть охотники на нечистую силу, но они неумелы и по нашему пониманию очень жестоки. Олейгрин всегда выводит стаю там, где нечисти много, и пока мы здесь, мы стараемся

дать покой всем нечистым духам, которых находим. Но всегда только на весну и лето, осенью мы уходим...

Теперь ей стало ясно: они могут уходить далеко, а значит, если она и убежит в Опушку, её там найдут и вернут обратно. Если бежать, то бежать дальше и скорее всего в Збышек к тётке. Но как, для побега нужно время. Даже если она будет бежать из всех сил, то ей всё равно понадобятся целые сутки, чтобы добраться только до Опушки. Допустим, она выпросит у дядьки лошадь, но где взять деньги и проводника. Дороги-то она не знает.

Кжена неприкаянно бродила у водопада и до головной боли пыталась что-нибудь придумать. Однажды она забрела в осинник и нашла старые заготовки отца. Столько лет прошло, а брёвна крепкой осинки лежали аккуратно сложенные в куче. Девушка долго смотрела на них, прикоснулась ладонью и неожиданно подпрыгнула на месте. Чудесная мысль пришла ей в голову. А что если связать несколько брёвен в небольшой плот и спуститься на нём вниз по Горючке до самой Опушки, ведь это намного быстрее, чем по земле. Течение у реки такое быстрое, что она за считанные часы доберётся до деревни. Об опасности такого путешествия она и не думала, уж доплывёт как-нибудь через водные толкуны и стремнины, главное, плот сделать прочнее и крепче!

Девушка лихорадочно думала: если она проплывёт под скалой и попадёт с водопадом в котловину, там она спустит в реку приготовленный плот и доплывёт до деревни, а дома уж как-нибудь она уговорит Васильку поехать вместе с ней в Збышек. План побега показался Кжене таким удачным, что она заплясала от радости. Осталось приготовить плот, да так, чтобы ни Хвостик, ни тем более Ратген не заметили. А потом она дожждётся благоприятного момента и совершит свой безумный побег. И вдруг девушка замерла. Её посетила надежда — а что если Ратген останется с ней в её родном мире? Ведь для счастья большего и не нужно. Пусть стая уходит и выполняет своё назначение, а ей вполне достанет жить с Ратгеном у скал. Может, и Хвостик пожелает быть с ними, и тогда её радость будет полной. Как бы это было хорошо! Однако она представила себе строгое лицо вожака и надежда угасла, как вечерний луч солнца.

Кжена в считанные дни приготовила плот,хватило трёх брёвен, нашла и крепкая верёвка, которую она захватила из избушки лесника, когда бежала из деревни. Девушка решила ещё раз проплыть

под скалой, чтобы лучше знать переходы. Она долго сидела на каменном уступе в круглой пещере и смотрела, как камни-звёзды вываливались из стен и падали в бурлящую воду. Словно стены плакали. Она взяла ещё несколько камней, сколько могла унести с собой, ибо ей снова привиделся сон.

На этот раз ей снилась пустынная земля, сухой ветер поднимал облака пыли и песка. Кжена стояла на вершине голой скалы и держала в руках слёзы Великана. Она положила их на скалу — камни-слёзы пролились чистой водой и омыли грудь Великанши. Скала дрогнула и рассыпалась валунами, брызнули реки и ручьи, забили родники, земля проснулась и оделась в траву.

Теперь Кжена знала, что нужно сделать, чтобы проклятье отпустило стаю. Нужно возложить камни на вершину скалы в родном мире Ратгена. Она оставит для него эти камни и со спокойным сердцем уйдёт из его жизни. Ведь её совесть перед стаей будет чиста, она исполнит своё предназначение. Проклятье будет снято. Такими мыслями успокоила себя Кжена и стала ждать благоприятного случая.

Дни шли своим чередом. Ратген редко оставлял её одну, иногда они вместе уходили из пещеры и спали под открытым небом на лугу или под тенистой кроной дуба. Ей полюбились ночные прогулки — чугайстер заставлял её бегать по лугам и купаться в утренней росе. Незаметно для себя Кжена превратилась в крепкую и красивую девушку, к ней пришла зрелость. Она всё так же скрывала от Ратгена свою беременность, но не могла признать, что именно с зарождением в её чреве ребёнка к ней пришли обострённые чувства и крепость. Под загорелой кожей затвердели мышцы, в глазах появился огонёк бесстрашия и силы. Как и говорил Ратген, барашку она ела только несколько дней, потом желание пропало, на смену ему пришло другое. Кжена хотела мяса, но она и в страшном сне не могла представить себе поохотиться на лесную живность. Ратген охотно приносил ей жареных кур из Лютовичей, иногда это были сырые тушки цыплят, и тогда Кжена варила похлёбку, которую и чугайстер ел с удовольствием.

Хвостик несколько раз бегал к развилке Трёх Дубов и привязывал к ветке листья одолень-травы, а так как они исчезали — Кжена была уверена, что с Василей всё в порядке.

Незаметно, но верно лето шло на убыль. Вечера стали холоднее, дни короче. Как-то сразу пожелтела трава на полянах и листья на осинках. И вот пришёл день, когда Ратген зашёл в пещеру и сообщил ей,

что в следующее полнолуние Олейгрин собирается вести стаю домой. Однако перед этим он проведёт ритуал для «пробуждения» Кжены.

Девушка внимательно выслушала его, но ничего не сказала. На следующий день она перенесла камни, которые лежали под травой в дупле дуба возле водопада, в пещеру и припрятала их. До полнолуния оставались считанные дни. Стая готовилась к отбытию. Мать Кена несколько раз заставляла Кжену пить горькие настои. Один раз приходил Олейгрин и вглядывался в её глаза, потом он нахмурился и сказал старой волчице только одно слово:

— Лань!

Мать Кена кивнула, а Ратген улыбнулся.

— Я так и думал, — сказал чугайстер, а когда они остались одни, он шептал ей на ушко слова ободрения. — Всё будет хорошо, вот увидишь, в этом нет ничего страшного. Скоро, совсем скоро ты увидишь мой Дом.

Кжена слушала и молчала. Всё внутри протестовало против насилия над её душой. И хотя Ратген был с ней нежен, как никогда, мысли о побеге не оставляли её. Однажды он пришёл чем-то сильно обеспокоенный.

— Мы почуяли сразу трёх вурдалаков в Лютовичах. Скорее всего, их привлекла страшная болезнь, поразившая местных людей. Вурдалаки сильные, и они тоже почуяли нас. Отец собирает всю стаю для их загона в лес. Мне придётся оставить тебя на день или может быть два. С тобой будет Хвостик. Не скучай, милая.

Ратген крепко поцеловал её в губы и ушёл, а было это вечером. Кжена села на постель и задумалась. Вот и наступил тот самый благоприятный момент для побега, и Хвостик ей не помеха, она приготовит крепкий сонный отвар и напоит его. Девушка вышла наружу и втянула воздух в лёгкие, она прощалась с лесом и молила Великана послать ей удачу.

Пришёл хмурый волчонок, она напоила его отваром и уложила на свою с Ратгеном постель. Долго гладила его по длинным волосам и мысленно прощалась с ним. Потом она достала из тайника светящиеся камни-слёзы и положила их рядом с Такиваром. Ратген поймёт, что это те самые слёзы Охотника, а Олейгрин возложит их на скалу. Так разрушатся чары. Но отчего-то Кжене было невыносимо тоскливо. О, если бы они не собирались совершить над ней ритуала, она была бы счастлива жить в любимом лесу вместе с Ратгеном и Хвостиком.

Но отступать нельзя, девушка скинула длинную рубаху и погрузилась в бассейн, дождалась, когда вода забурлит, и нырнула в светящуюся глубину туннеля. Поток вынес её в пещеру, она ещё раз бросила взгляд на стены и увидела, что камни пульсируют. Вода снова подхватила её в свои ладони, и пронесла по ещё одному подземному ходу, выбросила девушку в звёздную темноту ночи. Кжена быстро выбралась на берег и добежала до дуба. Там её ждала заранее приготовленная одежда, пока она натягивала рубашку, в темноте дупла что-то знакомо засветилось. Оказалось, там лежало несколько камней, они-то и сияли тусклым светом. Кжена, должно быть, не заметила их, когда днём перетаскивала слёзы Великана в пещеру. Она не смогла оставить их в дупле, взяла, скрутила узелок и накрепко привязала к своему поясу.

Девушка легла на брёвна маленького плота и оттолкнулась от берега. Течение подхватило плот и быстро понесло его вниз по реке. Кжена вцепилась в верёвки и терпеливо смотрела на берег. И чем дальше плыл плот с девушкой, тем больше стихала река. Как она и предполагала, плыть ей пришлось недолго, едва небо посветлело и потасли звёзды, девушка выбралась на отмель реки. Крепости плота хватило, чтобы не рассыпаться до берега у родной деревни.

13.

Кжена неслась огородами к дому дядьки. В деревне стояла тревожная тишина, ни собака не залает, ни петух не прокричит. Преисполнившись самыми чёрными мыслями, девушка вбежала по высокому крыльцу и что было мочи забарабанила в дверь.

— Василия, Василина, открой, кто-нибудь, да отзовитесь же, — громко звала она.

Наконец в доме послышалось движение, дверь открылась, и Кжена увидела сестру. Сердце болезненно сжалось в груди: что случилось с цветущей красавицей Василей? На пороге стояла худая и немощная женщина и испуганно смотрела на неё.

— Кженка, ты?! — вскрикнула она.

Девушка бросилась в дом и обняла сестру.

— Я, Василя, это я, родная, что с тобой случилось? — расплакалась Кжена.

— Пойдём в горницу, и тихо ты, соседей ненароком разбудишь, — вдруг строго сказала сестра и повела её внутрь дома.

Кжена осторожно вошла и удивилась мёртвой тишине. В доме, кроме неё и сестры, больше никого не было.

— Василя, что случилось, рассказывай, не томи! — потребовала она.

Сестра присела на лавку возле печки и горько вздохнула.

— Это всё из-за него, из-за храмовника. Он привёз с собой страшную болезнь. Поддеревни вымерло. Отец, мать и братья с невестками, все умерли, не прожив и месяца. И я бы легла вместе с ними, да стала пить отвар травы, что ты мне оставляла на ветке дуба. Лучше бы и не пила! — горестно воскликнула Василина.

Кжена обняла сестру и расплакалась:

— Василя, ну что ты, я так боялась, так боялась за тебя. Я узнала, что по деревням гуляет страшная болезнь, и сразу подумала о тебе, я верила, что ты поймёшь мои знаки и будешь пить отвары. Василя, родная, ведь у меня никого нет, кроме тебя!

Девушки обнимали друг друга и плакали. Но Кжена заставила себя успокоиться, время не ждало.

— Василя, милая, надо уезжать. Здесь опасно оставаться! — стала она умолять сестру.

— Уехать, куда? А как же дом и хозяйство? — удивилась Василина.

— Поехали в Збышек к моей тётке Ирэне, я думаю, она не откажется нас приютить. Здесь нам покоя не дадут. Если ты не согласишься, то мне придётся идти одной, только дай мне, пожалуйста, немного денег и еды в дорогу. Мне нельзя задерживаться ни минуты! — в отчаянье воскликнула Кжена и распахнула дверь во двор. Занималась заря.

Василина внимательно посмотрела на встревоженное лицо сестры, но ничего не стала спрашивать, поднялась и накинула на плечи тёплый платок.

— Я схожу к соседям, к тем, кто ещё жив, а ты собери пока всё, что найдёшь в кладовой, и складывай в мешки. Телега во дворе. Я скоро, — сказала она и вышла.

Кжена кинулась собирать вещи. Она быстро сгребла в мешки всю крупу, а затем и пшеницу, её оказалось не много. Видно, урожай

в этом году не удался и деревню ждёт голодная зима. Она сбегала в сарай и увидела, что там стоят всего одна корова и тёлка, несколько тощих поросят и пара овец, вот всё, что осталось от большого хозяйства дядьки.

Пришла Василя и привела пару коней, они тут же их впрягли и стали вместе грузить телегу. Кжена догадалась, что сестра только что продала дом, утварь, коров и всё, что ещё осталось в огороде. Что ж, денег должно хватить на дорогу, а на жизнь в большом незнакомом городе чем-нибудь заработают.

В последний раз Василя обошла дом, в котором прожила всю свою жизнь, поцеловала в тёплые морды кормилиц-коров, и, не оглядываясь, девушки выехали из двора на дорогу. И хотя уже рассвело, никто из селян не провожал любопытным взглядом телегу и двух девушек. Люди прятались в домах и боялись лишний раз выйти во двор. То тут, то там по деревне чернели обугленные головёшки, это были сожжены дома тех, кого обвинили в колдовстве. Кжена уверенной рукой направила коней по дороге в сторону поместья гайдунка Долгожира и успокоилась только тогда, когда телега выкатилась на широкий шлях. Вскоре они догнали небольшой купеческий обоз из Лютовичей и, уплатив за охрану, присоединились к другим телегам. Их никто ни о чём не спрашивал, заплатили и ладно. Среди обозников было много беженцев, товаров везли немного, все друг друга сторонились и боялись прикоснуться не то что к руке соседа, но и к лошадям. Девушкам то и нужно.

Через несколько дней, проведённых в дороге, Кжена успокоилась окончательно. Она долго смотрела на полную луну и гадала о том, ушла ли стая по Лунной Тропе, и сильно ли горевал Ратген. Он хоть и был нежен и заботлив и говорил о любви, но было ли это настоящей правдой — она не была уверена. Скорее всего, только Хвостик опечалится её исчезновением, ведь они так сдружились.

Полнолуние прошло, и она совсем уверилась в том, что стая ушла. В дороге Василя всё ей рассказала. Оказывается, страшную болезнь в деревню привёз храмовник, после него заболел и слёг отец Сурин, за ним несколько старух, ухаживавших за ним, а там болезнь стала одолевать чуть ли не всех. Василя долго не могла выбраться на развилку, заболел и слёг отец, потом мать. Она ухаживала за ними недолго, вскоре, пролежав в горячке пару дней, они умерли, и все тела их усыпали чёрные волдыри, похожие на грибы-дождевики. Никого

не хоронили. Из поместья примчался верховой от пана Лютича и велел покойников сжигать, дабы зараза не распространялась. Но было поздно, чуть ли не вся деревня слегла в горячке. Когда Василия нашла листва разрыв-травы на ветке дуба, она сразу поняла, что сестра попытается ей помочь. Девушка приготовила отвар и выпила, ей полегчало, но она была так слаба, что только через несколько дней смогла снова выбраться на развилку. Умерли братья и невестки, пришлось и их сжечь позади двора. Маленькие дети умерли первыми.

Кжена крепко обнимала сестру, слушая её страшный рассказ.

— Я вылечу тебя травами, милая, — шептала она на ушко плачущей Василе, — я вылечу тебя так, что к тебе вернётся твоя красота. Мы будем жить в Збышике, ты выйдешь замуж за хорошего доброго парня и родишь много детей. И первого своего сына назовёшь именем отца!

Пришлось и Кжене поведать сестре свою необычную историю — встречу с волками-оборотнями, о проклятии Плачущего Великана и о своей беременности. Василия долго смотрела в глаза сестры: она ничего не сказала об этом, верит ли она Кжене или нет, но посоветовала сестре придумать какую-нибудь безобидную правдивую историю, чтобы хоть как-то объяснить родной тётке её положение. Девушка согласилась с разумностью её слов.

Наконец долгий путь их окончился, и они въехали в Збышек. Всё казалось девушкам необычным. Колёса телеги застучали по мощенным булыжником улицам, вокруг стояли двух-, а то и трёхэтажные дома из какого-то странного красного камня. С высокого купола Ратуши раздавался колокольный звон. Кое-где были деревья, из щелей мостовых выглядывали жёлтые пучки высохшей травы. Город показался Кжене мрачным и некрасивым, зато Василию всё удивляло и приводило в восторг. Она с нескрываемым любопытством разглядывала открытые дворики мастерских и харчевни, из которых за версту пахло едой. Она даже попыталась уговорить сестру зайти и пообедать в одной из них, но Кжена наотрез отказалась останавливаться, пока они не отыщут её родственницу.

Они нашли дом тётки Ирэны на одной из дальних от въезда улиц города. Тётка, нестарая ещё женщина, удивлённо посмотрела на двух уставших и потрёпанных девиц, одна из которых выглядела больной, другая была похожа на её младшую сестру, которую она не видела около двух десятков лет. Когда же Кжена назвала себя и сказа-

ла, кто её родители, тётка всплеснула руками и сразу провела девушек в дом. И хотя она за всё время получила только одно письмо от сестры с известием о рождении племянницы, Ирэна не сомневалась в правдивости услышанного. Стоило только посмотреть в лицо Кжены и увидеть её огненно-рыжие волосы, как облик младшей сестры сразу вставал перед её очами.

Женщина накормила девушек и подробно расспросила о жизни. Они, не таясь, рассказали о страшном поветрии в их краях, но тут же убедили, что сами здоровы, только очень устали и изголодались. Ирэна всплакнула и предложила сёстрам остаться жить у неё. Но девушки в один голос изъявили желание не отягощать маленький домик тётки своим присутствием, у них достаточно денег для того, чтобы снять отдельный дом.

Сказано — сделано, в первую же неделю сёстры нашли вместительный каменный домик с прилегающим к нему садиком и основательно в нём разместились. Кжена исполнила своё обещание и отпоила сестру травами. Василия окончательно поправилась, и к ней вернулась её красота, за ней сразу стали ухаживать молодые паны города. И на Кжену заглядывались, но она отклоняла все попытки её увлечь. Через тётку Ирэну она разнесла по городу историю о том, что замужем за родовитым паном, лихим воином. Он-де уехал воевать на дальние рубежи княжества да там и пропал, однако мёртвым его никто не видел, а госпожа Кжена не оставляет надежды дожидаться его. Тем более в скором будущем она ожидает родить от него ребёнка.

Сёстры жили дружно, но денег вскоре стало не хватать. Оказывается, жить в городе, не имея своего хозяйства или какого-нибудь дела, очень трудно. Как-то Кжена развязала узелок со слезами Великана и нашла камни потухшими, свет жизни в них погас, но для мира людей они не утратили своей ценности. Девушка надумала снести несколько прозрачных голубых камней в лавку и узнала, что называются они опалами и цены необычайной, вполне хватит не только на приданое Василию, но и на покупку дома.

Прошла снежная и лютая на скрипучие морозы зима, за ней наступила весна, и вместе с весной пришёл срок Кжене родить. Девушка втайне боялась родов, не родовые муки страшили её, но мысль, кого же она родит, мучила её последние месяцы неотлучно. Её страхи разделяла Василия. Однако сестра убедила её: что бы ни случилось, доведётся ехать в другой город, они сделают это незамедлительно.

Кжена родила ночью, когда на небе разливала свой серебристо-голубой свет полная луна. Молодая мать с тревогой вгляделась в своего ребёнка — младенец оказался, на удивление, крикливым и крепким мальчиком с длинными волосами на голове. Когда Василя вымыла новорождённого и высушила в куске тёплой ткани, все увидели, что волосы у мальчика необычные, чёрно-белыми прядками с рыжими подпалинами, как у матери. Кжена вгляделась в зелёные глаза сына и увидела в них Раттена. Ни в чём другом мальчик не отличался от остальных младенцев. Недолго думая, Кжена дала ему имя Кенрик, в честь матери Кены и её погибшего сына Рикзула, словно этим хотела загладить свою вину перед старой волчицей.

14.

Дни шли своей чередой и складывались в месяцы. Малыш рос крепким и очень подвижным. Ох и задал он хлопот матери и своей тётке Василе. И то, Кжена вскоре пожалела, что дала ему такое странное имя. Сама она звала его Кенни, а Василя маленьким Риком. Малыш рано научился ползать по дому и проявлять своё неумное любопытство.

В заботах и тревогах прошла весна и лето. Рано сняли поспевшие яблоки и груши с деревьев. Осень заглянула в окна золотыми космами берёз, что росли в саду, и отметилась в доме сестёр весёлой свадьбой. Василина таки опутала своими золотыми косами сына головы города и решила отдать ему своё сердце. Молодым подарили новый каменный дом на другом конце Збышика. Занятая заботами дома и своей семьёй, Василька уже не могла помогать Кжене, и пришлось той нанять нянюшку и завести слугу-садовника по уходу за садом. К слову сказать, и к ней сватались местные пановья, да молодая женщина отклоняла все предложения и упрямо твердила, что муж её жив и она его дожждётся во что бы то ни стало.

Она тосковала и в своей тоске признавалась только сестре — та качала головой. Кжена понимала, что не сможет долго жить в городе, и отчаянно хотела вернуться в любимый лес, в пещеру Великана, к своим оленям и лугам. Иногда, ночью, когда город погружался в

беспокойный сон, женщина невидимой тенью выбиралась на шлях, ведущий в сторону её родной деревни и, прижав руки к груди, долго смотрела на дорогу. Не то стон, не то приглушённый крик вырывался из глубин её тоскующего сердца. Но стоило небу посветлеть, Кжена возвращалась домой и долго беззвучно плакала. Она возненавидела свою постель на высокой резной деревянной кровати и частенько спала в саду под густыми кустами смородины. А снился ей ночной бег по лесу, свист ветра в ушах, тёплая шерсть волка-оборотня. Во сне она ощущала его запах, ей снились зелёные глаза Раттена и слышался приглушённый голос: «Кжена, ягодка моя, рябинка, где же ты?» — молил он. Девушка просыпалась и снова плакала.

Как-то нянюшка не уследила, и маленький Кен потерялся. Женщины не на шутку испугались и обошли весь дом. Удивлению Кжены не было границ, когда её сын нашёлся в саду. Он сидел в траве и с увлечением разглядывал жуков, рядом с ним сидел дворовый пёс и сторожил его. Проворный ребёнок уползал на своих ещё слабеньких ножках в сад и только там чувствовал себя счастливым. Иногда она брала его с собой, и он спал с ней под кустами смородины до ранней зари. Ребёнок всем своим поведением показывал, что мир травы и деревьев гораздо интереснее ему, чем каменные стены дома и кровать. А было ему уже шесть месяцев.

Часто Кжена склонялась над спящим сыном и шептала слова раскаянья. Она просила у Раттена прощение за то, что отняла величайшую радость видеть, как подрастает малыш, как поворачивается на живот и подтягивает ножки, как он быстро ползёт от нянюшки и смеётся. Её сын, её сокровище, самая большая драгоценность для женщины, был единственной отрадой в её жизни. Она готова была терпеть город с его суматошной жизнью, она готова была бросить всё и отправиться с ребёнком в лес, если в этом приключится нужда. Теперь она жалела о том, что не попыталась уговорить Раттена остаться, хотя бы на время. Он любил её, и он бы исполнил её просьбу. Только теперь Кжена призналась себе, что стая была для неё семьёй, о которой она всю жизнь мечтала. Но время не воротить.

Как-то случилось, что Кжена испытала сильнейший ужас. Голова города пригласил сестру своей невестки на Праздник Плодородия, и там она случайно почуяла вурдалака. Тот долго сверлил её своими глазами, и вскоре она поняла, что он не меньше её напуган и хочет избавиться от неё. Кжена пряталась в доме, а по городу поползли не-

хорошие слухи, что живёт она на отшибе, с добрыми людьми не общается, замуж за местного пана не идёт. Женщина стала подумывать о том, чтобы перебраться в другой город.

В один холодный светлый вечер в ворота дома госпожи Кжены постучался усталый путник, и хотя было не так холодно, на его плечах сидел овчинный полушубок. Садовник открыл заслонку в створках ворот и спросил, что путнику надобно.

— Здесь ли живёт госпожа Кжена, племянница панны Ирэны? — спросил хриплым голосом усталый мужчина.

Садовник дал утвердительный ответ и выпустил его во двор. Не спросив позволения, путник быстро поднялся по высокому всходу в дом и, не снимая сапог, прошёл в чистую горницу. Старый садовник испугался, как бы чужой человек не причинил вреда, и закричал:

— Госпожа Кжена, госпожа Кжена!

Женщина укладывала сына спать и как есть, в одной длинной рубаше, выскочила из спальни с масляной лампадкой в руках. В горнице стоял Ратген. Увидев её, он медленно положил свою котомку на лавку. В этот момент вбежал садовник с длинным ножом в трясущихся руках.

— Успокойтесь, диду, и ступайте спать, — громко проговорила Кжена и выпроводила старого слугу во двор, где у него была тёплая сторожка, в которой он жил.

Женщина закрыла дверь на засов и повернулась к чугайстеру. Он пристально смотрел на неё, все слова, которые он готовил для этой встречи, замерли на губах. Ратген видел перед собой красивую молодую окрепшую женщину, рыжие волосы на её голове были заплетены в три ряда веночком, по обычаю его стаи. К зелёной и красной ленточкам прибавилась ярко-голубая. Кжена усадила усталого путника на лавку, опустила перед ним на колени и медленно сняла с него сапоги. Потом подняла голову и, не таясь, посмотрела в его глаза, и великая радость светилась в её зоре и большое раскаянье. Ратген устало вздохнул, положил свою широкую ладонь ей на голову и погладил по волосам. Кжена взяла его руку и прижалась щекой, руки чугайстера пахли лесом. Женщина поднялась с колен и без слов повела мужчину за собой в спальню.

Ратген вошёл в небольшую комнатку и увидел маленькую деревянную кровать, какую богатые люди делают для своих детей. Кжена подвела его к постельке — там, раскинув руки, спал маленький Кен.

Ратген побледнел и подошёл к кровати ближе. Он пристально вглядывался в лицо ребёнка, в длинные чёрно-белые пряди волос и не мог насмотреться. Неожиданно его сын открыл глазки и посмотрел на чугайстера Его глазами. Необыкновенное счастье отразилось на лице оборотня, он посмотрел на женщину — Кжена кинулась на колени и прижалась губами к его руке.

— Прости меня, прости, я так виновата перед тобой! — разрыдалась она.

Ратген быстро поднял её с колен и прижал к своей груди так сильно, что у неё закружилась голова от радости.

— Я же говорил, что люблю тебя и хочу, чтобы мы всегда были вместе, — ответил он и прижался щекой к её щеке.

Они просидели всю ночь в горнице при свете одной масляной лампы, которую Кжена поставила на стол. Маленький Кенрик крепко спал на руках своего отца, и Ратген не хотел с ним расставаться ни на минуту. Он рассказал Кжене, что когда они не нашли её в пещере, то не стали обыскивать лес. Мать Кена сразу сказала, что Избранная с самого начала не хотела уходить из родного мира и никто не мог её за это осудить. Но Олейгрин не мог оставить стаю до следующей луны. Он нашёл слёзы Великана и всё понял. Вожак взял их с собой и увёл стаю по Лунной Тропе. А Ратген остался и решил найти Кжену во что бы то ни стало. Он догадался расспросить Такивара и понял, что всё-таки Кжена не была круглой сиротой, скорее всего, кто-то жил в деревне, для кого она собирала листья разрыв-травы. Пришлось ему на несколько дней поселиться в Опушке и осторожно всё выведать у селян. Он узнал, что у Кжены в живых осталась двоюродная сестра Василина, что сёстры спешно уехали в город к тётке Ирэне, не то в Пражик, не то в Збышек. Ратген так воодушевился этими известиями, что на радостях «успокоил» упыря Долгожира, потому что местным не хватало мужества вбить ему в грудь осиновый кол. Да и то чугайстеру хватило труда выманить гайдука во двор и там ночью при свете звёзд станцевать танец смерти.

Зима застала Ратгена в дороге, а зиму оборотни переносили с большим трудом — и сила не та, и нюх притупляется, и не побегаешь волком по лесу и пахотным полям, уж слишком хорошо виден волчий след на снегу, а значит, и выследить его будет легко. Пришлось Ратгену наняться в охрану к одному пану — зиму и весну служил, а летом отправился снова в дорогу. Поиски начал в Пражике, обошёл

все улицы, обсмотрел, обнюхал, протягивал волны сердцебиения, но Кжену в этом городе не почуял. Уже и осень подходила к концу, наконец он добрался до Збышека. Первая новость, которую он услышал в ближайшей от дороги харчевне, это то, что госпожа Кжена не чиста помыслами. Пан Вицлав баял на ухо голове города, что, скорее всего, панна Кжена — ведьма и надобно ждать беды. Голова махнула рукой, быть не может, панна Василина, что доводится панне Кжене сестрой, — жена его сына, а на Василину он нарадоваться не мог. Да и беременна она уже, ожидает сына. Руками помахали и забыли, а по городу поползли слухи о страшной болезни, что свирепствует на юге княжества, а ведь сёстры приехали оттуда.

Дальше Ратгену было совсем просто, сначала он отыскал дом тётки Ирэны, потому что дом госпожи Кжены ему показывать боялись. Расспросив тётку, он, не дожидаясь утра, помчался к любимой, и надо же было столкнуться ему на площади с самим паном Вицлавом. Предположение Ратгена, что этот пан вурдалак, подтвердилось, что называется, глаза в глаза. Будет оборотню работа, да и Кжену не мешало бы уговорить совершить свой первый танец...

Они разговаривали, и не хватало слов для того, чтобы выразить все страдания, перенесённые в разлуке, как не хватало умения выразить радость вновь обрётённого счастья. Кжена то плакала, кляня свою трусость за то, что она не доверила все свои мечты о жизни у скал Спящего Великана Ратгену, то смущённо рассказывала о первых шагах сына и его нечеловеческой сообразительности. Чугайстер внимательно слушал, в одной руке укачивал маленького Рикзула, другой рукой держал любимую женщину. Всё, больше она от него никуда не сбежит.

А когда наступило холодное осеннее утро, по городу пронеслась радостная и неожиданная новость. Муж госпожи Кжены гайдук Ратген вернулся с дальних рубежей страны, после войны, здоровый и невредимый.

*Тюменская область,
п. Октябрьское*

Падчерица

1.

Лодка неслась вдоль скалистого берега. Вёсла уверенно разрезали морские волны, разрывая их упругое полотно. Они привычно подчинялись хозяину, и он радостно втягивал в лёгкие солоноватый воздух. Жизнь на земле не выбила из него сновку моряка и пирата — бывшего пирата. Теперь он — Верховный Лорд Дальк, властелин обширных земель Энсена.

Однако усталость дала о себе знать. Заныло в груди, но усмешка исказила обожжённое солнцем и всеми морскими ветрами лицо. Дальк впервые за несколько месяцев, отмахнувшись от груза государственных дел, как мальчишка, удрал с предстоящего совета придворных. Если б можно было ещё и с приёма баронов удрать...

Как вор, он сначала крался по задворкам замка, натягивая капюшон, потом взял на берегу первую попавшуюся лодку и отправился слушать любимое пение чаек и почувствовать мощь морских волн.

Придворные, наверное, с ног сбились, шарят по дворцу и конюшням! А лорд Дальк объявится к вечеру и спросит с них:

— Ну, мудрые мужи королевства, как границы? Все ли родовитые бароны съехались на предстоящий совет? Найдена ли пропавшая три

дня назад принцесса Элоиза, моя любимая падчерица? Не все ли ещё проверены чуланы и закутки?

Весло вывернулось из ладони и больно стукнуло по руке. Дальк ругнулся и ожесточённо ударил по волнам. При одном только имени принцессы глухая злость закипала в груди. Чертовка! Дальк нисколько не сомневался, что её найдут, однако в последнее время она доставляла слишком много хлопот. Да провались она со всеми родовитыми баронами в самую преисподнюю! Он не скоро бы соскучился. А для начала завязал бы их рты узлом и сжёг все гобелены с родовыми древами. Совершенно бесполезный народ.

Ещё будучи пиратом, он с огромным удовольствием грабил их земли. Если бы не Мемна... Над хмурым пейзажем моря представились черты покойной королевы Энсена, они без труда возникли из памяти Далька. На бледном лице огромные синие глаза с томной пеленой, как у лесной горлицы. Тонкий, чуть с горбинкой, нос и пухлые губы, которые он любил целовать. Волосы густые и волнистые, как грива белой кобылицы. Как же ему её не хватало! Прошло несколько лет со дня смерти королевы, а он тосковал по ней, и тоску не могли заглушить ни дела королевства, ни сладкое вино, ни ласки красивых женщин.

Десять лет они прожили душа в душу, в любви и согласии. И только одна печаль омрачала их жизнь — отсутствие наследника. Мемна не смогла родить ему сына. Была, правда, принцесса Элоиза от первого брака — его падчерица, но королевством должен править мужчина, а не сопливая и вздорная девчонка.

Дальк до сих пор не мог понять, что же нашла в нём королева. Каким особым чутьём угадала в пирате верную опору и державную хватку будущего правителя. Она слишком хорошо знала нрав баронов, что надменные гордецы будут думать каждый о своём замке, а ей нужно было сохранить границы королевства и дать народу защиту и справедливый суд. И потом королева была молодой женщиной, ей давно хотелось мужского тепла и ласки, она мечтала о сильных плечах, на которые с радостью возложит нелёгкое бремя правления.

«Зачем ты ушла так скоро? Мне не хватает твоей веры, твоей нежности», — с тоской думал Дальк.

Ему и раньше было нелегко с баронами, а теперь, после болезни и смерти Мемны, совсем спасу нет от их кичливости. При каждом

удобном случае напоминают ему о безродности, тогда как у них по сорок поколений за плечами.

Только Дальк плевал на родовитость и крепкой рукой вот уже три года правил сам, без мудрой помощи королевы. И надо бы жениться снова, нельзя оставлять трон без наследника. Но Дальк не торопился сажать рядом с собой принцессу из чужих краёв. Ещё не известно, сможет ли она родить. Знает он этих принцесс, тощих, как палубная швабра, и гордых, как озёрные цапли!

Было время, бароны предлагали своих дочерей, и он переспал чуть ли не со всеми, но ни одна не понесла от него желанного ребёнка. Теперь в его замке редкая девица, если она не крива и не горбата, не побывала в его постели. Понадобилось какое-то время, чтобы он смирился с мыслью, что бесплоден. Осталась последняя надежда на принцессу Элоизу. Дальк надумал её выдать замуж и от неё дожидаться наследника. Его он воспитает, как родного, и плевать ему на кровь.

Но эта маленькая ведьма заупрямилась. С тех пор как Мемны не стало, в неё словно демон вселился, а ведь была ж и ласкова и покладиста. Между ними даже было что-то вроде дружбы и тайное соглашение против баронов. Теперь же строит заговоры против него. Дознавшись, Дальк запер её в башне. Сбежала! И его шпионы вынуждены прочёсывать всё королевство. Пока ищут, он созвал баронов на совет — обсудить подходящую кандидатуру в женихи. Да где ж «хорошего» жениха найдёшь?!

2.

Тревожные вопли чаек оторвали его от раздумий. Дальк посмотрел на горизонт, там серой лентой надвигались облака — предвестники бури, а он и не заметил, что лодка слишком далеко от берега. Хуже того, течение отнесло её в сторону неприступных скал.

Резко рванул ветер, и волны угрожающе взметнулись на метровую высоту. Дальк быстро развернул лодку и направил её в сторону ближайшего острова. Это был остров «Плачущих чаек». Будучи пиратом, уводя свой корабль от очередной погони, он переживал там

бури в маленькой бухте, среди скал. Если ему не изменяет память, на скалистом возвышении должна стоять рыбацкая хижина.

Он вовремя успел доплыть до острова. Вытащил лодку на песчаную косу, крепко привязал её к деревянному столбу и насторожился. Ветер донёс запахи дыма. Значит, наверху кто-то есть.

Дальк быстро поднялся по скалистой тропе на каменную пропешину. Приблизился к хижине и, уверенно толкнув дверь, шагнул в полусумрак. Мимо него испуганно метнулась женская фигурка и спряталась в углу за камином.

— Выходи, а не то сам достану, — проговорил Дальк привычным голосом хозяина.

— Поклянись, что не тронешь меня, — дрогнула в ответ хриплый женский голос.

— Девчонка, — успокоившись, проворчал лорд, — не больно-то нужна. — Он подошёл к камину и подбросил поленья в потухающий огонь.

Из тёмного угла робко вышла девушка, укутанная до подбородка в плащ с меховым подкладом. Распущенные белёсые волосы не давали разглядеть в полумраке лицо, лишь глаза поблёскивали, с острым и пронзительным взглядом, как у ястреба. Так и есть, девчонка.

Дальк скинул плащ, который успел намочнуть, и повесил его на крюк.

В хижине было прибрано, она выглядела жилой. Тарелки на полках. На столе кувшин, должно быть, с вином и хлеб, прикрытый чистой тряпицей, и другая снедь, какие-то травы и глубокая мисочка с мёдом. На камине горели две свечи. И даже единственное, маленькое окошко, которое раньше затягивалось рыбьим пузырьём, было аккуратно застеклено. В хижине не просто отсиживались, здесь жили.

Девчонка осторожно прошла мимо него и присела за стол на краешек лавки, взяла чашку с питьём.

Он с интересом обернулся. Сидит себе спокойно, руки на коленях, словно не чужой перед ней, а родственник. Должно быть, в складках плаща спрятан стилет. Она не из простых, такая гордая осанка может быть только у знатной леди. Лорд не мог как следует разглядеть её, слишком далеко сидела от камина.

— Как вы думаете, буря продлится до утра? — неожиданно

спросила она, кашлянув в кулачок. Голос у неё был хриловатый от простуды, она часто отпивала от своей чашки, в которой, скорее всего, было травяное питьё на меду.

Дальк глянул в окно. Небо быстро темнело, а море приобретало иссиня-чёрный оттенок. Буря обещала быть нешуточной.

— Скорее всего, — коротко ответил он и снова повернулся к камину.

— Раз так, — вздохнула девушка, и снова кашлянула, — нам придётся вдвоём коротать ночь. Утром за мной приплывёт лодка.

— Кто такая? Чьих кровей будешь? — не особо любезно спросил Дальк.

— Умоляю вас, не спрашивайте имени рода моего, Светлый Лорд! Вы и сами догадались, что я сбежала из дома и прячусь здесь в надежде на спасение.

— Ты знаешь, кто я?

— Кто же не знает своего повелителя.

Дальк снова попытался рассмотреть её. Однако девушка ещё плотнее закуталась в мех плаща и отвернулась. Он не смог вспомнить ни одной из придворных дам или леди, похожих на неё. Но в том, как она сидела, протягивала руку, чтобы черпнуть ложечку мёда, и отпивала из чашки, было что-то неуловимо знакомое.

— Я не помню тебя среди придворных.

— И не могли. Я прибыла из монастыря к отцу лишь месяц назад и не была ещё представлена ко двору Вашей Светлости.

Он подошёл к столу, налил стакан вина и залпом выпил. Вино оказалось отличным. Дальк крякнул от удовольствия и сел за стол.

— Однако твой отец и не торопился, целый месяц...

Девушка потупила глаза, и без того спрятанные за густой паутиной волос.

— Он... он укрывал меня. Он...

— Боялся, что я уложу в свою постель его единственную дочь. Единственная? — несколько грозно спросил он.

Девушка поникла, но кивнула.

— Странно, в своё время все бароны только и делали, что укладывали своих дочерей на моё ложе, — усмехнулся лорд.

— У них не было выбора, — тихо прошептала она.

— Что?! — чуть не крикнул Дальк и подскочил. — Это у них-то не было выбора?! Уж я-то точно не просил их об этом!

Вспыльчивый лорд какое-то время метался по хижине, но вскоре успокоился и снова подошёл к камину.

— Не было выбора... Это у меня не было этого чёртова выбора, — почти прошептал он. И сжавшаяся в комок от испуга девушка вдруг встрепенулась и внимательно посмотрела на него, отведя волосы с глаз.

— Тогда почему? Ой, простите... я не должна спрашивать, — она испугалась своей вольности и зажала губы руками.

Дальк устало посмотрел на неё.

— Я должен был быть уверен, а, впрочем, какая теперь разница. Ни одна из этих заносчивых девиц не достойна быть королевой.

Девушка замялась, что-то хотела сказать, но с видимым усилием сдержалась. Дальк это позабавило. Он потрогал рубаху и, убедившись в том, что она просохла, решил прилечь на лежанку. Уж очень ему захотелось попутать девчонку развязными манерами. Сколько ей лет: шестнадцать? восемнадцать? Элоиза, чтобы выглядеть старше, накладывала на лицо тройной слой пудры и делала высокие причёски на голове. Один раз он в присутствии придворных пошутил, сказав, что незачем строить в Энсене ещё одну сторожевую башню. Она есть на голове принцессы Элоизы. После этого принцесса целый месяц с ним не разговаривала.

Попутать девочку не удалось. Едва он присел, как тут же подскочил, словно ужаленный. Оказывается, в складках покрывала лежала брошка — золотая роза. Как живая, она выставила сияющие колючки.

— Какого дьявола! — заорал Дальк. — Откуда здесь эта гадость?!

Девушка подбежала к нему и забрала брошку.

— Чего вы так орёте, это всего лишь украшение, оно такое красивое и хрупкое, а вы уселись... Великие боги, да вы чуть не сломали её! — Девушка стояла с помятой брошкой в ладонях и готова была расплакаться. Но тут её плечо сдавила железная длань.

— Это брошка моей падчерицы. Так кто, говоришь, за тобой приплывёт утром?

3.

Несколько секунд девушка о чём-то думала, а потом рухнула перед ним на колени.

— Не губите, молю вас. Мы были подругами. Я люблю её розы, которые она сама выращивает в саду, они такие красивые. Эта брошка — её подарок! Память о розах. Я знаю, что она сбежала, но не знаю куда. Правда! Я жду, когда приплывёт моя кормилица со слугой, чтобы вернуться в монастырь. — Она опутала его ноги своими руками с такой силой, что он покачнулся. — О, молю вас, Светлый Лорд, не выдавайте меня отцу. Не губите!

Дальк, не любивший женских слёз, поднял её с колен и встряхнул.

— Кто твой отец?

— Барон Дельтан, — ответила она, пряча лицо в ладонях.

Пришлось ему усадить её на ложе.

— Барон Дельтан? — переспросил он.

Девушка кивнула.

— Насколько я знаю, у него есть сын Седрик, а о дочери никто и не слыхивал.

Девушка всхлипнула:

— Я незаконнорождённая. Отец не хотел, чтобы об этом узнали. Его жена, леди Сибилла, при жизни была женщиной строгой... Когда она умерла месяц назад, отец решил меня вызвать из монастыря. Но я далека от придворной жизни и хочу вернуться обратно.

— И где принцесса Элоиза, ты не знаешь?

Девушка сжалась в комок и зашлась в приступе кашля, но Дальк навис над ней, как скала.

— Нет. Мы встретились в саду, я похвалила её розы. Мы подружились. Принцесса мало с кем разговаривала, а со мной чувствовала себя легко. Я открыла ей своё тайное желание вернуться в монастырь. Она тогда сказала, что тоже не задержится и сбежит от ненавистного брака, который вы ей навязываете.

Дальк ругнулся.

— А что принцесса ещё говорила?

Девушка сощурилась:

— Хм... что вы незаслуженно травите баронов.

— Что?! Незаслуженно! — тут Дальк взорвался. Его гнев не знал, на что излиться. Под руки попала скамья, она незамедлительно полетела в камин и, ударившись об угол, разлетелась на куски. Полетела и кружка с недопитым вином. Девушка взвизгнула и кинулась на дальний край лежанки.

— Вот теперь я понимаю, почему вас все боятся, — пробормотала она, нервно закутываясь в плащ.

— Когда с моря насадала шайка «Чёрного осьминога», ни один из них не предложил свою помощь. Всё пришлось делать самому. Они думали — раз я бывший пират, то могу легко договориться со своими давними друзьями. Когда колдуны с островов наслали красную чуму, я опустошил казну, чтобы народ Энсена не вымер. А бароны отсиживались в своих замках и не хотели делиться родовыми сокровищами. Когда с юга нагрянула орда кочевников, ни один из баронов не поднял плешивый зад, чтобы удержать границы.

Девушка, внимательно слушая обвинительную тираду, вдруг покраснела.

— А что, бывают, кхм... зады не плешивые? — вдруг пискнула она.

Дальк усмехнулся, он вспомнил, что перед ним не женщина, а всего лишь девчонка, которая навряд ли способна понять, как нелегко Верховному Лорду жить в постоянном опасении предательства и заговора.

— Бывают... почему ты хочешь вернуться в монастырь? — спросил он, успокоившись окончательно.

Девушка нахохлилась, но ответила:

— Лучше стены монастыря, чем ненавистное замужество. Я хочу снова вернуться в его сады и библиотеку.

— А-а... — потянул лорд. Он был далёк от этих глупостей.

Девушка о чём-то глубоко задумалась. Дальку пришлось сесть на лежанку, досадуя на разбитую скамью. Прислушиваясь к завыванию ветра за стеной, он смотрел в пылающий камин и желал только одного: чтобы эта ночь поскорее прошла.

— Вы о чём-нибудь мечтаете? — вдруг спросила девушка.

— Что? — не понял Дальк, озадаченный нелепым вопросом.

— О, Великие Боги! У вас всё есть: Вы Верховный Лорд Энсена, государство не бедствует, границы надёжно охраняются. Бароны вас



боятся и соседи тоже. Но вы мечтаете о чём-нибудь, хм, кроме как найти принцессу Элоизу. Вам чего-нибудь не хватает?

Дальк растерянно колебался.

— Я никому не скажу, — заверила его девушка, для пущей убедительности она дотронулась до его руки, — правда-правда!

Это прикосновение Далька разозлило, он раздражённо поднялся и подошёл к камину.

— Моя мечта такова, что о ней знают все, а если не знают, то догадываются. Королева Мемна не осчастливила меня сыном, а посему принцесса Элоиза, выйдя замуж, подарит королевству наследника. Плевал я на кровь и разговоры, — голос Далька смягчился и стал неожиданно нежным. — Пусть только родит мне мальчугана, я всё ей прошу и буду потакать всем её капризам. Я воспитаю его настоящим, сильным, мужественным лордом, будущим властелином Энсена. Я посажу его в седло, и мы вместе будем объезжать границы. Я дам ему меч и научу вести корабль. Он обязательно полюбит море...

— Вы хотите выдать замуж принцессу ради наследника?! Вы мечтаете о сыне! Великие Боги, я не знала об этом, не знала. — Потрясённая услышанным, девушка прижала ладони к щекам. Но на

этом её догадки не остановились. — Так вы из-за этого перепортили чуть ли не всех девушек королевства. Вы надеялись, что одна из них подарит вам сына?!

Дальк, пристально наблюдавший за ходом её мыслей, развёл руками:

— Почему же перепортил?

Девушка рассердилась и зло спросила охрипшим голосом:

— А что, вы любили королеву Мемну?

Грозный взгляд карих глаз заставил её побледнеть.

— Любил! — не менее зло выкрикнул он. — Ни одна женщина не могла сравниться с ней, а уж я их повидал.

— Ну да, конечно, на всё королевство прославились своей неутомимостью в разврате! — Последнее слово девушки прозвучало хлестко, как удар бича, словно она излила застарелую обиду.

Дальк вздрогнул, и рука на камине сжалась, хрустнув костяшками пальцев. Глаза радостно блеснули. Но он тут же взял себя в руки и наигранно лениво произнёс:

— Сплетен наслушалась. Неужели обо мне гремит такая слава? — он усмехнулся.

Девушка недовольно фыркнула:

— Да почти все служанки во дворце, все девицы от дворовых до благородных судачат об этом, перешёптываются по углам. Не Верховный Лорд, а дворовый кобель какой-то!

Дальк одним прыжком преодолел расстояние между ними и придавил девушку к ложу.

— Попалась птичка в клетку. Я узнал тебя, Элоиза! Всё, никуда больше не сбежишь.

Она застонала, поняв, что разоблачена самым обидным образом. Зачем она проболталась, ведь она сама на последнем совете при всём дворе назвала его Лордом-кобелём. Такое не забывается.

— Ты не посмеешь выдать меня против моей воли! — выкрикнула Элоиза.

Дальк попытался скрутить ей руки и искал, чем их связать.

— Ты выйдешь замуж за того, кто окажется более достойным. Не вздумай мне перечить. Всё равно будет так, как я решил.

— Нет! — Девушка рванулась изо всех сил и освободилась, оставив в руках лорда свой меховой плащ. Он пытался перехватить её, но не успел, она выскочила из хижины в самую бурю.

4.

На острове скалы плавно соединялись в одну вершину, острые уступы и разломы нависали над морской пучиной. Дальк помнил, что на вершине есть небольшая площадка-срез, от удара молнии. Дальше этого среза ничего, лишь морская бездна. И Элоизу понесло именно туда. Он побежал вверх по склону скалы за падчерицей и ругался так, что покраснели бы и бывалые пираты.

«Только б не сорвалась! — молил про себя он и тянулся поймать её за ногу. Но девчонка оказалась проворной. — И где только так лазить научилась, не во дворцовом же саду. Дерево не скала, равно весию не научит».

А буря крепчала. Ветер нещадно хлестал по скале, норовя оторвать два гибких тела. Солёные брызги били в глаза.

Наконец Элоиза вылезла на последний уступ и, прижавшись к скале, глянула в морскую пучину.

— Не делай этого! — закричал Дальк, вцепившись в камни.

— Лучше смерть! — Её глаза бешено и одновременно обречённо горели неистовым огнём.

— Ну хорошо! Хорошо! Я оставляю за тобой право выбора.

— Что? — Лойз прикрыла глаза рукой, ветер доносил до вершины морские брызги.

— Ты сама выберешь себе жениха! — снова закричал Дальк, незаметно подтягиваясь на уступ.

— Что? — не расслышала она, буря громыхала раскатами грозы.

— Ты сама выберешь себе жениха! — ещё раз крикнул он и подобрался к ней совсем близко.

— Да?

— Да! Даю слово! А своё слово, как ты знаешь, я держу!

— Даже если я выберу ТЕБЯ?!

Если бы в скалу ударил целый пучок молний, это не ошеломило бы лорда так, как эти слова. Он удивлённо замер, а Элоиза позволила себе разрыдаться.

И тут очередной удар ветра был так силен, что девушка не удер-

жалаась и сорвалась. Дальк рванулся к ней и успел схватить её за шиворот. Собрав все свои силы, он втянул девушку на уступ и прижал к себе.

Перепуганная принцесса сама обняла его и уткнулась в грудь, дав волю слезам. Но Дальку было не до слёз. Стянув с неё пояс, он крепко привязал её к себе и стал спускаться.

Несколько раз ветру почти удавалось снести их в морскую бездну. Но упрямый Дальк вжимался в скалу и медленно полз вниз. Обхватив его руками, девушка всхлипывала и тряслась, то ли от холода, то ли от пережитого страха. Зная её нрав, Дальк решил, что от холода, и почти успокоился.

Всю обратную дорогу он молчал, обдумывая услышанное. Элоиза в его мысли не встревала. Добравшись наконец-то до тёплой хижины и прикрыв за собой плотно дверь, лорд без лишних разговоров содрал с принцессы мокрую одежду и укутал её в меховой плащ. Она протестуяще что-то пищала, а Дальк думал о том, что не мешало бы её как следует согреть. Простуда и «прогулка» на скалу в такую бурю не могли предвещать ничего хорошего, а отменным здоровьем его падчерица похвастать не могла.

Он заставил её выпить кружку вина и усадил на лежанку поближе к камину. Сам разделся по пояс и тоже выпил, опустошив кувшин. Укутанная принцесса сидела на рыбацком ложе и настороженно наблюдала за переживаниями Далька.

— Зачем тебе это? Я стар, ты меня терпеть не можешь, ну а что за жизнь... — наконец проговорил он, приблизившись к камину.

— Ты считаешь, что с каким-нибудь принцем я буду счастливее? — тихо отозвалась Элоиза.

— Принц есть принц! Мы найдём молодого, красивого, чёт с ней, с выгодой! Главное, чтобы он считался с интересами Энсена, — пытался он её убедить.

— Я не знаю никого лучше тебя. Ты такой красивый, сильный и мужественный, ты просто не знаешь об этом, — проговорила она, всхлипнула и раскашлялась.

Дальк почему-то смутился. Это он-то, бывший пират, и красивый. Лорд упрямо тряхнул головой, подошёл к ней и нежно сжал в своих ладонях её руки с ободранными пальцами.

— Элоиза, мне нужен наследник, понимаешь?! А у меня... Я бесплоден. — Последние слова дались ему с трудом.

Девушка прижалась к его ладоням щекой.

— Ты не бесплоден... ты...

— Девочка моя, не надо, — быстро заговорил он, — ни одна из служанок и девиц не забеременела. Я испробовал всё возможное: травы и зелья, женщин, девственников! — Он поднялся и снова подошёл к камину. Принцесса поёжилась, словно он унёс с собой единственное тепло, которым она могла по-настоящему согреться.

— Ты не бесплоден. На тебе заклать, — твёрдо проговорила она.

— Что? — Дальк резко обернулся.

Элоиза вдруг испугалась.

— Вспомни, перед смертью мать призвала меня к себе. Она так сильно любила тебя, что заклала. Она наложила на тебя чары, а рассказать об этом и объяснить тебе не успела. Мать сказала, что ты сможешь иметь детей, но только от меня... чтобы род не оборвался, наш род! Она ведь была немного колдуньей, — девушка потупила глаза, — мать знала, что я тебя...

— Любила! — выдохнул Дальк. Девушка кивнула, еле сдерживая рыдания. — Так вот почему ты так ненавидела всех женщин при дворе. Ты любишь меня! — Поздняя догадка объясняла многое. И где были его глаза?!

Принцесса всё-таки всхлипнула и быстро заговорила:

— Ещё девчонкой я сходила по тебе с ума и ревновала даже к матери. Плевала я на Энсен и баронов, я хочу быть с тобой. Я нарожаю тебе кучу детей, хочешь троих, нет десятерых маленьких пиратов и ещё одну маленькую разбойницу, может быть, тогда ты сможешь меня полюбить. — Слёзы посыпались градом.

Дальк бережно обнял её, смахивая слёзы с побледневшего лица. Только б она не разболелась после холодной ночи. И откуда только нежность взялась!

— Великие Боги! Ты такая хрупкая, я боюсь тебя сломать, — шептал он ей и гладил по обнажённой спине, осторожно укладывая на ложе.

— Ты не бойся, я крепкая, я один раз упала с верхушки дерева на... хм, и ничего, только месяц было больно сидеть. Но это ничего, это... — лепетала принцесса, пока не провалилась в жаркий омут его рук и поцелуев.

5.

Они лежали под меховым плащом умиротворённые. Элоиза тихонько прижималась к ещё разгорячённому телу Далька и купала ладонь в кучерявых волосах на его груди. Лорд крепко обнимал её, а она старалась не шевелиться. Всё-таки невинность потерять — не розу срезать.

— Смотри, буря прошла! — прошептала принцесса и кивнула в сторону посветлевшего окна.

— Да, буря прошла, — откликнулся Дальк. Только он совсем другой смысл вкладывал в эти слова.

...А ещё Дальк думал о том, как ахнут бароны, когда он назовёт Элоизу своей ЖЕНОЙ!

*Тюменская область,
п. Октябрьское*



СРЯЗЫ

Горбатый мальчик

1.

Алексей шёл по знакомому лесу и собирал поздние сморчки. Ласково светило солнце. Щебетали птицы, тархтел дятел. Изредка под слабым ветром скрипели высокие ели, шелестели листья.

Весна в этом году наступила рано, быстро растопив рыхлые снега Подмосковья. И хотя всё вокруг зеленело, цвело и благоухало, на душе у Алексея было сумрачно. Вчера произошло то, что он избегал многие годы. Он переспал со Светкой. Ведь давно уже не мальчик, да и она не прекрасная фея. До постели у них дело никогда не доходило, хотя знакомы были лет двадцать, а уж сколько водки вместе выпили.

Глаза нашли очередной гриб, и Алексей присел осмотреться. Если найдёшь один сморчок, значит, напал на целую поляну. Так и есть: из влажного ковра опавшей листвы торчало ещё пять грибов. Он аккуратно отломил их у корня, положил в корзинку и удовлетворённо почесал волосатую грудь через футболку. Ноги привычно понесли дальше по едва приметным тропам. Алексей радостно отметил, что совсем скоро расцветут ландыши, а пока кислица белела крупными каплями в зелени нежных треугольных листьев.

... И надо же было так нажраться вчера, что он, постыдно размякнув, позволил желанию овладеть им. То есть это Светка им овладела наконец-то, узнав, какой он расчудесный любовник. Алексей сплюнул и закурил. На душе было погано. Со Светкой выпивать хорошо, веселиться, тратить её деньги, но сексовать... Едва продрав глаза поутру и увидев рядом посеревшее от разгула лицо Светки, осознав весь кошмар прошедшей ночи, он пугай вылетел из её квартиры. А через пару часов, после того как накормил и выгулял собаку, выслушал «вампирическое» ворчание матери, поехал в Купавну разгонять грусть-тоску. Алексей всегда так делал после продолжительного запоя. Лес очищал и тело и душу. Вытраивались неприятные мысли, а иногда нет-нет да и мелькали строки будущего стиха.

Ноги вывели на открытое место. Ранней весной снега таяли, и вода ручьями стекала со склонов, собираясь в большую лесную лужу. Она высохла и превратилась в поляну. Из влажной земли торчали кочки, из них тянула стебли осока. Редкими кустами по краю поляны цвела купальница. Прямо напротив Алексея рос один из этих кустов. Роскошные жёлтые цветки раскрыли свои бутоны навстречу солнечным лучам. Рискнув промочить ноги, он подошёл ближе, и ладонь осторожно прикоснулась к цветкам. Это движение вызвало в нём смутное воспоминание.

Ровно год назад, только не здесь, а где-то за Балашихой, он так же бродил по лесу и собирал поздние сморчки. Но не в пример этому дню Алексей был счастлив. Он был не один. С ним была она... Ольга, Олюшка, Оленёнок, просто Оль. Они так же вдвоём набрали на полянку и вместе восхищались купальницей. Он нарвал целый букет и привёз домой. Цветы долго не вяли и очень нравились ему. Ольга после этого повадилась дарить ему жёлтые цветы, думая, что это его любимый цвет.

Алексей постоял какое-то время, цветы рвать не стал, вернулся в лес. В груди от нахлынувшего чувства неприятно саднило сердце.

— Алёшка-поварёшка, ты только посмотри, какой образец ядовитости я нашёл!

Он резко обернулся. Никого! Зелёная чаща мирно шелестела, поскрипывая стволами деревьев. Однако голос Ольги прозвучал так чётко, со всеми свойственными только ему интонациями, словно она была рядом... с ним бродила по лесу.

Алексей потёр виски и пошёл дальше, но уже к станции. Всё, хватит на сегодня грибов. Он не верил ни в бога, ни в чёрта, хотя в его жизни немало происходило вещей, которые запросто можно было отнести к разряду аномальных. И всё же... То ли память обрастала паутиной, то ли его врождённый скептицизм и ирония насмешничали над пытливым сознанием, в общем, он переставал верить в то, что реально происходило в его жизни. Многое казалось просто сном.

Однако голос Ольги! На момент их знакомства Ольга плохо разбиралась в грибах. Это только потом, натаскавшись с ним в подмосковных лесах и болотах, научилась отличать маслёнок от сыроежки, а рядовку от маховика. А тогда, в те первые благословенные дни их любви, она находила что-то незнакомое и с радостным воплем: «Алёшка, посмотри!» — неслась к нему через кочки. Тогда она тоже спутала козла с белой поганкой. Алёшка долго усмехался потом: «Образец ядовитости!» И ещё больше веселился, когда она лопала хорошо обжаренные грибы и заявляла: «До чего же вкусные эти поганки. У себя на родине, кроме шампиньонов, коровников и груздей, я ничего не собирала».

Вспомнил, и как-то теплее стало на душе, разжались тиски на сердце. Но почему её нет рядом? Вот была же, с грибом подбегала, и нет... Алексей тряхнул головой. К чёрту всё. Ольги нет. Она ушла от него полгода назад и теперь живёт в своём Богом забытом городе где-то на другом конце света. Омск! Даже произнести смешно. Вот Москва, это да, звучит гордо.

Он застегнул куртку, поправил лямку корзины на плече и пошёл дальше. Вскоре наткнулся на целую поляну сморчков. Уже собрался ломать их.

— Ты их лучше не собирай, — откуда-то сверху прозвучал скрипучий простуженный голос.

Алексей чуть не подпрыгнул от неожиданности. Задрал голову и увидел на дереве грязного оборванца лет десяти-двенадцати. И как он только туда забрался, почти два метра голого ствола, без единого сучка и зацепки. Однако пацан даже не сидел, а возлежал на ветке дерева, подперев голову рукой, и грыз яблоко.

— Почему?! — выдавил из себя Алексей.

Подросток, усмехаясь, ответил:

— А я на них написал! — огрызок яблока полетел в траву.

Алексей задумался, сморчки очень хорошо впитывают влагу. Ну и хрен с ними! В это время пацан ловко соскочил с дерева и пошёл по

тропе в сторону станции. Тут Алексея ждал ещё один сюрприз. Этот мальчик, что нагнал на него страху, помимо того, что был ужасно грязен и ободран, он ко всему ещё был и горбат. Широкая куртка с чужого плеча, как, впрочем, и всё остальное, неприятно оттопыривалась на спине, дотягиваясь едва не до затылка взлохмаченной головы.

Тот обернулся и посмотрел на него. Взгляд серо-зелёных глаз упёрся в его лицо. Алексею даже почудилось, будто это не мальчик смотрит на него со стороны, а он сам.

Алексей снова мотнул головой, скоро от этих мотаний у него шея заболит. Сначала голос Ольги, теперь взгляд чужими глазами на себя самого, не много ли на сегодняшний день?!

— Чего уставился, пошли, что ли, — проскрипел малец и пошёл впереди.

— Ты откуда взялся? — спросил Алексей, закуривая сигарету.

— Если скажу, что я твоя Совесть собственной персоной, ты же мне не поверишь? — откликнулся мальчик.

— Конечно, нет, — ответил Алексей. Где это видано, чтобы горбатая совесть разгуливала в человеческом облике. Это только в Олькиных сказках могло быть. Правда, он ни одну из них так и не прочёл.

— Как тебя зовут? — снова спросил он.

— Горбик, — ответил мальчик и усмехнулся, словно все Алёшкины мысли прочёл.

Так они дошли вдвоём до станции. Там Горбик махнул ему рукой на прощание и исчез в близрастущих кустах.

2.

Суббота. Наконец-то она наступила. Всю прошедшую неделю мечтал устроить себе пикник. И вот он шёл, углубляясь в парк. Впереди бежал его пёс Бой. Руку приятно оттягивала сумка с решёткой и двумя скобами для шашлыка, там же лежал пакетик с кусочками свинины, банка салата, хлеб с салом и пучок зелени. Уже сейчас вся эта пахучая снедь вызывала притоки слюны во рту.

Чуя сладкий запах, подбегал пёс с надеждой, что хозяин даст что-нибудь вкусное и хрустящее.

Они вынырнули из густой чащи к пруду, и Алексей замер.

Горбик стоял на железобетонной плите и смачно плевал в пруд, созерцая круги на воде. За неделю он ничуть не изменился, был такой же грязный и взлохмаченный. Алексей почему-то не удивился, когда увидел его. Словно ждал. Бой подбежал к мальчику, обнюхал и признал в нём своего.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Алексей.

Горбик зло посмотрел на него, и Алексею снова показалось, что он смотрит на себя со стороны.

— Тебя жду.

— Н-да... Ну тогда пошли.

И они побрели вместе. Пёс впереди, Горбик чуть позади. Но вот странность — до встречи с мальчиком Алексей слышал обычную симфонию парка: пение птиц, шелест ветра в кронах, даже хруст веток под ногами. Теперь же непривычная тишина давила на ушные перепонки, как будто кто-то отключил звук.

Он нашёл пустынную поляну, быстро разжёл костёр, насадил мясо на шампуры, разложил снедь на газетной бумаге. Горбик сел на землю, взял бутерброд с салом и без видимого удовольствия стал жевать.

Алексей усмехнулся и сказал:

— Ну рассказывай, откуда ты взялся на мою голову.

Горбик пожал плечами:

— Я уже говорил тебе. Я — твоя Совесть! Люди нас по-разному называют: Ангелы-Хранители, Подсознание, Внутренний голос, иногда Душа. Но я твоя Совесть и Гений.

Алексей слушал его, но как-то отвлечённо. Как будто он был заодно с неестественной тишиной природы. Подумаешь, Ангел! Эка невидаль — гений! Да мало ли, что придёт в голову маленькому бродяге.

— Н-да! Что-то я не слышал, чтобы ангелы сало с хлебом лопали.

Горбик, ничуть не смущаясь, взял ещё один бутерброд.

— Приходится лопать. Я хочу, чтобы ты видел и слышал меня, а это помогает визуализации.

— Хм, ладно. Почему же ты такой грязный? Или ангелы не умываются по утрам и вечерам?

Горбик подскочил, как ужаленный. Недоеденный кусок полетел в кусты.

— Это не моя грязь. Это твоя грязь. И водой она не смывается!

Мальчик топнул ногой и собрался уходить. Но, к немалому удивлению Алексея, пёс схватил Горбика за полу куртки и потащил обрат-

но, слезливо скупа и упираясь. Вспышка гнева быстро прошла, мальчик снова присел на корточки.

— Послушай, — заговорил он, — я не шучу. А чтобы ты уверовал, сейчас я сделаю так, что ничего не будет.

Алексей хотел возразить, но так и застыл с открытым ртом. Мир вокруг померк. Чернильная темнота заполнила всё. Не было ни парка, ни неба, ни даже земли под ногами. Они словно зависли в темноте.

Алексей в испуге посмотрел на Горбика, тот ковырял веточкой в костре, рождая облако искр. Посмотрел на пса: тот спокойно лежал, изредка поглядывая на него. И темнота... Вихрем пронеслись какие-то нелепые мысли о том, что так не бывает, что неделю не пил, а значит, до «белой горячки» далеко. И ещё, если это его Смерть, то он не хочет так умирать. Всё что угодно, но только не это чёрное «ничто», при полном сознании.

Горбик по-взрослому ухмыльнулся:

— Нет. Это ещё не Смерть. Ну что, Алексей, поговорим о Душе?!

— Верни... верни всё назад, — прохрипел Лёшка, ему вдруг стало трудно дышать.

Мальчик кивнул, и темнота исчезла, даже звуки вернулись. На костре зашипел шашлык.

— Я слушаю тебя, — проговорил Алексей, немного успокоившись.

— Если б ты был такой, как все, обычный обыватель, с обычными запросами, я бы не явил себя твоему взору. Но ты с рождения наделён Даром Поэзии, а значит, твоя душа сплетена с особым Светом — это Свет Гения, то есть меня. Когда Душа соединяется со Светом Гения, человек обретает Дар — умение Творить на Земле, как творит Бог за пределами нашего понимания. Уходит Гений, исчезает дар.

— Значит, ты — мой гений Поэзии?! — Алексей пытался разобраться.

— Да. Но не просто поэзии. Я Гений твоего поколения, твоего времени. Ты сам замечал, что твои стихи выделяются среди прочих. Кто-то подражает классикам, кто-то изобретает новую форму стиха, но у него ничего не получается. А у тебя получилось, ты нашёл свой оригинальный стиль, он может сделать тебя бессмертным. Ты дитя этого времени.

— Ух ты! Ничего себе.

В сущности, Алексей никогда серьёзно не относился к своим стихам. Это было что-то вроде досуга от нечего делать. Но раз уж сам ге-

ний снизошёл до беседы, он обязательно станет более ответственным.

Успокоившись, Алёша протянул Горбику шампур готового мяса с банкой салата. Однако мальчик всё это отложил и спросил его:

— Как ты думаешь, где сосредоточение души в физическом теле?

Алексей чуть не поперхнулся. Попытался вспомнить всё, что когда-то читал в книжках по эзотерике, и не мог. Блаватскую он на дух не переносил, к религиозным движениям относился с презрением и иронией. У Ольки какие-то книжки стояли. Он взял как-то одну, кажется «Записки живого усопшего», но не дочитал. Решил, что книжка рассчитана на сопливых, впечатлительных барышень.

— Ну, в голове, наверное.

— Не угадал. В сердце.

Алексей пожал плечами. В сердце, так в сердце, хорошо хоть не ниже пояса.

— Мир души, — продолжал Горбик, — отличается от мира материального. Там всё построено на образах. Хочешь посмотреть на образ своей души?

Нет, Лёшка не хотел. Но всё вокруг снова померкло. Он летел в темноте куда-то вперёд, к маленькому пятну света, даже не света, к бледному мерцанию. Казалось, он летит уже вечность, но никак не может приблизиться. Какой-то странный звук раздражал слух. И вдруг тоска... смертельная тоска ледяной иглой пронзила сердце. В реальном мире он избегал её всеми возможными способами: вытравливал алкоголем, заглушал природой. Но тоска, уйдя в тёмные уголки его души, возникала вновь. И давила!... давила неудовлетворённостью в жизни, глодала обидой на весь мир и бичевала ранимое самлюбие, которое у Лёшки было ох как велико!

Боль сдавила виски, он наконец-то разобрался, что так терзало его слух. Это был нескончаемый стон, переходящий в вопль. Чьё-то стенание сводило с ума. С размаху Лёшка обо что-то ударился и упал. Поднялся и разлепил глаза. Рука натолкнулась на что-то твёрдое и тут же отдёргнулась... колючки, много острых колючек.

Он чуть отошёл и замер. Перед ним высотой в два метра стояла клетка, опутанная колючей проволокой. А внутри на стеклянных осколках лежала связанная птица. Она-то и пульсировала зыбким светом. Но, кроме неё, было что-то ещё. Что-то билось о прутья клетки и не могло освободиться. И этот стон — душераздирающий, разрывающий на части, нескончаемый вопль!

Алексей упал на колени и зажал уши.
— Останови, убери... — кричал он. — Убери это!
...Горячий язык Боя умывал лицо, слизывая градом текущие слёзы. Пёс жалобно скулил и пытался заглянуть в его глаза. Алексей обнял его и затих. Такую боль он не переживал никогда.

— Я не понимаю... не понимаю, что это, — всхлипывал он.

Словно издалека прозвучал скрипучий голос Горбика:

— Алексей, ты поэт, ты должен был сразу понять эти образы: клетка с иглами — это твой ум, связанная птица — чувства твоего сердца, а то, что ты не видишь, то, что бьётся о прутья клетки и жаждет свободы, — это я, слышишь — Я! А теперь посмотри, какой была твоя душа, когда ты любил и Она была рядом.

...Синие струи перемежались с алыми. Они, как волны, накатывали друг на друга, рождая искры переливчатого жемчуга.

Стояла небольшая беседка из живых роз самых разнообразных оттенков от белых до пунцово-алых. На макушке беседки, распустив крылья, сидела диковинная птица, и это с её крыльев стекали струи. И мнилось звучание слов... — это звучали его лучшие стихи.

Он заглянул в беседку и увидел мальчика лет 10–12 в синих одеждах, сидящего за столом. Мальчик смеялся и... кормил взлохмаченного червячка кусочками яблока. Алексей узнал Горбика, но зачем тут червячок? Смешно. И вдруг чётко прозвучали два голоса, его и Ольки:

— На что похоже твоё сердце?

— Моё сердце — это маленький червячок, которого я берегу от хищных птиц.

— Что ещё за хищные птицы?

— Женщины!

— Лёшка-поварёшка, но я ведь не хищница. Я люблю тебя, и... я буду беречь твоего червячка.

— Посмотрим...

Он снова сидел в парке, обняв собаку. А мальчик смотрел на потухающий костёр:

— Вольно и невольно отказавшись от Любви, ты предал собственное сердце. Теперь понимаешь, почему я говорю с тобой?!

3.

Дождь стучал по крыше автобусной остановки. Вечерело. Алёшка лежал на лавке и тупо смотрел на потухающие небеса.

Мир сошёл с ума, раз совесть в человеческом облике расхаживает по свету и треплет нервы хозяину. Два дня он крепился после последней встречи с Горбиком. Два дня вопль пленённого Гения буравил виски, и ничто не могло его заглушить. Ни работа, ни музыка. Теперь вот и водка не помогла. Он смотрел на рождение звёзд в небе и в пьяном угаре силился понять: «Разве так бывает, чтобы человек сам связывал своё сердце и запирали в клетку?».

...Это клетка ума. Сердце без ума слишком слезливо, ум без сердца слишком холоден. Душа должна найти золотую середину, гармонию. Душе помогает Любовь... — шептал чей-то мягкий голос.

Любовь... Алексей любил и не один раз. Но любимые женщины уходили от него, от некоторых уходил он сам.

Боль сдавливала грудную клетку, заставляя сердце трепыхаться где-то возле горла. Раньше Алексей не боялся смерти. Всё хотел сесть на мотоцикл, разогнаться да со всей дури о бетонную стену. Он не задумывался над тем, что будет после, когда его расплющит, как насекомое. Теперь страх ледяными нитями стягивал тело. Он заглянул за грань реальности. Он знает, что смерть на самом деле не финал для сознания. Мозги не отключаются, душа не уснёт до Судного дня. И всё из-за Совести. Чёртов гений!

Грязное лицо Горбика замаячило в тусклом свете фонарей. Ну вот, накликал.

Мальчик сокрушённо покачал головой, горестно вздохнул и стал его поднимать. До дома не так уж и далеко. Дотащит.

Уже в квартире Горбик терпеливо стянул с его ног туфли. Аккуратно расстегнул запылённую рубашку и снял. Алексей в это время разглядывал правую руку. Царапины от колючек не хотели заживать и иногда кровоточили. Он всё твердил про себя: «Так не бывает, так не бывает!».

— Бывает. Когда терпеть нет уж мочи, — тихо проговорил мальчик и уложил его на кровать. — Ты сильно согрешил, Алёша. Ты против себя пошёл, ты сердце предал.

Алексей лежал и отрешённо слушал. У ног примостился пёс и тихо поскуливал. Рядом присел Горбик, от его головы исходило лёгкое свечение, как от свечки. Дождь прошёл. За открытым окном ночь вздыхала порывами ветра.

В чём же он согрешил? Что же он — непризнанный талантливый поэт — сделал такого, что мир наперекор всему обернулся к нему другой стороной бытия? Горбик положил холодную ладонь на его разгорячённый лоб.

— Нет, надо было напиться до белой горячки, — подумал Лёшка, — тогда всё было бы естественно.

В голове крутанулся вихрь, и... он сидит в библиотеке, в зале студии. Сидит и боится шелохнуться.

Молоденькая девчонка с грустными глазами положила голову на спинку кресла и одновременно на его плечо. Отчего стало так тепло, что он боялся спугнуть эту птаху. Птаху звали Ольгой. Он сразу прозвал её Оленёнком. Она всегда радовалась его приходу и хвалила стихи. Он не слушал, что читали, о чём говорили. Затаив дыхание, он впитывал её тепло. Вздрагивал, когда она вскакивала, о чём-то споря, и радостно втягивал воздух, когда она снова садилась, утыкаясь лбом в его спину.

Невинная, незаметная для других ласка растопила лёд в душе. Внутри всё ликующе пело: «Неужели пришёл конец двухлетнему одиночеству?!».

— Да, ты долго просил небеса даровать тебе настоящую любовь. И что ты сделал с этим даром?! — снова тихо прошептал Горбик.

Лёшка расплакался. Слёзы упрямо лезли из глаз и ранили самолюбие. Он уткнулся в грязные колени Совести и не стал сдерживаться. Горбик гладил его по голове и твердил как заклинание:

— Главное, чтобы ты понял, по-настоящему понял свою ошибку.

Лёшка слушал, плакал навзрыд и снова вспоминал...

Алексей перегонял машину из Москвы в Уфу на ремонт. Жил в посёлке несколько дней. Случай привёл его на кладбище. Там он наткнулся на свежую могилу погибшего в автокатастрофе мальчика лет шести. Алексей прошёл бы мимо, если б не маленький водяной пистолетик, лежавший на плите детской могилки. Цветное пятно на сером фоне. Отчётливо представились тёплые ручонки, державшие этот пистолет, прижимавшие его к груди. И весёлый детский

смех. Какое-то горестное озарение потрясло Алексея. Он сел и расплакался.

А потом, смущаясь, рассказывал об этом Ольке. Был бы трезв, не рассказывал. А так, выпив немного, открылся, прятал глаза, чего-то стыдился. Но в распахнутых, как два чистых озера, глазах Оленёнка не было ни презрения, ни иронии. Она тут же подседа к нему, обняла и ласково зашептала слова утешения, отчего хотелось снова расплакаться и сказать:

— Почему он, а не я? Мне, дураку, — сорок, ему — шесть, почему?

Ольга тихонько целовала его плечи и гладила по голове. От пронзительного счастья хотелось забыть обо всём и начать жить сначала.

4.

Уф! Ну и неделя! Но главное сделано. Он отвёз мать на дачу и теперь на всё лето освобождён от жалоб, стонов и вампирского ворчания. О, эти материнские рулады о несостоявшейся жизни чада. Можно им оду в стихах посвятить, и то будет слишком блёкло в сравнении с ярким, образным материнским причитанием.

Хорошо, что Лёшка не чувствовал никакой вины, только глухое раздражение. Не раз он ей в глаза выстреливал сыновней мудростью:

— На свою жизнь оглянись!

По его мнению, там тоже хорошего мало. Дважды была замужем, но ни с одним не ужилась. Мнила себя гордой красавицей и ответственно трудилась на ниве Культуры в качестве старшего библиотекаря. Вот его родила, совершила героический поступок себе в наказание. Лёшка рос хулиганом, каких мало. Перед армией завёл невесту. Женился, та родила ему сына. Но семейная жизнь не сложилась. Первая жена изменила ему с каким-то соседом. Лёшка скривился: сама же и разболтала, будто хвалилась. Развелись.

Потом была и вторая, и даже третья жена. И все семьи рассыпались гранитной крошкой. Пытался наладить, но попытки примирения летели ко всем чертям. Только тонко чувствующий поэт может понять поэта. Да, он пил, да, куролесил — называется это поэтической встряской. А кто не без греха?

Жёны, не понимая тонкость его натуры, нуждающейся во вдохновении, устраивали бурные слезливые, обвинительные скандалы, чем немало его раздражали. С Ольгой было не так. Когда он впервые напился и пришёл домой к часу ночи, ожидая обычной развязки, — Ольга выскочила ему навстречу и крепко обняла:

— Господи! Я так переживала, где ты? Что ты? Хотя бы позвонил, что задерживаешься.

И никаких слёз и обвинений. Она дотащила его до постели, раздела и уложила спать. А утром сбегала за бутылкой пива, чтоб в голове не так гудело. Лёшка полдня ей в глаза смотреть не мог. Уж лучше отругала. Он тогда бы не чувствовал себя таким виноватым.

Алексей возился на кухне и вдруг услышал, что компьютер в соседней комнате заработал. Что за номер?! С поварёшкой в руке он ринулся в комнату. Ага! Горбик сидел за машиной и, быстро перебирая клавиатуру, формовал его стихи.

— Я тебе не разрешал исправлять мою писанину. — Алексей и сам хотел просмотреть некоторые стихотворения и отшлифовать их.

Горбик обернулся и хихикнул:

— Ты увлёкся прилагательными и глаголами. Слишком слабо. Играть словами умно, но не интересно. Тебе изменяет вдохновение, Алексей. Ты стал скуп на чувства.

— Тебя это не касается! — буркнул Лёшка и пошёл на кухню, а затем в ванную.

Он уже неделю мечтал совершить одно дело и отступить не собирался. Вооружившись мочалкой, он решительно пошёл за Горбиком. Мальчик стоял у окна и лениво созерцал красочный московский закат.

— Ты что? Ты что задумал? — вскрикнул он, когда увидел Алексея.

— Ничего особенного, помыть тебя собираюсь. Мне надоела эта вонь!

Горбик выставил руки вперёд:

— Не смей ко мне прикасаться! — не своим голосом закричал он.

Но Алексей подошёл и тряхнул его за куртку. Та как-то странно хрупнула и разошлась на две половины вместе с засаленной футболкой. Вся одежда на Горбике как-то разом опала. Мальчик стоял спиной и искоса смотрел на него.

Лёшка ахнул. То, что он принимал за горб, на самом деле были сложенные крылья! — правда, грязные, до самых кончиков длинного оперенья. Алексей аккуратно взял Совесть на руки и понёс в ванну отмывать.

Пока мыл, мальчишка фыркал, плескался, как ребёнок, и ловил пузыри. А Алексей ухмылялся и думал, что не каждому дано мыть совесть.

— Ты всё-таки объясни мне, кто ты. Говоришь, Совесть и Гений, а у самого, вон, крылья как у ангела, — спросил Лёшка, когда, завернув его в полотенце, принёс обратно в комнату и стал вытирать.

— Дурак! Все гении — крылаты, — Горбик щёлкнул его по лбу. — Гении — это тоже ранг ангелов, только повыше хранителей. Выше гениев — археи. Они отвечают за души вождей и руководителей.

— Хм! Что-то плохо отвечают, — буркнул Лёшка.

— Не тебе судить. Сам-то чем хорош? Всё лучшее растратил да подрастерял.

— Ой, заткнись, а?! — Иногда нравоучительная болтовня Совести дико его раздражала. — Так, я тебя вытер, сиди теперь.

— А чаю с мёдом? — Горбик воззрился на него снизу вверх.

Лёшка внимательно разглядывал его и чесал лысеющий лоб. Мать честная! Да ведь это он сам, только мальчишкой. Любую фотографию возьми того возраста. Один в один. Длинноносый, с густой шевелюрой и глазами-колючками. Вот тебе и Горбик.

— Слушай, а тебя действительно Горбик зовут? — спросил он, когда приволок чай и сладости в комнату.

— Да. Здесь Горбик, там — Коэль.

— Там, это где?

— Ох, я не знал, что ты такой дурак. Там — это в Духовном Мире.

— А-а! — Лёшке представилась редкая возможность узнать о другой стороне бытия, что называется, из верных уст. Он как завожжённый разглядывал белоснежные крылья, рука сама потянулась прикоснуться к влажным перьям. Горбик трепыхнулся.

— Перестань, щекотно.

— Значит, Ад и Рай есть?! — снова спросил Алексей.

— Хм, Ад как место или страна не существует. Он внутри. Когда душа заблуждается, она как бы засыпает, попадая в серое болото своих пороков, становится тенью. Перестает быть Искрой Божьей. А вот Рай есть, там здорово. Всё самое лучшее отбывает туда: мысли, образы, идеи. Люди не понимают, что после перехода, то есть смерти, не возьмут с собой своё тряпье, жильё, всю эту арматуру. Только память, мысли и чувства. Вам бы создавать то, что можно взять с собой, а вы дурью маетесь. Вот что, по-твоему, главное, а?

— Ну, жизнь?!

— Дурак! Любовь! Она сильнее жизни и смерти. Она лучшее, что можно взять с собой. И она — оправдание перед Богом за все грехи, балбесина.

Лёшка поморщился, а Горбик продолжал:

— Но самая крепкая любовь та, что в Дар от Бога даётся. Вот Ольга — не последняя женщина, между прочим, необычная, молодая, красивая, всему быстро учится. Ты думаешь, она тебя за красивые глаза полюбила? Да кому ты, пень сорокалетний, нужен? Всё, что и есть хорошего, — упрямство. Два года на мозги Богу капал, любви просил.

— Горб, я Лазарева с Блаватской терпеть не могу. Агни-Йогу там, всякие религии, — вставил Лёшка, чтоб хоть как-то увести Совесть от воспоминаний об Ольге.

— А кто тебя заставляет?! Ты рождён поэтом, а не эзотериком. Лазарев, Блаватская... то, что они писали, — это их опыт общения с Духовным миром. У каждого своё. Ты вот так и помрёшь невеждой. Ты хоть знаешь, что изобрели аппарат, фотографирующий биоэнергетическое поле человека — ауру? И душу взвесили — 0,4 грамма. Ты, как и все люди, черпаешь свои образы из Ноосферы — сферы мысли. О ней, кстати, неплохо Иван Ефремов писал, наш человек. То, к чему ты упорно относишься с презрением, давно стучится в твоё сознание... Оленёнок вот могла почувствовать тайное.

Лёшка раздражённо бросил:

— Ты не можешь обойтись без неё?

Горбик подскочил:

— Да, не могу. В ней огонь Любви от Бога горел, а ты...

Лёшка тоже подскочил, чтобы возразить, но Горбик внезапно исчез.

5.

Он проснулся оттого, что кто-то бродил по соседней комнате и бурчал. Алексей поднялся и пошёл в зал. Ну, так и есть. Горбик, прижимая к груди исписанные листы бумаги, накручивал километры вокруг стола. Выглядело это забавно. После того как Алёшка отмыл его, Горбик повадился появляться в обнажённом виде. Только представьте: голый пацан с крыльями ангела за спиной, сияющий тусклым светом свечки, — такое и во сне не придумаешь.

Алексей опёрся о дверной косяк и устало спросил:

— Ну что ты носишься, как таракан вокруг стакана? Спать не даёшь. Мне в шесть утра вставать, между прочим!

Горбик вздрогнул, обернулся, глаза горели, как два карбункула. Листы жалобно хрустнули под напряжёнными пальцами.

— Зачем ты её отпустил? Почему ты не остановил её? — он всхлипнул и сел прямо на пол, не смущаясь своей наготы. Крылья расправились и легли опереньем вдоль ног. Совесть бережно положил листы на пол.

— Меня никто так не любил. Все твои женщины были обычными, а она... Оленёнок понимала меня. Мне было так тепло с ней и радостно. Зачем ты её отпустил? — зло выкрикнул он и размазал слёзы по щекам.

Алексей подошёл и присел на колени рядом. Подобрал первый лист, на нём размашистым почерком темнели Олькины строчки:

«Мне плевать на то, что о нас думают другие. Мне плевать на непонимание. Для меня важно только мнение Бога и мнение Алексея. Что ждёт нас, не знаю. Но знаю, что люблю его больше собственной жизни, даже больше своей души. Рада пожертвовать своим писательским даром, чтоб только его Гений поэзии мог беспрепятственно трудиться над стихами.

О, его стихи — это Настоящее сегодня. А вот мои:

Скажи, что ты не сможешь без меня,

Как без любви. Нет жизни «не любя»!

Науку слов пытливо беребя —

Твои стихи — волны тепло.

Я берег».

Весь сон как рукой сняло. Алексей взял второй лист:

«... Лёшка как-то спросил меня:

— Ну, как тебе семейная жизнь?

И я ответила:

— Было б плохо, сбежала.

— Ха! Кто б тебя ещё отпустил!

Тогда я обрадовалась, но теперь я начинаю уставать от того, что чувствую себя больше «исполнителем» в нашей с ним игре в семью. Я не боюсь ни безденежья, ни бытовых тягот. Мне только важно хоть изредка чувствовать себя нужной. Алексей всё чаще показывает свою независимость от всего. Кому нужна эта самодостаточность?

Не понимаю. Я много не понимаю. Зачем я здесь, если ему не нужна?!»

В груди заныло. Лёшка в голос застонал. Горбик сам протянул ему третий лист.

«...Любовь слепа. Алексей закрыл глаза на моё маленькое творчество. Я отмахивалась от его недостатков. Старалась видеть только хорошее. Он пишет такие стихи! Боже! Мне иногда кажется, что в нём сидят две личности. Первая пишет стихи, любит, страдает и неудержимо притягивает меня к себе. Вот этому первому я нужна, и он нужен мне. Но есть ещё второй, его я вижу чаще, чем первого. Он груб и грязен на язык, жесток и раздражителен... — самодур и изощрённый деспот. Этот второй доводит меня до истерик. Зачем? Какова цель? Под этим давлением я скоро исчезну. Господи, прости меня, нет желания жить. А может, это недоразумение, чудовищное совпадение, каких много?»

Горбик забрал у него листы и снова прижал к груди. Губы тряслись, из глаз текли слёзы.

— Она так любила меня, а ты...

— Она меня любила! — тихо, но твёрдо проговорил Алексей.

— Не тебя, не тебя! Что в тебе любить? Я уйду, и ты никто, пустое место, такой же, как все. Всё, что ты можешь, это быть рабом бутылки, заливать глаза и дуть губы на весь мир за непонимание. А что ты сделал такого, чтобы тебя смогли понять? Ведь ты даже Оленёнку не захотел помочь. Ты просто выжил её из себя. Кому ты нужен? Этому псу?! Так ведь у пса не хватит любви оправдать тебя перед Богом.

— Если ты помнишь, она сама ушла. Я не гнал её, — зло выкрикнул Алексей, гнев закипал в нём огненной лавой.

— А что ей ещё оставалось делать? Ты же изводил её своим самодурством. Ей не к кому было пойти. Одна в чужом городе. Ты подарил ей семью, но ты же сделал её сиротой. Ты меня сиротой сделал! Ты брал её руку в свою, разве ты не ощущал всю полноту мира?! Красота и гармония была в вас, струилась и текла сквозь. Разве ты не чувствовал, как всё преобразилось? И петть хотелось, и творить. Я звучал... я так хорошо понимал мир и любил его. — Лицо Горбика исказила гримаса злобы. — Ты ничему не научился. Ты... ты злой, ни к чему не пригодный человечиска. Ты — отброс!

Больше Алексей не мог слушать. Слова Совести, как огненные капли, падали в душу, оставляя кровавые ожоги. Гнев затопил все

чувства. Он размахнулся и ударил Горбика. Удар был настолько силен, что мальчика отбросило назад, и он зацепил головой острый угол дивана.

Что-то горячее потекло по лицу. Алексей коснулся лба... кровь! Горбик смотрел на него с каким-то злым торжеством. Ударился он, а кровь из рассечённого лба текла у Лёшки.

Мальчик поднялся и аккуратно сложил Ольгины листы.

— Сердце своё предал, Совесть ударил. Что ещё тебе осталось сделать, Алексей? Разве что собственную душу извести, — Горбик проговорил это с какой-то пронзительной жалостью. Проговорил и растаял в темноте комнаты.

Алексей сидел на полу и слушал, как стучали капли крови, стекающие из рассечённого лба.

6.

Вовсю куролесило московское лето. С грозами и удушающей жарой, с буйным весельем закадычных гуляк и разгаром подростковых страстей. Летом легко любитесь в подъездах, в парках, в машинах. А когда наступит осень, посыпятся плоды этих лёгких страстей: редкие суициды и частые аборт.

Алёшка дважды в день выгуливал Боя в парке, и ему не раз приходилось слышать страстный шёпот в кустах и горестный плач на скамейках. Накатывала жалость к этим девчонкам. Глупые... Но если б какая-нибудь поманила за собой, не раздумывая шагнул за ней. Чтоб в страстном угаре забыться и излить нежность на пухлые девичьи губы и маленькую грудь. Лёшка умел быть нежным и грешным. Но только куда потом девать эту девчонку, когда страсть пройдёт, а сердце привычно потухнет? Он слишком сильно привык к одиночеству, к своей хвалёной независимости.

Правда Ольга, кому она нужна, эта независимость, эта гордая, обидчивая самодостаточность. Ведь пока ты заботаешься о ком-то, переживаешь за кого-то, берёшь на себя ответственность за счастье близкого человека, именно тогда ты чего-то стоишь!

Но что делать, когда этого человека нет? Мир оборачивается пустыней, а ты не песок даже, а так, былинка.

Три недели он не видел Горбика. Обычно тот исчезал самое большее на неделю, а тут... Смешно, знал бы, где живёт этот крылатый мальчик с его лицом, глазами-колючками, сам бы нашёл, попросил прощение. Да он и так тысячу раз тихо прошептал в душе:

— Горбик, прости. Рана на лбу затянулась, но не заживает, как и ранки на руке. Никакие мази не помогают. Три недели я не пью. Правда, Горб, не могу, такая тоска внутри сразу возникает. Если это из-за тебя, твоих рук дело, я не сержусь. Ты появишься, а?! Не бойся, так хочется поговорить...

Но Горбик не появлялся. Алексей бродил по тем местам, где они вместе ходили, искал следы Совести, но натыкался на воспоминания об Ольге. Он уже не гнал их. Они сами собой прокручивались в его голове, подобно плёнке, кадрами.

Вот она по колено провалилась в болото и смотрит на него испуганными и одновременно удивлёнными глазами. Вот она с роскошным букетом жёлтой купальницы.

А вот сидит у окна на даче и пишет письма друзьям, улыбка мерцает на губах. Он всегда удивлялся обилию знакомых Ольги, и где успела набрать... Вспомнил и бледное, залитое слезами лицо Оленёнка в день расставания.

Работа отвлекала от всего этого, но стоило выбраться в Подмошье или засидеться дома — плёнка жизни крутилась в обратную сторону, вызывая глухую тоску в груди. Алексей извёлся, похудел, стал ещё более нервным и раздражительным.

Горбик появился внезапно. Алексей сидел за компьютером и вымучивал стихи. Совесть тяжким вздохом заявила о своём присутствии. Лёшка обернулся и больными глазами посмотрел на него. Мальчик лежал на диване, завернувшись в крылья, и испускал бледное оранжевое свечение.

Алексей опустился рядом на колени и уткнулся лицом в его крыло.

— Ты меня так не пугай больше, ладно?! И прости... — тихо прошептал он, чувствуя, что кровь из ран снова начинает сочиться.

— Я последний раз... здесь. — Горбик пристально посмотрел в его глаза, и тот сразу понял — это правда. Совесть собралась бросить его.

— Почему? — кое-как Лёшка выдавил из себя вопрос, что-то сдавило грудь, и сердце испуганной птахой забилось о рёбра.

— Мы не можем долго быть в этом мире. У нас другое место

жизни. Я хочу уйти, мне разрешили. В доме, где я жил, слишком много решёток. Я уйду туда, где есть тепло и свобода.

— Когда ты уйдёшь, я умру? — Для Алексея это казалось очевидным.

Горбик слабо усмехнулся:

— Нет. Зачем же. Ты проживёшь остаток жизни один, как все. Тебя ничто больше не будет «глодать». Возможно, ты сможешь писать и без меня.

— А потом, что потом?

Горбик поёжился:

— Скорее всего, сон. Твоё упрямое недоверие усыпит душу. Она серой тенью повиснет в промежуточном мире (по-вашему — чистилище) и будет спать бесконечно долго, пока Высшие не решат, как дальше с ней поступить.

— Но почему? Почему?

— Ты не сможешь ответить.

— Что я не смогу ответить? — Алексей разгорячился, его пугало предстоящее посмертие.

— Когда душа совершает переход, её встречает Ангел Смерти — Проводник и задаёт два вопроса — чему ты научился на земле и любил ли ты кого-нибудь? Есть ли хоть один человек, который по-настоящему рад тому, что ты живёшь?

Алексей обхватил голову руками. Нет, никто не рад его жизни. У него нет настоящих друзей.

— Но я любил, Горб, я же любил! — отчаянно вскрикнул он.

— Так ли это? А кого? — спросил его Горбик.

Алексей заметался по комнате, не замечая, что перепачкался в собственной крови. Кого? Родителей? Нет — долг, обязанность, но не любовь. Кого? Жён? Нет, это что угодно, но только не любовь. Сына? Нет — игра, забава, снова долг и обязанность, но не любовь.

И вдруг он успокоился и подошёл к Совести.

— Я очень любил Ольгу.

Лицо Горбика потемнело и скривилось, как от боли.

— Н-да?! — он щёлкнул пальцами.

... Алексей сидит за компьютером и перестраивает строчки стихов. Ольга лежала на диване. Её мучил грипп, температура несколько дней не желала приходить в норму. С душевным состоянием тоже было не всё в порядке, что-то сильно беспокоило её. Он это чувство-

вал и не знал, что сделать, чтобы улучшить её настроение. Его это дико раздражало, и он с утра выпил водки, дабы заглушить голос совести. Вдруг Ольга повернула голову в его сторону и охрипшим от кашля голосом попросила:

— Лёш, скажи мне что-нибудь... несколько тёплых слов, пожалуйста. — Она нуждалась в душевности и решилась на откровенную просьбу.

Он развернулся к ней, сложил пальцы правой руки в дулю, плюнул на неё и:

— На-ка, выкуси тёплые слова. Обойдётся.

Ольга побледнела и отвернулась, закрыв лицо руками. Но не плакала. Знала, что он это ненавидит, и сдержалась. Алексей рассмеялся, пытаясь всё обернуть в шутку. Ольга приняла эту игру. Но с тех пор что-то надломилось в ней...

— И после этого ты говоришь, что любил Ольгу, — тихо прошептал Горбик. Свет его крыльев тускнел, лицо бледнело и становилось прозрачным.

— Она сама виновата. Могла бы относиться ко всему проще. Ну, подумаешь, дулю показал, и не такое бывает. — Алексей по привычке оправдывал себя. Но тут в его сознании что-то изменилось. Он вдруг представил, что лежит больной на диване и просит Ольгу об утешении. А она ему дулю в лоб: «Вот тебе слова утешения».

Жгучий стыд опалил душу. Горбик добился своего — в нём заговорило чувство вины. Алексей отвернулся от Совести, жаль вот — от себя он отвернуться не мог. Тут-то и полезли воспоминания о том, как он груб и жесток был с ней. Да и не только с ней, с остальными тоже.

Ольга сомневалась в его любви и правильно делала. Он не мог дать ей то, о чём она мечтала, не мог, потому что не умел. Влюбляться, привязываться, а потом рвать привязанности — это пожалуйста, хоть каждый день. А вот любить...

Горбик смотрел на то, как Алексей метался по комнате, а сам тихо гаснул.

— Я надеялся, что моё появление пробудит тебя... то лучшее, что есть в тебе. Но я ошибся. Ты не изменишься, — тихо прошептал Горбик и исчез.

— Нет, не исчезай, не уходи, Совесть, не уходи! — закричал в отчаянии Алексей. А на балконе протяжно и жалобно завыл пёс.

7.

Как он прожил этот месяц, одному Богу известно, да ещё псу. Маленький животный дух оберегал его от глубокого отчаяния, оттаскивал от бездны, когда оставался один шаг до падения.

Горбик исчез, и свет померк для Алексея. Сначала ему показалось, что он ослеп. Но нет. Просто что-то случилось с глазами. Цвета потускнели, мир утратил свою яркость, словно покрылся серым налётом.

Ничто не радовало. Все былые, мелкие удовольствия обострились. Тянуло бражничать без конца и приставать к девицам с ногами от ушей. Лезть в драки и задиравать блюстителей порядка.

Все родственники и немногочисленные знакомые от него отвернулись. Самое страшное было то, что он всё осознал. Он не терял рассуждений. Прошлого представало перед ним цветным кино, а будущее грозило самой глубокой непроглядной тьмой.

В один из проклятых дней дома, в своей комнате, он наткнулся на пакет с медикаментами. Осипший от пьянок, измотанный многодневным разгулом, полез под кровать в надежде найти случайно закатившуюся бутылку водки, и... там нашлось несколько упаковок снотворного. Он ещё удивился и усмехнулся тогда: и как это раньше ему не пришла в голову эта замечательная мысль. Жаль только, Горбик не успел ему рассказать о том, какое посмертие ждёт самоубийц. Алексей оживился и забегал по комнате. Накрошил в стакан таблеток и сбегал на кухню за водой. Всё это время он сквозь зубы цедил считалочку Роберта Рождественского, которую так любила Ольга:

Лёшка-Лёшка, поварёшка!

Ты — картошка, ты — крошка,

Ложка, плошка, кошка, брошка,

Трёшка, сошка и матрёшка.

Так меня все называют,

Называют, обзывают,

Выдумкой не радуя...

Рифмачи проклятые.

Рифмачи проклятые...

Он выпустил с балкона пса, последний раз потрепал его за уши и чмокнул в слюнявую морду.

— Всё, Бой! Всё, я ухожу в темноту, к чёрту, к дьяволу. Всё, — орал он в каком-то исступлении. Потом помчался в ванную и побрился. Почему-то не хотелось умирать небритым. Подумал об этом и расхохотался во всё горло. Вот уж червям всё равно, брит он или нет.

Залез в шкаф и хотел надеть свой тёмно-вишнёвый костюм, но вдруг вспомнил, что Ольге он не нравился, и передумал. Надел серый. Взял стаканы и подошёл к зеркалу.

— Ну вот и всё, — тихо проговорил он.

Пёс беспокойно вертелся у его ног и жалобно подвывал.

— Вот и всё.

Он высыпал из стакана таблетки в ладонь... да так и застыл с ними. Сбоку зеркала торчала цветная фотография Ольки. На ней она стояла с цветком в руке и смущённо улыбалась. Откуда взялось это фото? Он же помнил, ещё вчера его здесь не было. Алексей выдернул фотографию и посмотрел на обратную сторону. «Ты только всегда помни, что бы ни случилось, я люблю тебя. Оленёнок».

И тут беспокойный пёс прыгнул ему на грудь. Алексей покачнулся и, не удержав равновесие, сел на пол, таблетки зелёными бусинами рассыпались по линолеуму. Бой уткнулся в его руки и заплакал. Лёшка словно очнулся. Его старый пёс плакал второй раз в жизни. Первый — когда легковая машина перебили ему задние лапы.

Алексей спрятал фотографию на груди и прижал пса к себе.

— Бой, я — дурак, дурак, успокойся, малыш. Успокойся, всё будет хорошо.

И непонятно было, кого он успокаивал, собаку или себя?

Вагоны, как дети, толкались и подпрыгивали на рельсах. Поезд мчал его в далёкую Сибирь.

После глупой попытки суицида Лёшка перевернул всю квартиру, но нашёл омский адрес Ольги, вернее, не Ольги, а её ближайшей подруги. Как ни странно, мать его решение съездить в Омск одобрила и обещала присмотреть за Боем. Алексей выпросил отпуск, быстро собрался и взял билет на ближайший поезд до Омска.

Ему не спалось. Он вглядывался в смену пейзажей за окном и перебирал возможные варианты встречи с Ольгой. И старался не думать о том, что Ольга за это время могла себе кого-то найти. В это не верилось, но это пугало.

Почему-то вспомнилась их первая с Ольгой размолвка. Виновата была она — первая вспылала. В общем-то, он тоже виноват, просто

был не в том настроении, чтобы успокаивать её. Но заявление об отъезде на родину настолько шокировало Лёшку, что он растерялся. Неужели действительно уедет?! Сутки они не разговаривали. Когда она пришла домой с большим букетом цветов, он был на кухне и варил Бою похлёбку. Ольга подошла, села в проходе кухни, прикрылась цветами, как веером, и сказала:

— Лёшка, прости меня. Я была не права и погорячилась.

Он отвернулся к окну, чтобы она не заметила улыбку на его лице. Ольга ещё только вошла, а он уже простил и сейчас сдерживал свой восторг. Ну у кого ещё любимая женщина придёт мириться с цветами? Они что, в Сибири все такие ненормальные?

Она смотрела на него распахнутыми глазами, от рассказов набегали слёзы. А у Лёшки закипала кровь. Но он спокойно отложил поварёшку, отключил газ, поднял её, тихо плачущую, с пола и повёл в комнату.

А днём мы ссоримся,

Чтоб ночью помириться...

— Лёшка. Я представила, что уезжаю от тебя, и такой ужас меня охватил. Ведь это равносильно тому, чтобы вот взять и отрезать живой комок сердца. Я ж не выживу.

Лёшка сидел в купе и стискивал кулаки. Неужели поздно? Нет! Никогда не бывает поздно, если ты не умер. Ольга простит его, она умеет прощать и его научит быть понимающим и заботливым. А он наступит на своё самолюбие. Он ведь сильный, а главное, упрямый.

Город встретил его солнечным субботним днём. Алексей купил цветы и без труда отыскал нужную маршрутку, а затем и дом Ольгиной подруги. Волнуясь и трепеща, поднялся на второй этаж и дважды нажал на звонок. Дверь открыла красивая девушка в красном халате. Она вопросительно посмотрела на него.

— Вы Елена К.? — спросил он.

— Да.

— Я ищу Ольгу.

— Проходите, она здесь. А вы кто? — И вдруг Лена переменилась в лице. — Вы Алексей из Москвы, да?!

Он кивнул, мягко отстранил её и вошёл. Ольга сидела за столом и что-то писала на исчерканном листе... Лёшка невольно улыбнулся, новую сказку, наверно. Он опустил свою сумку на пол. Ольга подняла голову и увидела его с большим букетом жёлтых тюльпанов в руках.

Алексей трепетно наблюдал за тем, как менялось её лицо, мелькали чувства в огромных глазах: изумление, боль, страх и нескрываемая тоска.

Ручка в её руке дрогнула и упала на тетрадь.

— Ты?!

Она не ждала, она не верила, что он возьмёт и приедет.

Алексей закрыл за собой дверь и сел на пол, преграждая путь всем: тем, кто за дверью, той, что в комнате. Он снова почувствовал себя уверенным и напористым танком. Только теперь Лёшка всё исправит. Признает всё и исправит.

— Мне плохо без тебя, Оль! — громко проговорил он и посмотрел в её глаза. В них дрожали слёзы. Она опёрлась на стол и ладонью прикрыла губы.

Алексей жадно разглядывал её лицо, подмечая изменения. За полгода её пепельные волосы отросли и мелкими кудрями падали на плечи. Под голубыми глазами пролегли глубокие тени. На лбу появились две вертикальные складки от горьких раздумий. И, несмотря на это, она поправилась и похорошела. Если через мгновение он не дойдёт и не обнимет её, до боли, до стога, всё в нём взорвётся.

Он громко вздохнул и смущённо спрятал лицо в ворохе жёлтых тюльпанов.

— Прости, я — дурак... и я не могу без тебя.

Ольга всхлипнула и слабо улыбнулась. А у её ног сидел Горбик, его, Алексея, личный гений Коэль.

Совість усмехнулся и весело подмигнул ему.



г. Омск

Капля

Всё началось с обычной Лёшкиной блажи. Ему вдруг нестерпимо захотелось на природу.

— Ну ты едешь? — спросил он своего друга по телефону.

— Может, перенесём? У меня тут пара дел не окончена, — попытался отбиться домосед Лерка.

— Да ну тебя. До сессии занят был и теперь дела. Звоню сейчас Толику, если и у него проблемы, еду один!

— Ладно, не кипятись. Едем. Ты место выбрал, где отдыхать будем?

— Не-а. Едем вслепую. Здорово, да?

— Ну ты даёшь!

Лёшка не шутил. Он действительно попросту ткнул в карту Московской области, и трое друзей поехали рано утром на электричке до станции со странным названием «Были». Там узнали, что около деревни Православная, в трёх километрах от неё, протекает небольшая река Камышевка. Туда-то друзья и пошли. Мимо полей и берёзовых рощ, мимо деревни, где местный мужик молча показал, как пройти на реку.

Добрались к шести вечера. Растянули палатку возле песчаного пляжа, под ивами, и сразу полезли купаться. Река оправдывала своё название. Камыши зеленели вдоль обоих берегов и гордо вытягивали коричневые столбики. Многие из них распушились, и камышовый пух редкими островками медленно плыл по течению реки. Где-то вдоль берегов росли ивы, где-то берёзы с кустами шиповника. Места красочные, да и как им не быть таковыми в июле.

Плескались долго, благо вода к вечеру в реке прогрелась. Высушились и стали готовить ужин. Лёшка сразу убежал в лесок за дровами. Лерка взялся за консервы, а Толик стал устанавливать треногу с котелком и копать ямку для костра.

Школьные друзья, а теперь студенты, ребята большую часть свободного времени проводили вместе. Валера Дым, или просто Лерка, по натуре флегматик и немного философ, имел тихий нрав и страсть к разным наукам. Брался за несколько дел одновременно, будь то изучение ядов или японский язык, и ни одно не доводил до конца. Яркой наружности: высокий статный брюнет с глубокими синими глазами.

Анатолий Карзов, Толик — дамский угодник, менял девушек каждые три месяца, но умудрялся расставаться с ними без взаимных обид и претензий. Ему удавалось свести пылкие отношения до приятельских звонков по телефону. Притом что внешне его красавцем не назовёшь. Среднего роста худощавый шатен, привлекал внимание кавказским носом и блестящими, как у сороки, глазами.

И все же самым шептунным и энергичным был Лёшка Хватов, прозванный за свойства характера — Хват. Вот уж яркая личность. Высокий, крепкий, со светло-русыми волосами и выразительными зелёными глазами. Сухота девичья, да и только. Но, к их несчастью, Хват думал о чём угодно, но только не о девушках. Был страшным поклонником театра, любил ходить как на строгую классическую оперу, так и на лёгкие мюзиклы и рок-постановки. Мог читать фэнтэзи и попутно углубляться в русскую классику. Умудрялся без последствий пропускать лекции в институте, бегая на танцы три раза в неделю.

— Ну вот, потерялся! — возмутился Толик, ибо Хвата с обещанной охапкой дров всё ещё не было.

Лерка уже успел расстелить покрывало, расставить открытые консервы и нарезать хлеб. Пришлось всё это прикрыть от мошек полотенцем.

— Ладно, пойду поищу его, — сказал он и пошёл в ту сторону, куда умчался Лёшка.

Долго искать не пришлось. Хват зачем-то стоял на берегу реки, недалеко от лагеря. Лерка подошёл и положил свою руку на плечо друга. Тот вздрогнул и обернулся, лицо было бледным, глаза горели.

— Ты чего? — Лерка не на шутку испугался.

— Как ты думаешь, что это? — спросил Хват и показал на точку в воздухе. Лерка пригляделся. Светящаяся бледным светом капля, размером с большой ноготь, висела в воздухе и не желала оседать на ладони Хвата, как тот ни пытался взять. Лерка тоже попробовал. Капля проходила сквозь ладонь, не вызывая никаких ощущений, кроме прохлады.

— Ну что это? — снова спросил Хват, но друг растерянно пожал плечами.

— А чёрт его знает, — наконец сказал он.

— Я попробовал всё, что только можно, — возбуждённо заговорил Лёшка. — И палкой, и берёзовым листом, сыпал песок, сам проходил сквозь неё, а она не меняется. Капля есть, и в то же время её как будто нет. Она не берётся!

— Не ломай голову, пошли ужинать. — Лерке надоело стоять, да и в желудке урчало.

— А вдруг она исчезнет? — беспокоился Хват.

— Так что теперь, стоять возле неё остаток жизни. Пошли! — Лерка был твёрд. Лёшка немного подумал и поставил длинную палку возле капли, чтобы потом найти без усилий. Взял собранную охапку хвороста и побрёл за другом.

— Где тебя носило? — накинулся Толик на Хвата.

— Он задержался по веской причине, — оправдывал Лерка друга. — Лёшка странную штуку нашёл, потом посмотришь.

Они сели ужинать.

— Ну и что это за штука? — спросил Толик. Так как Хват молчал, Лерка ответил:

— Аномалия какая-то, честное слово. Капля висит в воздухе и светится.

— Н-да, ну и что здесь аномального? — снова последовал вопрос.

— Увидишь — поймёшь. Она висит в воздухе и не берётся в руку. Проходит сквозь предметы. Короче, никак не реагирует на прикосновения.

— Н-да. — Толик почесал в затылке. — Ладно. Посмотрим.

После ужина ребята пошли смотреть на таинственную каплю.

— Она переместилась! — сразу заметил Хват.

— Как так? — спросил Лерка.

— Я палку поставил прямо под каплей, а сейчас она висит в нескольких сантиметрах от неё. Капля перемещается!

Толик тоже попытался её взять, но безуспешно.

— Скорее всего, она инопланетного происхождения, — сказал он.

— Почему? — удивился Хват.

— Прилетела тарелка НЛО, инопланетяне побродили здесь, посмотрели, а машина своё инопланетное масло пролила или ещё чего. Они улетели, а она осталась. Я много разных историй про НЛО читал, — заключил Толик.

— А почему она двигается? — теперь спросил Лерка.

— Ну, законы тяготения там, передвижения разные влияют на неё. В общем, главное, вреда не приносит и ладно. Пошли чай готовить. — И он пошёл в лагерь. Лерке тоже надоело стоять на одном месте, и он последовал за ним. Хват остался.

— Нет, тут что-то не так. Не всё так просто. Я чувствую... — шептал он.

Капля висела на уровне глаз, и чем темнее становилось, тем ярче светилась она. Вдруг в голову Лёшки пришла идея. Он достал из штанов спички, зажёл одну и поднёс к капле. Яркая вспышка на миг ослепила его глаза и обожгла пальцы. Хват кинулся к реке и сунул руку в воду, зашипев от боли. Посмотрел на каплю. Та как ни в чём не бывало висела в воздухе. Лёшка аж застонал от разочарования.

— Это кто тут с огнём озорничает? — прозвучал женский голос совсем близко. Хват обернулся.

Из густых зарослей к нему вышла девушка. Лучи заходящего солнца позволили разглядеть незнакомку. На вид ей не было и двадцати. Одета в странную одежду, не то платье, не то рубаша до пят, подвязанная цветной лентой по талии.

— Ты кто? — спросил удивлённый Хват, начисто забыв о вежливости.

— Я здесь живу, — ответила незнакомка, — в Православной.

— А...а я с друзьями отдыхаю. Вон там, на песчаном пляже. — Он махнул в сторону лагеря.

— Зачем с огнём балуешь? — снова строго спросила она и убрала светлую прядь волос с виска за ухо.

— Да так... проверяю. — Язык плохо повиновался ему, мысли путались под пристальным взглядом больших синих глаз.

— Ни к чему это.

— Почему? — сил едва хватило на вопрос.

— Опасно, — коротко отрезала она.

Они стояли на берегу реки, уставившись друг на друга: незнакомка смотрела строго, Алексей — удивлённо. Отчего-то у него разом вспотели руки и мурашки побежали по спине. Даже не мурашки, тараканы. Он слотнул.

Неизвестно, сколько бы они ещё простояли, если бы не Лерка. Он-то и снял напряжение. Увидев девушку, Лерка, галантный по натуре, пригласил её на чай.

— Давайте знакомиться! — первым предложил он, когда все расселись возле костра. — Меня зовут Валера, это Анатолий, а с Алексеем вы встретились.

Девушка кивнула.

— Ангелика.

— Вы, должно быть, живёте в деревне? — Лерка начинал нервничать. Хват смотрел на костёр и пил чай большими глотками. Глаза его лихорадочно блеснули. Обычно разговорчивый Толик молчал и откровенно разглядывал девушку. И, в общем, это понятно. Ангелика была необычайно красива. Лицо безупречной формы, обрамлено россыпью вьющихся волос. Огромные миндалевидные глаза, прямой нос и по-детски пухлые губы. Она была бы олицетворением юности, если бы не серьёзное выражение лица. Странное широкое платье не позволяло разглядеть фигуру.

— Я часто бываю в Православной, но родом из других мест, — ответила Ангелика. — Прошу прощение, что нарушила ваше уединение. Ваш друг играл с огнём. Это опасно, лето очень жаркое.

— Играл с огнём? — переспросил Лерка. Хват сначала смутился, а потом с жаром заговорил.

— Я зажжённую спичку поднёс к капле, и она вспыхнула. — Он потрогал обожжённые пальцы. — В общем, я понял — капля увеличивает силу огня.

— Я же говорил, машинное масло НЛО! — радостно подал голос Толик.

— НЛО... — Ангелика улыбнулась, — разное слышала, но это... забавно.

— Хотел бы я знать... — пробормотал Хват и лихорадочно потёр лоб.

— Всеми своё время, — откликнулась Ангелика.

— Вы знаете? — удивился он.

Девушка опустила глаза и промолчала.

— Похоже, это мой рок, — усмехнулся Алексей.

— Карма, — поддакнул Толик.

— Что ты, человек, знаешь о карме? — спросила Ангелика и посмотрела ему в глаза. Парень опешил.

— Это — закон причины и следствия, — ответил он.

— Чей закон? — снова спросила она.

— Ну, Бога, наверное, — совсем смутился Толик и решил молчать остаток вечера.

— Ошибаешься. Многие из вас ошибаются...

— Хорошо, допустим, — согласился Лерка, внимательно слушая весь разговор, — но у любого чуда есть причина.

— Чудес не бывает. Есть знание, которое объясняет следствие, — ответила Ангелика.

— И капля дело рук человека, — заключил, улыбаясь, Лерка.

Ангелика тоже улыбнулась.

— Почти.

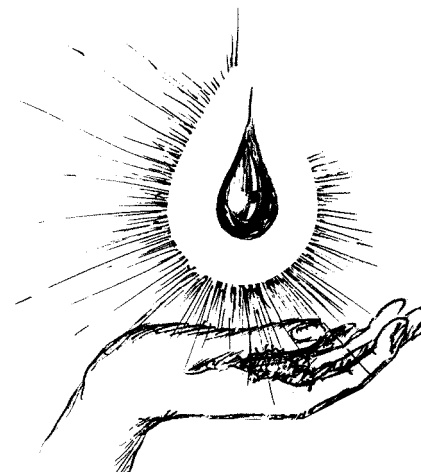
Хват вдруг встал и ушёл. Лерка проводил его взглядом.

— Ну вот опять ушёл, и на сто процентов уверен — к капле. Я начинаю беспокоиться за него. Пока не найдёт разгадку тайны, не уймётся. Уж я-то его знаю.

— Ничего, иногда это нужно. Поздно. Ложитесь отдыхать. Скоро рассвет.

Ангелика поднялась и ушла.

Хват стоял и смотрел на каплю. Она снова отклонилась на несколько сантиметров и сияла ровным бледным светом. Он сделал безуспешную попытку взять её в ладонь и разочарованно сел на песок. Алексей понимал: в природе немало есть вещей, которым нет объяснения. В детстве ему казалось самым настоящим чудом расцветший цветок, за которым, бывало, он наблюдал часами. Когда в школе доходчиво объяснили сей процесс, это перестало быть чудом. Мир после этого потерял свою искристость, словно спрятался за мутным стеклом.



Капля... капля возвращала эту искристость. Неведомая тайна добавляла красок и смысла в жизнь. Но отчего так трудно, так тяжело и так необходимо смотреть на неё и ломать голову над загадкой, которую, возможно, он никогда не разгадает.

— А это тебе действительно нужно? — тихо прошелестел голос Ангелики совсем близко, мягкий и доверяющий. Хват удивился её присутствию. Она сидела на песке спиной к его спине. И как это он сразу её не заметил?

— Не знаю, но чувствую: разгадка перевернёт всё внутри меня и жизнь моя изменится.

— Это хорошо, что ты гонишься за новым смыслом. Но тайн — много. Они дождём поливают землю. Встретишь ещё одну, и снова жизнь перевернётся. Выдержит ли это твоя спящая душа?

— Главное, она проснётся, — ответил Хват и встал в полный рост. Ангелика поднялась тоже, и в темноте ему показалось, что от девушки исходит сияние.

— Кто ты? — Хват вдруг ощутил непонятный страх.

— Ещё одна капля, — она улыбнулась, страх Алексея прошёл, и ему стало тепло. Большим усилием воли он поборол в себе желание обнять Ангелику и положить голову на её плечо.

— Возьми её в ладонь. Ты сможешь, я чувствую, — умоляюще попросил он.

— Тебе нужно отдохнуть. Впереди рассвет. Новый день. Иди!
— Последнее слово прозвучало, как приказ. Хват повиновался и побрёл в лагерь.

Ангелика проводила его взглядом, потом посмотрела на каплю и протянула руку, но не для того, чтобы взять. Светящаяся ладонь приблизилась, и капля отозвалась ярчайшим светом.

Ребят разбудили аппетитные запахи. Первым из палатки вылез Лерка. Увидел, что возле костра Ангелика готовит им завтрак, и проснулся окончательно. Растолкал друзей, и они вместе сходили к реке умыться. Потом сели завтракать. Девушка разложила кашу по пластмассовым тарелкам и отломилла каждому по куску хлеба.

— Ай да чудо кулинарии! — Лерка причмокнул от удовольствия.

— Ничего особенного. Немного трав и душевного тепла, — откликнулась девушка.

— А что же не с нами? — спросил он, жуя деревенский хлеб, который ему сразу понравился.

— Я не голодна, — ответила она.

— Что делать будем? — спросил Хват, когда они закончили завтракать. Перед этим он успел сбегать и посмотреть на каплю. Она продолжала отклоняться и медленно приближалась к реке. Это беспокоило. Скоро капля нависнет над водой.

— Предлагаю осмотреть деревню, — сразу откликнулся Лерка, — мы вчера как-то быстро проскочили мимо неё. Ангелика, не откажетесь показать местные достопримечательности?

Она мягко улыбнулась и кивнула головой, а на Толика даже не взглянула, хотя девушки всегда выделяли его среди друзей. Это неприятно задело парня, и он остался стеречь палатку.

— Эта деревня построена более двухсот лет тому назад. Сюда сбежали от мирской суеты православные люди.

Они шли вдоль немногочисленных улочек ветхой деревни. Большая часть домов пустовала. Одинокие и брошенные, они тоскливо смотрели разбитыми глазницами окон.

— А почему Православная? — спросил Хват.

— Трое православных монахов построили небольшую церковь, дабы отмолить грехи. Они вели тихую жизнь, справляли служения в своей церкви и привечали всех, кто проезжал мимо. Потихоньку во-

круг строились дома, селились богопослушные люди. Оттого и Православная, здесь православные люди живут.

Они дошли до центра деревни, где и стояла церковь с колокольной. Настоящее чудо деревянного зодчества. К ней сходились люди, среди которых немало было приезжих. Ребята как раз успели к утреннему служению.

У ограды сидели просители милостыни. Приезжие торопливо крестились, клали монетки в трясущиеся руки убогих и заходили в церковь. Ангелика тоже пошла, ребятам ничего не оставалось делать, как последовать за ней. Когда поднимались по высокому крыльцу, Хват заметил на ногах девушки сандалии. Он видел такие разве что в кино или на картинах. Алексей совсем потерял покой. Перед сном его снова осенило. Весь вечер и часть ночи они просидели у костра и ни разу не подкладывали в него дров. Ещё одна загадка?

Они вошли в большую залу. Пахло ладаном. Потрескивали зажжённые свечи. Шелестел шёпот молящихся. У иконостаса пожилой батюшка нараспев читал Евангелие.

Служение завершалось. Батюшка повернулся к молящимся. Юный отрок подал ему чашу с вином. Лерка насмешливо посмотрел на всё это дело и вышел наружу.

Ангелика же взяла Хвата за плечи и подтолкнула к чаше.

— Поди, это нужно тебе.

Алексей снова повиновался и безропотно открыл рот. Батюшка перекрестил его и положил смоченный в вине кусочек пресного хлеба на язык.

— Тело и кровь Христовы.

Алёшка потянулся за кружечкой со святой водой, запить хлеб. Они были последние в очереди за телом и кровью Христовы. Ангелика стояла чуть в стороне. Батюшка поднял на неё глаза и замер. Старческие руки затряслись, чаша наклонилась и упала бы, но девушка вовремя подоспела. Ангелика поддержала чашу, лишь несколько капель расплескалось и упало на её руку. Старик посмотрел на эти капли, поднял глаза на девушку, и его лицо озарилось благоговейной радостью.

— Я пролил кровь Христову, — прошептал он, и слёзы покатались по морщинистым щекам.

— Так было задумано Богом. — Ангелика улыбнулась ему. Батюшка прижался губами к её руке и осушил вино.

— Ты благословен, — прошептала девушка священнослужителю и быстро вышла из церкви, увлекая за собой Алексея.

Вечером Ангелика простилась с друзьями.

— Мне пора покинуть вас. Возможно, наши пути не пересекутся, но я рада встрече с вами. — Девушка поклонилась им и быстро ушла. Ни Лерка, ни Хват не успели ничего сказать.

Возвратились на пляж невесёлые. Толик встретил их угрюмый и злой и изъявил желание вернуться в Москву. Лерка пожал плечами и согласился. Алексей пошёл в последний раз взглянуть на каплю. Та подбиралась к воде и не думала исчезать.

— Что же ты такое? — закричал он и кинулся собирать сучья на костёр. Сложил дрова большой кучей и поджёг. Пламя неохотно разгоралось, но вот алые язычки лизнули каплю...

Сильный взрыв отбросил Хвата к лесу. Ударившись о ствол дерева, он потерял сознание.

...Боль... алые круги перед глазами. Он то приходил в себя, то снова проваливался в небытие. Наконец, смог открыть глаза. Над головой болталась капельница. Машина скорой помощи мчалась в город, подсакивая на плохой дороге. Каждый такой подскок дикой болью отзывался в груди и правой ноге. Рядом сидела Ангелика и гладила его по руке. Боль утихала. Хват хотел спросить и не смог, в горле пересохло.

— Лежи спокойно. У тебя открытые переломы. Но всё будет хорошо.

— Я хотел узнать, — всё же прошептал он.

— Знаю. Спи! — приказала она, и он уснул.

...Всякий раз, проходя в себя, Алексей видел возле своей постели Ангелику. Синие глаза вглядывались в его душу и приказывали спать. Но вот настал день, когда он проснулся и почувствовал себя намного лучше. Грудная клетка и нога, замурованные в гипсе, уже не мучили. Ангелика всё так же сидела рядом, гладила его руку и ласково смотрела в глаза.

— Ты меня осуждаешь? — спросил он и сжал её пальцы. Она отрицательно покачала головой.

— Я только хочу понять, хочу обрести смысл. — То, что жаждет поведать душа, в словах не передать.

С мукой в глазах, Алексей замолчал, понимая, что ничего объяснить не сможет. Ни то, что в сердце, ни то, что в душе.

Ангелика погладила его по щеке, и светлое тепло наполнило его душу.

— Я расскажу тебе одну легенду, — сказала она.

Хват успокоился и стал слушать.

— Давным-давно, когда не было ни времени, ни жизни, задумал Бог вселенную и сотворил её. А чтобы легче ему было следить за порядком, создал Он Себе помощников — ангелов и Райский Сад, в котором ангелы жили и отдыхали. И надо тебе сказать, прекраснее Рая нет ничего во Вселенной. Не было среди множества миров, сотворённых и придуманных Богом, совершеннее этого места. Затем создал Бог главную мечту Свою — Человека. Всё дал Он ему — и душу, и свободную волю, и власть царствовать над миром и судить. Созвал Бог ангелов и велел им поклониться человеку, своему смертному сыну. Ангелы поклонились, а один из них не захотел. Не исполнив волю Бога, этот ангел нарушил Его завет. Ничего не сказал Бог. Но ангелы, верные Ему, низвергли нарушителя с небес на землю. Лишился он Дома своего и, скитаясь по мирам, понял, что он потерял*.

То был час раскаянья.

Падший Ангел сидел на вершине Синая и думал о навсегда потерянном Доме. О прекрасных садах и любящих его когда-то ангелах. Он сидел на вершине, и такая мука переполнила всё его существо, что Падший пролил слезу. Одну-единственную. А надо тебе сказать, ангелы не умели тогда плакать. Потом Падший удалился из мира людей строить своё тёмное царство, а его слеза раскаянья так и осталась висеть в воздухе. Время идёт... Вращаются планеты вокруг солнца, разбивается человек, а слеза так и висит в пространстве. Иногда ангелы видят её, иногда люди.

И даже, когда всё живое свернёт своё бытие и погрузится в сон по воле Господа Бога, слеза Падшего Ангела не исчезнет, но всё так же будет висеть во мраке светлой каплей. Вечным напоминанием о потерянном Рае...

Закончив легенду, Ангелика снова приказала Алексею уснуть. И больше он её уже не видел. Приходил Лерка, приходил Толик. Хват спрашивал о ней, но те лишь пожимали плечами. Когда же Алексей рассказал о том, что она постоянно была в больнице и ухаживала за

* История взята из книг Зогар (книги Сияния — относятся к Ветхому Завету).

ним, они очень удивились, ибо ни разу её не встречали, да и не пускали никого в реанимацию. Ангелика исчезла.

Через месяц Хват поправился и поехал в деревню Православная. Долго бродил по знакомому пляжу, разглядывая последствия взрыва. Обгорелые ветви деревьев укоризненно скрипели над его головой, из воды торчали чёрные стебли камышей. Алексей облазил оба берега, прочесал растущие поблизости кусты шиповника. Весь исцарапался, но светящейся капли так и не нашёл.

Вечерело. Солнце близилось к закату. Хват побрёл в деревню. Ноги сами привели его в маленькую церковь. Аромат ладана стоял в зале, потрескивали догорающие свечи. Старый священник готовился к вечернему богослужению, протирает стёкла на иконах, убирает потухшие свечи. Увидев Алексея, он ничего не сказал, перекрестил только и ушёл за иконостас.

Юноша стоял в зале и пытался понять, что же привело его сюда. Взгляд скользил по иконам. Вдруг над его головой раздался колокольный звон. Хват поднял голову и впервые увидел подкупольный рисунок. Разглядел крылатых зверей по углам, Святую Троицу и двух ангелов по обе стороны. Он замер... знакомые синие глаза взирали на него с купола.

АНГЕЛИКА!

Те же золотые кудри, та же рубашка до пят, перевязанная цветной лентой. За спиной расправленные лебединые крылья. У него перехватило дыхание. Колокольный звон гудел теперь не только в церкви, но и в его голове.

Ангел Лика Господня всё так же строго смотрел на него с купола, застыв в полёте. А когда колокольный звон отзвенел и гудение прекратилось, Алексей услышал тихий знакомый шёпот в своей голове: «...даже когда всё живое свернёт своё бытие и погрузится в сон по воле Господа Бога, слеза Падшего Ангела не исчезнет, но всё так же будет висеть во мраке светлой капель. Вечным напоминанием о потерянном Рае...».

г. Москва

Место в Раю

Глава 1. Начало

— Почему нас не пускают, почему не пускают меня? В моей жизни было достаточно испытаний. Я заслужил своё место в Раю! — раздался раздражённый голос из толпы. Они стояли у моста и не знали, что делать дальше, — души мужчин и женщин, переступившие порог смерти. Они выглядели почти как при жизни, сохранив земной облик, но утратив телесность и потому не испытывая ни голода, ни жажды. Постовой ангел смотрел на них, и на его светлом лице невозможно было угадать какие-либо чувства. За спиной ангела светился серебристый мост. Редкими группами, а чаще в одиночку по мосту шли души тех, кто получил право обрести своё место в Раю. Вот к Постовому подошёл очередной ожидающий, ангел взглянул в него и негромко проговорил:

— Радуйся! Тебя ждут!

Душа просияла и ступила на узкую полоску моста и осветила себе путь внутренним светом — самой лучшей лампадой в промежутке между мирами. Однако не всем выпадала честь пройти по серебристому мосту, вот и сейчас вблизи Постового ангела скопи-

лась небольшая группа. Один из вновь представленных бушевал и не желал успокаиваться. Некоторые пытались его мягко утихомирить, набраться терпения и подождать, но эти попытки не приносили желаемого результата. Как только Постовой оказался свободен, неугомонная душа мужчины снова подступила к нему с вопросами.

— Почему меня не пускают?

Ангел посмотрел на него и спокойно ответил:

— Разве я преградил вам путь?

— Нет, но скорее всего из-за вас я и не могу пройти. — Мужчина попытался ступить на ленту моста и снова наткнулся на невидимую стенку.

— Но другие же идут! Другие проходят по мосту, а я не могу. Чёрт! И не только я, эти вон тоже пройти не могут.

— Не могут. Вам не определено место в Раю.

— Что значит «не определено», в Раю места что ли мало?! И кто «определяет» это место? Здесь вообще могут объяснить в чём дело? Если я умер, это ещё не значит, что я должен болтаться целую вечность у какого-то моста и ждать неизвестно что!

На лице ангела появилась мягкая полуулыбка, и он с готовностью ответил, видимо, делая это не в первый раз.

— В Раю хватит места для всех. Рай достаточно обширен, чтобы уместить не только вас, но и всех тех, кто ещё остался на земле. Именно поэтому каждый человек в Раю должен быть на своём месте. Представьте на мгновение, что пришло время отойти в Лучший мир кому-то из ваших близких, возникли трудности и срочно понадобилась ваша помощь. Как же вас найти в Раю, если никто не знает, где вы находитесь?

Мужчина нетерпеливо махнул рукой в знак согласия:

— Ну, хорошо-хорошо, я признаю, что порядки здесь не в пример земным. Но кто? Кто определит моё место в Раю?

Постовой поманил к себе остальных людей, которые не могли пройти по мосту, дождался их и с улыбкой ответил:

— Место в Раю определяет ваш Ангел-Хранитель!

На какое-то время воцарилось полное молчание, кто-то из них глубоко вздохнул, кто-то недоуменно покачал головой, а мужчина, затеявший этот разговор, развёл руками:

— Чудесно! Жизнь прожил, звать не знал, что какой-то ангел, да ещё хранитель будет моё место в Раю определять. Никто меня

не «охранял», и я ни разу за всю свою жизнь присутствие ангела не ощущал. Я вообще неверующий!

— Однако Ангел-Хранитель у вас был. Знаете, иногда на земле так случается, человек живёт, и в силу только ему известных причин Хранитель отворачивает от него лик свой и удаляется, предоставляя человека самому себе.

— Что же, от всех нас ушёл Ангел-Хранитель?! — подала голос молодая красивая женщина.

— Да.

— Что же нам теперь делать? — спросили дед и бабка. Было видно, что эти двое прошли всю земную жизнь вместе.

— Вам нужно отыскать Ангела-Хранителя и попросить его о помощи.

— Хорошенькое дело, и где его теперь искать?! — в разговор вступила девушка угрюмого вида, она внимательно слушала весь разговор и недовольно хмурила брови.

— Оглянитесь. В преддверии Рая для тех, кто не может находиться в Обители Божьей, растёт вечно-зелёный лес и течёт широкая река. В этих местах часто появляются Хранители, возможно, там вы сможете отыскать и своего.

Постовой ангел отвернулся от них, дав понять, что всё объяснил и им стоит начать свои поиски.

Восемь душ человеческих отошли от моста и решили посоветоваться.

— Смерть?! Ну кто бы мог подумать, что после жизни мне придётся искать какого-то Хранителя, что Ад и Рай не пустые бредни проповедников, — снова возмущился мужчина.

— Так странно всё! Я себя ощущаю легко, но как-то тягостно, словно придавливают что-то, и курить совсем не хочется... Раньше я и часу без сигареты не могла прожить, а тут ни курить, ни поест нет желания... — проговорила женщина с измождённым лицом.

— А я, знаете, без кофе не могла, тоже не хочу. В голове ясно, раньше даже в мыслях запинаясь, прыгала с одной темы на другую, а сейчас всё встало на свои места, — откликнулась другая женщина с большими печальными глазами.

— Божечки мой! Божечки мой! — громко причитала бабка, уткнувшись в плечо своего старика. — Что же делать, где нам его искать,

мы же ничего тут не знаем! Дом оставили, хозяйство оставили, кто подоит моих коров? Картошку надо выкопать и продать, а кто это сделает? Дети разъехались... — Неожиданно она подняла голову и, ткнув старика в грудь, зло крикнула: — Старый, ты забыл сено перебросить под зимний навес!

— Ах, забудьте вы про своё сено и картошку! — воскликнула раздражённо женщина с красивым лицом.

— Как же забыть, такие дожди идут, оно же сгниёт! — возмутилась бабка, однако дед её одёрнул и громко шикнул:

— Молчи, старая!

Угрюмая девушка ухмыльнулась:

— Бабуля, не до вашего сена тут, нам бы Ангела-Хранителя найти, вот задача из задач!

— Идите вы к чёрту со своим сеном, — махнул рукой мужчина, — я вообще не понимаю, что вы привязались к нам. Идите своей дорогой, а мы пойдём своей!

Дед и бабка вжались друг в друга и испуганно посмотрели в сторону леса.

— Подождите, нельзя же так, — заступилась за них женщина с печальными глазами, — если мы вместе, значит, в этом какой-то скрытый смысл, нам не следует разбредаться по одному. Никто не знает, какие испытания таит в себе этот лес...

— Какой ещё смысл, не выдумывайте. Я сам из Москвы и что-то не припомню, чтобы при жизни встречал кого-то из вас! — отрезал раздражительный мужчина.

— Я тоже из Москвы! Моё лицо вы могли видеть, я актриса и снималась в кино! — вступила красивая молодая женщина.

Мужчина скривился:

— Я не смотрю тупые сериалы!

— Я играла не только в сериалах, но и в серьёзных популярных фильмах! — обиделась актриса.

— Перестаньте! — отрезала угрюмая девушка. — Лично я из Иркутска!

— А мы из посёлка Октябрьского Тюменской области! — набравшись смелости, сказал дед.

Женщина с печальными глазами кивнула:

— Я живу в Санкт-Петербурге, — сказала она, смутилась и сразу тихо поправила, — жила...

— Я из Кургана! — откликнулась женщина среднего возраста с измождённым лицом.

Из восьми человек молчал только один, это был седой, но ещё не старый мужчина в чёрной рясе, у него на шее висел большой крест. Никто не сомневался в том, что при жизни этот человек был священником. Он крепко держал свой крест в руках и тихо шептал одну молитву за другой. Все повернулись в его сторону и выразительно посмотрели ему в глаза. Батюшка мужественно выдержал всеобщий взгляд и сказал густым голосом, привыкшим говорить громко и чётко:

— Меня зовут отец Афанасий, я из Омской епархии, игумен.

— Что? Пришла пора знакомиться?! Меня зовут Сергей, бывший инженер, окончивший свои дни частным предпринимателем! — усмехнулся, недовольный своим положением и всеми послесмертными тайнами, мужчина.

— Светлана Раздольная! — с вызовом сказала красавица актриса.

— Вера, — не заставила долго ждать угрюмая девушка.

— Владимир, моя жена Матрёна... — представился за обоих дед.

— Зинаида, — сказала женщина с измождённым лицом, — я тоже была частным предпринимателем.

— Наталья, приятно познакомиться, — тихо проговорила женщина с печальными глазами и так же тихо добавила: — Библиотекарь.

— Очень приятно! — съязвил Сергей. — Что делать будем, люди добрые?

— Вы знаете, и я тоже чувствую, что мы встретились неспроста, хоть мы и из разных городов, но нас что-то удерживает вместе, — сказала Зинаида и оглянулась на серебристый мост. — Посмотрите, мы такие не одни, — и она кивнула в ту сторону.

Все обернулись и увидели: действительно не все души сразу проходили на мост, некоторые собирались в отдельные группы и пытались договориться с Постовым ангелом, тот что-то им говорил и указывал на густой зелёный лес.

— Что же это значит? Может, нам присоединиться к другим, всё-таки не так страшно бродить по лесу, когда нас больше, — предложила Светлана.

— Мы не можем, разве вы не чувствуете? — сказала Вера, и все признали её правоту. Неведомая сила держала этих людей вместе и не позволяла приблизиться к другим группам.

— Я одного понять не могу, — взорвался Сергей, — почему именно мы вместе? Мы из разных городов, у нас разные профессии, я вас всех знать не знаю!

— Потому что у нас... у нас один Ангел-Хранитель! — сказала Наталья и нервно сцепила руки на груди.

— Точно! Я тоже об этом подумала, — поддержала её Зинаида, — неважно, что мы из разных городов, что Ангелу расстояния?! У нас один Ангел-Хранитель на всех!

— Это ещё надо доказать! У меня ничего общего с вами нет! — отрезал Сергей.

— А это обязательно, чтобы у нас было что-то общее? — возмутилась Светлана.

— Да не спорьте вы, — оборвала их Вера, она хоть и выглядела девочкой, но дни окончила в пожилом возрасте и командовать людьми умела.

Между ними возникла перепалка, в которую вступила и Зинаида. Наталья смотрела на густую стену леса и не решалась признать, что её неудержимо тянет туда. Отец Афанасий предпочитал оставаться чуть в стороне и беззвучно молился. Бабка Матрёна причитала в плечо своему деду, и было слышно, как между всхлипами она задавала мучащие её вопросы: Как же сено? Кто продаст картошку? Кому достанется дом? Кто подоит коров?

Дед вздыхал, гладил её по спине, вслушивался в спор и, наконец, решил сказать:

— Может, нам спросить у того ангела, что стоит у моста?

Спор прекратился, все посмотрели на Пстового ангела.

— Нет уж, увольте, я к нему не пойду! — тут же отрезал Сергей и отвернулся. Милосердный взгляд невозмутимо доброго ангела высвечивал в предпринимателе все его слабости, а в своих слабостях он не признавался никому и уж тем более не хотел их почувствовать вновь.

— Я пойду, — сказала Наталья, и все остальные облегчённо вздохнули.

Женщина решила действовать. Тяга в лес становилась всё сильнее, но она понимала, что без остальных и шагу не ступит под сень развесистых деревьев. Она повернулась в сторону Пстового и, подобрав полу платья, поспешила к мосту. Несмотря на то что все они находились в промежуточном месте — между реальным миром

и Раем, о котором они не имели никакого понятия, никто не отменил наличие одежды. Наталья не могла похвастаться разнообразием в своём гардеробе и потому очнулась от смерти в своём любимом, вязаном платье до пят с длинными рукавами, в котором всегда чувствовала себя комфортно и тепло.

Вся компания пристально наблюдала за тем, как женщина приблизилась к ангелу, дождалась, когда он окажется свободным, смущённо преклонила перед ним голову и задала один-единственный вопрос. Ангел посмотрел в сторону её новых знакомых, потом заглянул в её глаза и, улыбнувшись, кивнул. Женщина поблагодарила Пстового лёгким поклоном и вернулась к остальным. Не было нужды пересказывать ответ, все и так понимали по кивку невозмутимого ангела, что у всех у них один Ангел-Хранитель и что нет иного выбора, как идти в густой лес и искать его там.

Глава 2. Встреча в лесу

Восемь неопределившихся душ подошли к таинственному лесу, и все они ощутили исходящую от него неведомую силу. Некоторое время они наблюдали за тем, как маленькие неуверенные группы вступали под сень густой листвы и исчезали, поглощённые зеленью. Наконец, Наталья сделала шаг к лесу, потом ещё и повлекла за собой всех остальных. Потерявшие милость своего Ангела-Хранителя, они шли за ней. И только священник нехотя брёл позади всех.

Наташа уверенно ступила под густые кроны и с удивлением обнаружила, что в лесу не так уж темно. Сквозь ветви вековых дубов виднелись островки нежно-фиолетового неба с чистыми огоньками звёзд. В необычном лесу не было дорожек, вытопанных животными, но стоило сделать шаг вперёд, как в густой траве тут же обнаруживалось продолжение тропинки. Наталья шла первая, словно своим намерением прокладывала путь, хотя совершенно не знала, куда идти. Остальные следовали за ней.

Зинаида с удивлением заметила вокруг себя мутное оранжевое свечение. Она присмотрелась к остальным и обнаружила, что и другие светятся: кто еле заметно, кто сильнее, и цвет этого странного свечения у всех был разный. У ведущей всех Натальи был розовый свет, который пробивался сквозь её плотное платье и освещал ей путь. За Наташей, след в след, следовала девочка Вера с голубоватым свечением, потом шёл упрямый Сергей, и его свет был неприятно коричневый.

Зина обернулась назад, чтобы посмотреть на остальных. Дед и бабка, как два фитилька одной свечи, испускали зеленоватый свет. Бывшая актриса была словно в жёлтом облаке, и только у священника это свечение было неразличимо. Казалось, он пребывал в темноте: чёрная ряса делала его похожим на призрака, окутанного мраком. Но неожиданно ветви деревьев над его головой расступились, и при свете звёзд Зинаида увидела, что чёрный свет на самом деле был фиолетовым, только очень мутным. Это была их общая особенность.

Неожиданно женщина увидела, как священник поднял руки и посмотрел на них, он тоже заметил это необычное свойство. Он шёл самым последним, по чужой воле, не по своей, ибо воля семерых была сильнее его самого. Он смотрел на свои тускло сияющие руки и шептал: «Сказано было, Господь в сердце вашем подобен лампаде, Он осветит вам путь во мраке жизни... Где же моя лампада, Господи? Где же моя лампада?...».

Наконец деревья расступились, и путники вышли на небольшую поляну, которая оказалась берегом широкой реки. На поляне горел небольшой костёр, а у костра сидел одинокий незнакомец в плаще с широким капюшоном на голове, на его коленях лежал посох.

Наталью охватило необъяснимое волнение, голова закружилась, и она упала бы на колени, если бы не Сергей. Он хотел первым подойти к костру, но заметил, как женщина зашаталась, и инстинктивно подхватил её под руки, после мысленно спрашивал, чего это он вдруг решил её поддержать.

— Вам плохо? — удивлённо спросил он.

Женщина очень смутилась, но глубоко вздохнула и отвела от себя его руки:

— Спасибо, мне лучше, что-то голова закружилась.

Он пожал плечами и пошёл к костру. Пока Сергей разговаривал с незнакомцем, все сбились в кучку и ждали. Над головой светили звёзды, тихо шелестели листья, на другом берегу реки мерцали костры, и, хотя никому не было холодно, небольшой костерок незнакомца манил к себе. Наконец Сергей махнул им рукой, и они решились подойти.

— Подходите, не бойтесь, — пригласил их незнакомец.

— Чёрт его знает, что за место?! Здесь бывает день? А солнце появляется или здесь всегда ночь? — возмутился предприниматель, обращаясь к владельцу костра.

— Место как место. Это Лимб! Радуйтесь тому, что здесь лес и можно костёр развести! У скандинавов, между прочим, промежуточный мир — одна сплошная снежная пустыня с ледяными осками айсбергов и завываньем ветра, — не вполне дружелюбно ответил незнакомец.

От его голоса у Натальи опять закружилась голова и подкосились ноги.

— Что стоите, как статуи, усадите её! — неожиданно крикнул он, однако сам остался сидеть на своём месте.

Все засуетились и обнаружили, что вокруг костра лежит несколько брёвен, на которых вполне можно посидеть. Наташа села между Верой и Зинаидой и боялась поднять глаза на незнакомца.

Мужчина откинул капюшон с лица и внимательно на них посмотрел:

— Хорошая компания подобралась: два предпринимателя, один из которых не преуспел, догматик с крестом на шее, актриска без моральных ценностей, два навозных жука, капризная девчонка и книжный червь!

Все онемели от неожиданной реплики, однако Светлана гордо подняла голову и сказала:

— Мы благодарны вам за то, что можно посидеть у вашего костра, но слушать ваши оскорбления мы не намерены!

— Дорогуша, я сказал правду, а правда не оскорбление, — усмехнулся незнакомец.

— А вы вообще кто? — решила спросить Вера.

— Я, Проводник.

— И кого ты ведёшь? — теперь спросил Сергей, у которого неожиданно возникло к незнакомцу отчуждение.

— Я веду тех, кто заплутал на Путиях.
— А мы... — начала объяснять Зина, но Проводник махнул рукой и перебил её.

— Я знаю, кто вы! Души непутёвые, без права на Духовный Мир! Надо же было так жить, что Ангел-Хранитель всех покинул.

— Нам бы найти Ангела-Хранителя, — подал голос дед. — Бабка так и не отпустила его плеча и продолжала тихо причитать и жаловаться:

— Божечки мои, что же делать, как же быть? Дом, мой дом, а картошка, а сено, что будет с сеном, идут такие дожди!

— Всё сгниёт! — резко сказал владелец костра и воткнул свой посох в землю.

— Зачем вы так! — не сдержалась Вера. — Они, может быть, до сих пор не осознают, что они не на земле и что всё это только видимость.

Проводник наклонился вперёд так, что отблески костра ярко осветили его лицо, и посмотрел Вере в глаза:

— Милочка, это там видимость, а здесь истинная реальность! Посмотрите на себя, посмотрите! Вы то, что на вас есть!

Вера сразу притихла и виновато опустила глаза. Она всю жизнь жила чужим счастьем, много требовала и мало отдавала сама. Добилась уважения на работе, добилась квартиры и достатка и вполне могла себе позволить дорогую машину — автокатастрофа оборвала её жизнь, и вот она сидит на бревне в потёртых джинсах, кофте с длинными рукавами — подарок подруги и чёрной тёплой жилетке на красной молнии. Она прожила больше пятидесяти лет, но сейчас выглядела двадцати-пятилетней девушкой с короткой стрижкой на голове.

Другое дело Светлана, — у актрисы при жизни шкаф для одежды занимал большую часть спальни, и каких только платьев и костюмов там не было, однако в промежуточном мире она появилась в спортивных штанах и ветровке. Её жизнь оборвалась внезапно и глупо, её актёрская слава набирала силу, и надо было ей именно в этот момент позволить себе отдых на Канарских островах. Самолёт, на котором она летела, — разбился. В сущности, она, как и все, не сразу и поняла, что умерла.

Из двоих стариков первым умер дед — рак желудка или что там ещё выдумали медики в его восемьдесят четыре года. Всю жизнь

только и знал, что заботы большого, но пустого дома, хозяйство не позволяло ни отдыхать, ни расслабляться. Какое уж там расслабление, когда Матрёна всё время его погоняла: то надо сено заготовить, то картошку окучить и выкопать, то побольше содрать за продажу мяса. Бабка после его смерти недолго прожила, чуть больше года, доила своих коров, и неожиданно сердце прихватило — так с полным подойником молока и завалилась под брюхо своей пеструшки. Матрёна с детских лет была глуховата, но всю жизнь жила с мыслью о достатке и важность денег ставила превыше семейного счастья своих детей. Не сразу и поняла, что померла, вроде упала, но вскоре поднялась и пошла искать деда в дом, а как нашла, вцепилась в плечо мёртвой хваткой — вместе жизнь прожили, в земле копались, вместе и после смерти век коротать. К мосту пришли, словно только что из сарая, в старых валенках и тёплых фуфайках.

Сергей поглядывал на Зинаиду и отворачивался — вот и разбери, кто из них успешный предприниматель. На Зине болталась старая майка и брюки неопределённого вида. Так и он не в костюме-тройке сидел. На теле футболка с короткими рукавами и короткие шорты — любимая дачная одежда. Ни золотой толстой цепи на шее, ни кожаных крутых штанов, ни красавца мотоцикла. Сергей сначала был инженером, но достала нищета, и он, собрав последние деньги, удачно крутанул их на бирже и к сорока пяти годам стал богатым холостяком. Жёны были, и не одна — три! Он так и говорил в компании друзей: моя первая жена умела хорошо готовить, вторая финансы вести, а третья по подиуму цокать! Считал, что это очень эффектно звучит, однако к пятидесяти годам подкатила одинокая старость и тоска. Стал Серёжа-предприниматель водочку попивать да на мотоцикле по ночной Москве рассекать и плевать на правила дорожного движения. Доплевался — со всего маху врезался в бетонную стену новостройки, благо в дом заселиться никто не успел. Очнулся — над головой звёзды, перед глазами мост и Постовой ангел.

Зинаида сидела у костра и пыталась отогнать неотвязные мысли о земных долгах. Сначала её предпринимательская работа давала немалый доход, она открыла магазин, отмывала деньги, забеременела и решила на радостях купить новый большой дом. Взяла ссуду в банке, и тут её жизнь словно кто сглазил. Ребёнок родился больной, магазин разворовали, компаньоны подставили, поручители по ссуде

не давали спокойно жить. Остаток жизни прошёл в выплате многочисленных долгов. Жизнь жила, и всегда казалось, что несправедливо: всегда был кто-то, кто жил лучше, чем она. Перед смертью она располнела, а умерев от сердечного приступа, пришла в себя перед мостом, как тогда — кожа да кости, нервная, измученная, с глубокой завистью к чужому благополучию.

Отец Афанасий крепко держал крест в руках и призывал все свои силы сосредоточиться на молитве. Всё тлен и суета. Сатана испытывает его в вере, и потому видится ему всякое мракобесие — эти люди-тени, лес и Проводник, всё это наслано нечистым духом. Надо выстоять, надо молиться Христу и дожидаться небесного света. Отец Афанасий был грешен, но все грехи свои он считал незначительными, давно их отмолили и обсудили на исповеди, а после смерти должен был отмолить его душу сам епископ Омской епархии. Отец Афанасий, а в миру Николай родился в семье рабочих, войну прошёл, духом выстоял, после принял постриг и стал самым рьяным служителем Церкви. Строил часовни, без усталости разъезжал по области, добивался денег в администрации и нещадно клеймил всех, кто имел пристрастие к другим религиям и сектам. Долгую жизнь прожил батюшка, умер в рясе и очнулся в ней, только выглядел он не седым старцем, а зрелым мужчиной, которому перевалило за сорок лет.

Наталья сцепила руки на груди и боялась посмотреть в лицо незнакомцу. От голоса Проводника кружилась голова, а в лице, увиденном вскользь, померещились ей любимые, полузабытые черты. Женщина вглядывалась в лепестки костра, и исчезал ночной лес вокруг неё, вставали стены домов, стелилась мостовая самой знаменитой улицы в Москве. Кто не знает Арбат, тот не знает духа столицы. Давно это было, молодой девушкой приехала она в Москву в гости к тётке и вместе с подругами пошла на знаменитую улицу и там встретила его...

— Как бы там ни было, вы можете нам помочь? — спросила Зинаида. — Вы знаете этот лес и его правила, быть может, вы также знаете, где нам искать своего Хранителя?

Проводник хмуро на них посмотрел и ответил:

— Знаю и могу помочь, но моя помощь будет не безвозмездной.

— Отлично! И чем же нам отплатить за помощь, ни денег, ни счёта в банке, ни квартиры у нас теперь нет! — раздражённо воскликнул Сергей.

Незнакомец хрипло рассмеялся:

— А мне ваши деньги не нужны! Здесь, знаете ли, другие ценности. Каждый расскажет о самом горьком и о самом счастливом своём дне в жизни, но это не всё. Когда будете развлекать меня своими рассказами, каждый из вас бросит в мой костёр свою кость! Другого способа у вас нет, можете мне поверить. Кроме меня, больше никто не возьмётся вам помогать.

— Почему никто? — испугалась Зина.

— Я знаю вашего Хранителя, он носитель Любви Господа! А вы все — все до единого — согрешили против этой любви! Вот почему ни для кого из вас нет места в Раю.

Глава 3. Взвесить и измерить

— Чёрт, побери! — процедил сквозь зубы Сергей, хотел сплюнуть и не смог — слюны не было. — Объясни мне, нам действительно так необходимо найти Хранителя? Может, я без него обойдусь, и здесь люди есть, а где есть люди, там всегда и дело найдётся!

— Можешь и обойтись... — усмехнулся Проводник и поворошил посохом поленья в костре, отчего костёр загорелся ярче. — Только тем, кому нет места в Раю, назначается Адова мука.

Дед и бабка дружно охнули.

— Как же? Вечность терпеть Адову муку? За что? — в голос запричитала Матрёна.

— Ад не бывает вечным, — поморщился незнакомец, — однако и здесь без Хранителя не обойтись, он взвешивает прожитую жизнь и определяет время Адовой муки, и у каждого она своя.

— А в лесу остаться нельзя? — поинтересовалась Света, она до конца не верила странному владельцу костра.

— Вы не сможете. Это не простой лес, не забывайте, милочка, вы умерли, а здесь другие правила. Сюда можно попасть на время, получите необходимое прозрение и прощайте на веки вечные.

— Разве тут есть время? — спросила Вера и поёжилась, ей неожиданно стало холодно.

— Конечно, есть! У вечности свои границы, а вам до вечности, как до Нирваны, ползком на пальцах. Короче, когда на земле проходит год, здесь этому отрезку времени противопоставляется один день. Так что за один небесный день год Адовых мук! — Проводник весело усмехнулся.

— Неужели Адовы муки не прекращаются ни на минуту? — снова поинтересовалась Светлана.

— Почему же, если о вас вспоминают с благодарностью или молятся о вашей душе — это очень облегчает мучительные переживания.

Стоявший в сторонке отец Афанасий жарко перекрестился и поцеловал крест на груди.

— Вы, батюшка, не расслабляйтесь, я сказал помолиться, а не молебен заказать, — громко сказал Проводник и выразительно посмотрел в сторону священника. — Молитва — это добрые мысли, благодарность за добро и поддержку, светлые воспоминания и чтобы искреннее чувство тепла и любви при этом, не меньше!

— Это ж сколько перепало страдать Сталину и Гитлеру, — прошептала Зина, в уме прикидывая небесные дни предполагаемых Адовых мук.

— Всегда ты, Зинка, так, примериваешься к чужой судьбе и жизни, а лучше бы на свою жизнь посмотрела! — оборвал её владелец костра, не скрывая своего раздражения.

— Из всего бреда, что я здесь услышал, я понял, что сижу здесь из-за Ангела-Хранителя, который от меня ушёл, — выступил Сергей, — вот объясни мне, в чём тут моя вина? Он ведь сам ушёл, я его не гнал, не отказывался от его помощи (если бы помощь была), я даже не представлял, что он вообще существует!

— Вот оно как, а в церковь зачем ходил? — изумился Проводник.

— Все ходили, и я ходил... — отмахнулся Сергей.

— Ой ли? Кто мог навязать тебе мнение и взгляды, когда ты сам всегда для себя всё решал, ты же самодостаточен, как бревно, на котором сидишь. Тебе страшно было, всё есть, а жил один, ты же от одиночества и тоски на своём мотоцикле рассекал. С тобой родная дочь знаться не хотела, хотя ты ей и квартиру в центре Москвы купил, и дорогую машинку на свадьбу подкатил. Ты себя обманывал, только этого обмана хватало до следующего трезвого дня! Приползёшь в церковь, изолёшь душу и снова в кабак!

Сергей вытянулся в струну и хотел возразить, но Проводник не дал ему слово произнести.

— Кто тебе шептал в душу, что надо остановиться. Бросишь пить — и вернётся жена; перестанешь воровать и копить деньги — и родная дочь больше не будет бояться, что её очередной раз украдут и утащат в подвал, чтобы вытребовать у тебя за неё выкуп. Мало тебе было, что её изнасиловали там! Тебя это не остановило, а когда её сына, а твоего внука украли, она прокляла и тебя, и деньги твои. Ты, конечно, отдал за внука отменный куш, только это её не смягчило. Она смерти твоей обрадовалась! До сих пор Бога благодарит, что Он тебя к рукам прибрал! — на одном дыхании выпалил Проводник, и пламя костра отражалось в его глазах багровыми всполохами.

На некоторое время в воздухе на берегу реки повисло тягостное молчание.

— Ангел-Хранитель должен взвесить и измерить наши судьбы, а если... а если мы не найдём его, что с нами произойдёт? — от отчаянья Вера решилась нарушить тягостное молчание.

Проводник пренебрежительно пожал плечами:

— Неприкаянных призраков на земле хватает.

Светлана не выдержала и поднялась с бревна, трагично заламывая руки, она металась около костра и кричала:

— Я не понимаю, почему мне уготована Адова мука? Вы всё врётё, вы просто пугаете нас, мы же ничего тут не знаем, а вы пользуетесь. Я умерла молодой! Я обязана быть в Раю!

— Актриска взбунтовалась, — съехидничал незнакомец и весело хохотнул. — Дамочка забылась, что за почти тридцать прожитых лет успела набедокурить на несколько лет Адовой муки. Ты вспомни, красавица, как ты взбиралась по карьерной лестнице, а я тебе помогу, напомним. Начнём с мальчика, за которого ты хотела выйти замуж, но, получив выгодную роль, от замужества отказалась, более того, сделала аборт, а ему не сказала, что беременна. Твои родители очень огорчились, конечно, только мамочке хотелось видеть свою дочь знаменитой, и она даже с врачом договорилась. Мамочка закрыла глаза и на то, что любимая доченька совратила немолодого режиссёра, отца двоих детей. А ты и рада была, разбила семью, а потом и режиссёра бросила, за ненадобностью. Никто на земле тебя святой не назовёт, а здесь и подавно! Сядь на бревно и прижми свой зад, тебе ли на Рай претендовать!

Женщина села на бревно и нервно захныкала. Дед Владимир долго молчал, внимательно слушая недружелюбного Проводника, но, наконец, решился спросить:

— Я прожил с бабкой до старости, мне, должно быть, Ангел много отмерит?..

Проводник впервые по-доброму улыбнулся:

— Да ты, дед, у нас самый менее грешный оказался, ты больших грехов не наделал, самому себе только навредил, за это, может, небесный денёк всего Адовой муки будет...

Дед облегчённо вздохнул и только хотел о дочери своей спросить, которая умерла несколько лет назад от раковой болезни, но владелец костра не дал ему сказать.

— А вот бабке твоей крепко достанется за грехи её тяжкие!

Матрёна охнула и в голос запричитала:

— Да что же это, я всю жизнь работала, отдыхала не знала, детей вырастила, внуков подняла. В церковь каждый месяц ходила. В детстве мать застудила, так я на оба уха почти оглохла. Сколько добра людям раздала!

— Так ведь не бесплатно раздавала, старая карга, ты же за ведро картошки удавить была готова. Всё деньгами измеряла, за добро чтоб добром платили, а не заплатят, ты сама припомнишь, ещё и попе-няешь. Деда не жалела, ему операцию на желудок сделали, он едва с постели поднялся, так ты его в холодные дожди за сеном отправила на другой берег реки, боялась, что полный сарай коров без корма передохнет. Никого не нанимала, денег жалела. А в церковь ходила из-за страха, ты же приколдовывала и тоже за деньги! Испуг младенцу заговоришь, а с благодарной дурочки мамы — то дорогую кастрюлю, то комплект постельного белья. Двоих дочерей родила и обеим семейную жизнь сломала!

— Так их мужья пили все, проклятые! — неожиданно взвизгнула старуха так, что все подскочили на брёвнах.

— Так они бы и не пили, если бы ты порчу на них своей злобой не наводила, курва!

Зинаида не выдержала:

— Не ругайтесь, зачем вы так.

Проводник выпрямился:

— Конечно, Хранитель вас никогда не ругал, а надо бы! Был бы жёстким, как я, не пришлось бы ему уходить.

— Мы не святые, мы просто люди, — устало проговорила женщина, машинально теребя подол потёртой майки.

— А от вас никто и не ждёт святости, поверьте мне, это даже Создателю не нужно, — усмехнулся незнакомец, краем глаза наблюдая за притихшим в сторонке отцом Афанасием. И не зря, от последней фразы священника как ошпарило.

— Молчи, лукавый бес, не тебе рассуждать о замысле Господа нашего!

Проводник весело улыбнулся:

— Поглядите, святоша очнулся! Присядь, отец Афанасий, в миру Николай, на брёвнышко со всеми, ты согрешил против закона Божьего больше всех! — Владелец костра поднял посох и указал на свободное место между Сергеем и Зиной. Да так указал, что не смог священник противиться, некая сила обхватила его за плечи и усадила на бревно рядом со всеми.

— Он же священник, как он мог согрешить больше всех? — Зинаида, как всегда, не могла скрыть своего любопытства о чужой судьбе.

— В том-то и дело он священник, многие знания были ему открыты, он принял сан с обязательствами перед Богом и людьми, а основные заповеди не исполнил.

— Неправда! — твёрдым голосом сказал отец Афанасий, не отпуская свой крест ни на минуту.

— Загибай пальцы, отче, сейчас проверим. Первая заповедь, что гласит? Возлюби Господа Бога всем разумением своим, всей душою своею. Ты любил Господа?

Священник сделался ещё прямее:

— Я отвечу тебе, вероломный дух. Я люблю Господа Бога! Через меня построили три церкви и семь часовен.

Проводник впился в него глазами:

— Ты слышал меня — возлюби Господа Бога! В заповеди не сказано построй Богу церкви, они Ему ни на земле, ни на небе не нужны. Господь — абсолютный Дух, и Он просил от детей своих только любви — абсолютного совершенного чувства. Бог есть Дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине. Это написано в Евангелии от Иоанна. Богу — божье, Кесарю — кесарево! Так говорил Иисус Христос. Дальше загибай! Возлюби ближнего, как самого себя! Назови хоть одного человека на земле, которого ты любил, как себя!

Слова незнакомца поразили отца Афанасия в самое сердце, он молчал и не мог слова сказать.

— Молчишь, отче, — нет такого человека на земле. Ты никого не любил. В своей нелюбви ты совершил серьёзный проступок против Создателя, ты везде насаждал церковь и её догмы, а о Боге — Спасителе человечества по-настоящему не думал. А то, что церкви строил, так не своими руками и не своими честно заработанными деньгами. Всё чужими руками сделал, чужими деньгами заплатил. Чем гордишься?!

Глава 4. Взвесить и измерить

(продолжение)

— Вот как, вот как... — удивлённо прошептала Зинаида, — это участь всех священников.

Проводник приподнялся и стукнул Зинаиду посохом по плечу. Женщина испуганно съёжилась, и, хотя боли от удара не почувствовала, её лицо исказилось.

— Опять к чужой жизни примериваешься? Долбила тебя судьба, долбила в одну и ту же ошибку, а ты неисправима! — вспыхнул он, рассердившись на неё.

Сергей неожиданно оживился, из всех больше всего ему хотелось узнать о судьбе незадачливой предпринимательницы:

— А ты чем Ангелу-Хранителю не угодила, рыжая? Рыжие вроде удачливые.

Зинаида отвернулась: умерла седой на всю голову, а очнулась — словно и не было старости. Тощая, нервная, с копной коротких рыжих волос. Женщина увидела, что Проводник прищурился, вглядываясь в её глаза, и поняла, что таким образом он видит всю её жизнь.

— Не надо, я сама всё расскажу, — проговорила она и на мгновение закрыла глаза. — Я родилась в Кургане, выучилась на сварщика, но время было такое, что я решила открыть своё дело. Взяла кредит и построила магазин, сначала один, потом второй. Но стоило мне

пойти в гору, у меня появлялся мужчина, я рожала ему ребёнка и разорялась, чуть ли не до трусов. И так было три раза, трижды выходила замуж, родила троих детей, и в третий раз разорилась так, что до смерти всех долгов не выплатила, на детей оставила. В плане цифр у меня голова хорошо соображала, я брала кредит под проценты, раскручивалась и выплачивала, имея приличный доход. Перед рождением третьего ребёнка захотелось мне в новый дом переехать, чтоб доченька в новом доме росла. Взяла ссуду, и вдруг всё рухнуло. До ссуды я ещё два кредита выплачивала, мелкие долги были. Но я не думала, что всё так обернётся. Родственники разворовали товары в моих магазинах, мама погибла, последний муж ничем не помогал, всё пришлось тащить самой. За долги забрали всё: новый дом, технику, машины. Дети часто болели... Я хотела дом, счастья в семье, чтобы не хуже других жилось...

— Вот именно, не хуже других, — перебил её Проводник, — помнишь, тебе подруга как-то притчу прочитала?! Жила-была женщина, допустим Ирина, хозяйка большого дома, всё у неё было: и деньги, и дети здоровые, муж работающий, своя ферма с коровами и курами. Всё-то у неё ладилось и спорилось. Напротив её дома поселилась другая хозяйка, Галина, из города приехала, захотела фермером стать, развела курочек, пару коровок, замуж вышла, ребёнка родила. Живёт Ирина и примечает, у неё корова бычка родила, а у соседки Галины корова принесла телушку. У Ирины хороший урожай овощей на огороде, но она видит, что у Галины овощи крепче и крупнее. У Ирины муж приносит большую зарплату, а Галину муж не только содержит, но ещё и подарки дорогие делает. У Ирины трое детей растут, по хозяйству помогают, а у Галины единственный сын даровитый в университет метит учиться. Замечает это всё Ирина и печалится, тоска стала её глотать. Она живёт хорошо, а соседка лучше. Одолела её печаль, и как назло коровы заболели, пришлось прирезать. В огороде жук завёлся, всё перепортил. А в магазинах завелись воры. Через несколько лет осталась Ирина ни с чем, и никак понять не могла, какое такое проклятье легло на её голову. До конца дней думала, что счастливая соседка Галя на неё порчу навела. Помнишь притчу?!

Зинаида кивнула:

— Помню...

— Помнить помнишь, но ты ведь до сих пор не признала тот факт, что сама во всём виновата, не смогла вовремя остановиться, всё

лезла и лезла в долги. Ещё пеняла, что всем всё легко достаётся, а тебе с трудом. Даже нищая соседка, которой социальная служба принесла продукты в дом, была недостойна такого внимания. Ей несут, а тебе нет. Ты же, дубина, и сейчас не признаёшь, что от зависти чуть с ума не сошла! Из-за зависти детей в кабалу загнала, из-за зависти будешь гнить до тех пор, пока вся гниль души не вылезет! — сказал Проводник и замолчал.

Зинаида выслушала его, и на мертвенно-бледных щеках блики костра ложились красными отсветами.

— Я хотела благополучия и счастья, как все, если бы я знала, что меня постигнет столько неудач, — всхлинула она.

— Всё ты знала, ещё и на Бога пеняла.

— Да, я просила, я требовала, но все, все хотят и просят счастья и благополучия! — в отчаянье крикнула она.

— Это смотря что ты понимаешь под этим словом. Счастье счастье рознь. Кто-то способен радоваться первому цветку по весне, а кого-то и букет не впечатлит. Но ты не права, не все просят, — откликнулся незнакомец, — среди вас есть человек, который сознательно отказался от своего счастья и Божьей помощи в лице Ангела-Хранителя! — И он выразительно посмотрел на Наталью, но взгляд его был необычайно печальным.

Женщина смутилась и закрыла лицо руками. Все удивлённо на неё посмотрели.

— Ты действительно отказалась от Ангела-Хранителя? — спросила сидящая рядом с ней Вера. Наталья кивнула и умоляюще посмотрела на Проводника.

— А откуда ты знала, что у тебя есть Ангел? — этот вопрос задала Зина.

Женщина посмотрела в глаза каждому и решила ответить:

— В школе, где я училась, преподавали Закон Божий и историю религии. Я с самого детства знала, что у каждого человека есть Ангел-Хранитель. Господь в своём совершенстве далёк от забот земли, но, чтобы человек смог дойти до Его Престола, Он для каждого направила Своего ангела.

— Насколько я понял, ты была библиотекарем? — спросил Сергей, Наталья кивнула в ответ.

— Что ты такого натворила, что отказалась от Божьей помощи? — он спрашивал не из праздного любопытства, изведав глуби-

ну своего греха, он хотел знать причину её отказа от Ангела-Хранителя.

Наталья снова умоляюще посмотрела на Проводника, но тот никак не ответил на её взгляд. Однако в его глазах появилась нежность.

— Я полюбила! — женщина глубоко вздохнула и сцепила руки. Перед глазами снова всё закружилось, она сосредоточилась и нашла в себе силы рассказать о своей жизни.

— Я жила в Питере, училась, мечтала стать писателем. Как-то тётя, живущая в Москве, позвала к себе в гости. Я приехала и на Арбате встретила его. Уличный комедиант, молодой парень без образования и профессии, он пел весёлые песни и за деньги рассказывал толпе анекдоты. Его звали Антон. Я всегда сторонилась пошлостей и толпы, была робкой и боялась спросить время у прохожего, но стоило мне посмотреть ему в глаза — и меня словно околдовало. Никогда и никого я так больше не любила, даже своих детей. Я набралась храбрости, и мы познакомились, наш роман длился чуть больше года. Всё бы ничего, но он был наркоманом и очень страдал. Я помогала ему, как могла, поддерживала, водила по врачам и больницам, молилась, надеялась на чудо. Но чудо не случилось, а я не могла ждать. Когда его забрали в больницу, врачи сказали мне, что он умирает, — я семь дней стояла на коленях в церкви и молила Бога о помощи. Я подумала, что ангелу Антона слишком тяжело и если бы их было двое, то Антон бы поправился и был бы счастлив со мной и любил бы меня. Я попросила Бога направить моего Хранителя в помощь Антону, даже если бы от этого зависела моя жизнь...

— О чём ты думала? — прошептал Проводник. — Да ни один мужик на земле не смог бы заботиться о тебе так, как твой Ангел-Хранитель!

— Я знаю, я знаю! — страстно проговорила Наташа. — Я прожила неплохую жизнь. Я работала библиотекарем и любила свою работу. Вышла замуж и родила двоих детей. В моей жизни не было ни взлётов, ни падений, жизнь была обыкновенной, но я ни о чём не жалею.

— Разве ты не чувствовала себя одинокой, с мужем и детьми, как в доме с камином, в котором не разожжён огонь... — тихо проговорил Проводник, и в его взоре была светлая печаль.

— Это так, но этого было достаточно, — ответила женщина и сложила свои ладони. — Я благодарна Богу за то, что Он услышал

мои молитвы и исполнил их. Антон излечился от преступной зависимости, он окончил институт. Мы расстались, я не знаю, почему так произошло, он не смог быть со мной, ему было стыдно. Он потом женился и стал солидным человеком, я как-то случайно в окно своей библиотеки увидела его, красивого, благополучного и здорового, и такая радость пронзила моё сердце — теперь я здесь. Но пусть он не знает о моих молитвах и моей жертве. Пусть не со мной, но через меня он изведал счастье, и его жизнь была полна удач и радости. Осознание этого поможет мне перенести любую Адову муку, какой бы долгой она ни была. Я ни о чём не жалею, — в который раз повторила она.

— Ну и дура! — неожиданно выкрикнула Вера. — Дура, дура, дура! — твердила она в каком-то исступлении и не могла сдержаться. — Кому нужна твоя жертва, всего лишь одному человеку, какому-то комедианту с улицы. А если бы ты сама реализовалась как личность, ты могла бы стольким людям принести пользу. В тебе такой потенциал, а ты... ты не имела права так поступать!

— Я сделала свой выбор, — мягко проговорила Наталья и участливо положила руку на плечо старой девушки.

— Это неправильный выбор, неправильный! — не унималась Вера.

Проводник усмехнулся и ткнул посохом в костёр, разворошил потухающие поленья.

— Ты же не думаешь меня обмануть, о какой пользе людям ты говоришь? Ты горюешь о том, что в твоей жизни не было такого человека, который бы ради тебя свершил великие дела, не так ли, Вера?!

Девушка молчала. Она сбросила с плеча руку Натальи и нахохлилась, как воробей под дождём. Вечно в брюках, с короткой стрижкой на голове и угловатыми движениями, она напоминала хулиганистого подростка, обиженного на весь свет. Сирота и одиночка, у неё всегда был нелёгкий характер. Не лишённая целеустремлённости, она многого добилась, но завязывать долгие отношения так и не научилась. Судьба подарила ей случайную беременность, но она так напугалась этой беременностью, что сделала аборт, после у неё не было детей, и это была её сильнейшая боль. Она, конечно, пыталась выйти замуж и создать семью, но в силу своего скверного характера не могла. Вера считала, что нормальная семья у неё не получится потому, что она была бисексуальна, и это

накладывало большой отпечаток на всю её жизнь. И как она ни страшилась встретить старость в одиночестве, к её ужасу, именно это с ней и произошло.

— Кто-то отказывается от Божьей помощи, а кто-то её жестоко требует, только ни того, ни другого делать нельзя. Ты изводила близких людей. Ты требовала любви для себя. И вот ведь дилемма, тебя ведь, Верка, любили и ради тебя многим жертвовали, но ты, как свинья ненасытная и неблагодарная, требовала больше и больше, и всё-то тебе было мало. И не прикрывай свои грехи тем, что выросла в интернате для сирот, это не оправдание. Тебе везло на хороших людей, только тебе зачем-то надо было их мучить.

— Можешь больше ничего не говорить, я знаю, за что меня накажут! — с вызовом сказала девушка.

Проводник замахал на неё руками и рассмеялся:

— Не смейся меня, её накажут, никому не нужны твои страдания, кроме тебя самой! Нет никакой Божьей кары, запишите это себе на лбу. Божьей кары не существует! Вы сами себя наказываете! За злобу, за убийства, насилие и аборт, каждый получает по заслугам! И знаешь что, можешь не лезть на амбразуру, подумаешь, была близка не только с мужчинами, но и с женщинами. В искренней любви и жертве нет греха, а тело истлеет, и забудутся телесные радости. С тобой в Адской муке останется только то, что ты в душе несёшь, а часто ли ты в душу заглядывала?!

Весь гонор и вызов как рукой смахнуло, Вера скрючилась на бревне, сжав руками свои маленькие плечи.

Все удручённо молчали. Перед каждым жизнь промелькнула на одном дыхании, но ничто не было упущено. Каждая мысль и каждое чувство отмечались в душе, как летопись. Картинки жизни, рождение, детство, взросление, поступки и дела, а после смерть складывались, как листы книги. У кого-то книга была небольшой и миниатюрной, а у кого-то она напоминала толстый фолиант с металлическим окладом и крепким замком. Но ныне все замки были сорваны.

Глава 5. Дед Владимир и бабка Матрёна

Тягостное молчание висело над костром. Проводник внимательно посмотрел на небо. Чистые немигающие звёзды утрачивали лучистость, и фиолетовая глубина космоса начинала медленно светлеть.

Все погрузились в свои переживания, только Наталья не думала о своей судьбе. При жизни она ждала смерть как завершение серых будней, и в ожидании давно всё переосмыслила и взвесила свои поступки. Частый самоанализ не приносил утешения, но незаметно для неё самой подготовил сознание к смерти. И теперь она сидела у костра и вглядывалась в лицо незнакомца. Она мысленно говорила себе, что это обман, что этого не может быть, но чем больше она пыталась себя убедить в этом, тем пристальнее вглядывалась. Да, у Проводника знакомые черты: пронзительные глаза, каре-зелёные, с густыми бровями над ресницами, тяжёлый подбородок и резко очерченные скулы вокруг больших губ. Пепельные волосы в полном беспорядке, густые и жёсткие, как проволока: чёлка торчит во все стороны, а длинные пряди лежат на плечах. В то время, когда она встретила Антона, многие молодые парни стриглись под Виктора Цоя.

Но незнакомец не мог быть Антоном, Антон ещё жив и обещает прожить долго. Воображение играет с ней злую шутку. Наташа хотела вздохнуть полной грудью, но стеснялась. Проводник напомнил ей любимого, и это переполняло её болью и счастьем.

— Время не терпит, скоро рассвет, а на рассвете мы отправимся на поиски Хранителя, — резко проговорил владелец костра и стукнул посохом о землю.

Стук возымел странное действие на сидящих у костра, они все словно пробудились и удивлённо смотрели друг на друга, как будто виделись впервые.

— Кто начнёт? — спросил Проводник и хитро прищурился.

Все молчали. Дед Владимир мля своё плечо, ему удалось оторвать старухины руки, сделал он это не без усилий. Плечо неожиданно разболелось.

— Давайте я начну, — проговорил дед и на несколько минут задумался, перед тем как начать своё повествование. — Я человек простой, пять классов образования и профессия электромонтажник. Жил в посёлке, в большой город никогда не тянуло. Не по мне это многолюдье, опять же ни тебе лугов, ни леса. Я привык к тому, что должно быть хозяйство: коровка, курята, хорошо бы свиньи. У меня всё это было, только Матрёне всё казалось мало: есть корова — надо две...

Бабка Матрёна не выдержала:

— Так не для себя же! А дети, а внуки? Им ведь тоже мясо нужно!

Проводник поднял посох и стукнул её по плечу.

— Будешь говорить, когда я разрешу, а пока помалкивай! — строго сказал он, и бабка умолкла.

Дед Владимир не заметил её слов.

— Я не спорил, я любил землю, любил поработать. Радовался, когда земля давала хороший урожай. Всё было, что хотел. Захотел — построил дом, сам, своими руками. Мужики меня уважали. Взял в жёны работающую бабу. Матрёна, она хоть сварливая и вредная, а в доме всегда было что поесть, одежда в исправности, дети ухожены. Да что там, две дочери у нас. Я, конечно, как всякий мужик, сына хотел, да, видно, не судьба. Так и дочки хорошие. Матрёна бы не лезла, так и у них бы всё хорошо было. Ну попивали зятя, так кто не пьёт! Я и сам любил с мужиками посидеть, поговорить о своём, о мужичком, значит. Она не давала, конечно! Баба, что с неё возьмёшь, она же не понимает, что и мужику нужно душой расслабиться.

Видишь ли, в чём дело, я не помню счастливых дней. Вспоминал, вспоминал — ну не помню! Но у меня было любимое время в году — покос. Мы собирались с мужиками на дальние разливы, на целый месяц уезжали. Ну а там, сами понимаете, ни баб, ни домашних хлопот. День — косьба, вечер — отдых, общий ужин и беседы. Сон опять же под звёздами. Кузнечики звенят, дух от скошенной травы такой, что и водки не надо. Я всегда, каждый год ждал покоса. У других отпуск там, поездки за границу или на море, а мне не надо моря или ещё каких путешествий, мне нужен был покос. Я на покосе отдыхал и душой и телом. Бабка не знает. Но, когда мне плохо бывало, тоска или горе какое, я уходил на сеновал и зарывался в сухую траву, дышал, плакал, после становилось легче. Матрёна вон ругается, что я

сено под зимний навес не перебросил, а я специально до последнего тянул. Сено, оно ведь на свежем воздухе дух хранит, а под крышей преть начинает.

Пока дед Владимир говорил, над костром неожиданно возникло слабое марево, словно окошко, в котором обозначился цветущий зелёный луг. Над поляной поднялся острый аромат скошенной травы и неожиданно звонко запела вечерняя мошкара, какая обычно тучами витает над тихими болотцами или заводями реки. В зыбком сиянии марева обозначилась фигура мужика, размеренно машущего косой, после каждого взмаха трава ложилась рядок к рядку, почти у самого корешка. В мужике все угадали деда Володю. Тот сладко вздохнул, и марево развеялось.

После он какое-то время смотрел вглубь костра и теребил пуговицу на груди фуфайки, словно не мог решиться продолжить свой рассказ. Он поведал о хорошем, теперь пришла очередь рассказать о плохом.

— Горестный день был, да. Всякое горе в жизни было, куда же без него. В стране беспорядок, правительство всё время нас обманывало, пенсию платили маленькую. Мы учились бесплатно, а внукам платная учёба досталась. Всё стало дорого, жить стало дорого. Везде плати, за всё плати. Раньше, чтобы стог сена перевезти, дал бутылку или там ляжку мяса, и хорошо. А сейчас плати тысячи, по-другому никак. Я справлялся, я же мужик, с этим можно справиться. Матрёна, она, конечно, колдовала, несильно, но я знал, что она и чёрные дела знает в колдовстве-то. Зятя ей не нравились — она проклинала их. Я не верил. А потом старшая моя дочка Галинка заболела. Молодая, сорок четыре года всего, рак у неё нашли, нехороший рак, по женской части. Умерла быстро очень. Доктора, врачи, никто не помог. Тогда я подумал, что это нам с Матрёной наказание за проклятья её на зятьёв да и других тоже. Галинка сильная была, она от нас с мужем-то и детьми в другую деревню уехала, подальше от матери чтоб. Семью сохранила, да, видно, мать крепко на неё за это осерчала, что не по её воле было.

В мутном мареве над костром чётко обозначился гроб, в нём лежала молодая ещё женщина. Вокруг гроба стояли её близкие родственники, муж постарел лет на десять, причитала Матрёна, тихо плакал Владимир, рядом с ним утирала слёзы беременная внучка Ольга, дочка Галины.

— Тяжко это — дитё своё хоронить! — дед Володя говорил с трудом, голос срывался. — Я за ней сам ездил в деревню, чтобы в нашем посёлке похоронить, чтобы потом всем вместе лежать на одном кладбище. Не думал, что в землю буду старшую дочь зарывать...

Проводник внимательно его выслушал, да и не он один. Все грубо переживали и радость и горе прожившего долгую жизнь деда. Его воспоминания заразили остальных до такой степени, что никто не смог скрыть своих чувств, но каждый выражал их по-своему. Отец Афанасий перекрестился. Предприниматель Сергей помрачнел, его стали одолевать сомнения и страхи. Вера зло смотрела на бабушку Матрёну и мысленно ругала её. Зинаида прикидывала, что бабушке будет за её прегрешения. Светлана всхлипывала без слёз, она-то знала, как горько и глупо умереть молодой. Наталья дотянулась до дедовского плеча и погладила его. Сама Матрёна сидела у костра притихшая и мрачная, сцепив свои маленькие кулачки, она злилась на деда и не могла понять, за что он её обвиняет. Ну колдовала маленько, так за это она всех своих зубов лишилась. За колдовство зубы выпадают и кости болят — это все знают.

Проводник стукнул о землю посохом и сказал:

— Принимаю, дед, твой добрый и твой горестный день!

— А как же кинуть кость в костёр? — неожиданно всполошилась Зинаида.

Проводник не ответил ей, как будто не слышал. Он обратился к бабушке:

— Теперь ты, Матрёна, можешь говорить.

— А что говорить-то теперь. — Бабушка поправила грязный платок на голове, она его обычно в сарай надевала. Были платки праздничные, да надеть не привелось, некогда ей было по праздникам ходить, а в гости её никто не звал. В гроб положили в самом дорогом и цветастом платке с кистями, только он не ко двору пришёлся. В каком умерла, в таком и оказалась в толпе душ у серебряного моста. — Я о своей жизни лучше знаю. Вы ничего не понимаете. Меня в детстве мать застудила, я стала плохо слышать, к старости почти совсем слух потеряла. Надо мной в школе смеялись, но я не плакала, вот ещё. При живой матери пришлось мне у тётки жить. Тётка меня научила работать и пупки младенцам заговаривать, ещё испуг снимать тоже. Ворожить учила на жениха да на богатство, но я это не запомнила. Тётка мне свои вещи отдавала, у неё дочери родные ходили в хороших

вещах, а мне обноски доставались. Я работала, я столько работала, мне некогда было учиться, три класса в школе училась и пошла работать. В магазине работала, потом в столовой. В столовой, однако, лучше. После войны голодно было, но я в столовой работала, ни я, ни муж не голодали. И дети мои голода не знали. Я всегда припасы делала, много припасов. Ну воровала в столовой-то, а кто тогда не воровал? Просто так никто куска хлеба не даст! Хозяйство держать просто что ли? Сколько нужно работать, чтобы и картошка родилась, и бычка выкормить...

Матрёна говорила медленно, подбирала слова, чтобы сказать так, чтобы все поняли, что на самом деле она хороший и добрый человек, работающая баба, что весь достаток в доме она заработала своим трудом.

— Пупки деткам заговаривала, испуг тоже снимала. Тётка учила: будешь колдовать — зубы выпадут, кости будут болеть. Деньги за колдовство не бери, только то, что дают. Я не брала деньги, только что ж это я зубы просто так потеряла. На зубок и вещицу какую-нибудь дарили: тарелку красивую, полотенце, хорошее постельное бельё...— бабка Матрёна стала подробно перечислять дары.

Проводник поморщился и спросил:

— Тебе плохо-то было, старая? — спросил он и усмехнулся.

— Чего это плохо-то, не было мне плохо, тяжело только. Когда у тётки жила, шибко тяжело было, да. Ещё обида была. Да, долго помнила. Тётка дочке сапожки купила, на каблучке сапожки были, с замочками. Мы на танцы пошли, она в сапожках лихо отплясывала, и все парни вокруг неё крутились, а на мне валенки, и в мою сторону никто не смотрел. Но я думала: и у меня будут сапожки, самые красивые и дорогие. Да что там, я кисы из оленьей шкурки купила, не чета сапожкам, красивые, с узором, тёплые!

Матрёна с такой гордостью говорила о своих кисах, словно это было великой ценностью её жизни. Пока она говорила, над костром снова образовалось марево, в нём, как в тумане, мелькнула небольшая комната, весёлая молодая девушка притопывала в новых сапожках, а рядом с ней стояла угрюмая совсем юная Матрёна и мяла поношенный платок в руках. Потом картина в мареве сменилась, взрослая Матрёна держала в руках свои знаменитые кисы, и глаза её блестели от радости и гордости за себя.

Проводник качал головой.

— Эх, Матрёна, тебе Хранитель даровал любовь и верность деда Владимира, а ты всю жизнь барахлом гордилась! Ты их в гроб с собой что ли хотела взять?! Ладно, бабка, принимаю твой добрый и твой горестный день! — И Проводник снова стукнул посохом.

Глава 6. Вера и Светлана

— Чёрт знает что такое, в голове не укладывается! — выругался Сергей. Откровения деда и бабки обожгли его так, что он с ужасом думал о том, какие воспоминания ему придётся из памяти вытаскивать. — Может всё, что я видел и вижу сейчас, плод моего воображения?!

Владелец костра усмехнулся:

— Однако сомнение людей не перестаёт меня удивлять. Почему вы не можете допустить, что всё вокруг было создано до вас и будет существовать и после вас и без ваших усилий именно в том порядке, который был задуман изначально. Вы не центр вселенной, а всего лишь малая песчинка, не более того...

— Тогда зачем я вообще есть?! — не унимался Сергей.

— Из песка создаются миры! — ответил Проводник и поворошил сгорающие поленья в костре.

— А знаете, — неожиданно вступила Наталья, — мне всегда нравилось смотреть на то, как танцуют пылинки в свете солнечного луча... — в библиотеке пыли всегда предостаточно, у нас с пылью борьба не на жизнь, а на смерть. Но если солнечный свет проникает в комнаты, я как зачарованная смотрела на полёт пылинок, мне казалось, что и с людьми так же. Светит луч солнца — и пылинки в этом луче видятся золотыми искрами, они переливаются, играют, танцуют... — а без света и золото, что пыль... Это как жизнь без любви, а душа без Бога... — женщина проговорила это с вдохновением, но потом смутилась и замолчала.

На лице Проводника мелькнула улыбка, но он спрятал улыбку за усмешкой и грозно сказал:

— Кто следующий?! Время не ждёт!

— Я! — откликнулась Вера. — Хочу, чтобы для меня быстрее всё закончилось. Ты, хитрый, попросил добрый и горестный дни, а получилось, что вот так запросто тебе всю жизнь выложить надо, без этого и значимости этих дней не будет.

Проводник весело хохотнул:

— По-настоящему злые люди очень сообразительны! Итак...

— Меня отдали в приют, но я не круглая сирота. Я родилась в большой семье, детей было много, девять человек. Но, когда я родилась, мать отчего-то сразу меня невзлюбила и хотела избавиться. Я выросла в интернате и окончила школу. Наш интернат опекала церковь, приходили священники, они беседовали с нами, крестили. Только меня эти беседы и уроки о Боге мало занимали. Мне был интересен сам священник, как он жил и боролся с мирскими желаниями. Радости в моей жизни не было, я имею в виду настоящую радость, душевную, сердечную. Никакие материальные блага не могут дать настоящего удовлетворения в жизни. Были подруги, но это всегда было игрой, увлекательной, страстной и жестокой игрой. Я поняла, что мужчины не вызывают во мне никаких сильных чувств, кроме презрения и жалости.

Да, ты прав, я требовала любви, я её хотела всегда и мечтала о чём-то, ради чего можно всё бросить и пожертвовать всем! Такая любовь у меня была, но тогда я была слишком неопытной и жёсткой, я не поверила, а когда поняла, что на самом деле чувство искреннее, было уже поздно. Я её потеряла. Её звали София, моя Софи, она была старше меня на семь лет. Когда мы познакомились на работе, она приехала к нам из другого города — мы словно слились. Она не врала и не играла, в ней что-то было такое правдивое, я не знаю, как объяснить. Но она умела дарить радость. Я всегда была угрюмой, хмурой и недовольной, а она не замечала этого, всегда хотела меня расшевелить, рассмешить, порадовать. Софи очень старалась сделать меня счастливой.

Вы должны понять: я выросла в интернате, где всё было общее, но каждый страдал от недостатка внимания, мы дрались до кровавых синяков за внимание учителя или нянечки. Софи была очень внимательна ко мне. Я никогда не забуду один день, и я могу его назвать счастливым днём в своей жизни. Были и другие хорошие дни, но я хорошо помню только этот день. Наше знакомство длилось уже

около трёх месяцев, когда меня отправили в длительную командировку на две недели. Всего ничего, но меня сжимал инстинктивный страх, что за это время что-нибудь произойдёт и я потеряю свою Софи. Мы созванивались каждый день, до глубокой ночи переписывались эсэмэсками, и всё равно я боялась. Но когда я переступила порог общежития, меня ждал праздник. Вся моя комната была увешена игрушками, а на стене висел разрисованный плакат с надписью: «С приездом, теперь ты дома!». На столе стояло вино и горели свечи, играла музыка, пахло розами. Мне никто не дарил цветов. Софи стояла нарядная и радостная, она меня ждала!.. Мне стоило огромного труда спрятать слёзы за усмешку и глупую шутку, она сделала вид, что не заметила, и весь вечер развлекала меня и смешила. Мы допоздна просидели вдвоём, и пили вино, и мечтали о том, что будем жить вместе всегда, и нас не напугает мнение мира, ведь нам хорошо вдвоём.

Над костром затрепетало марево, и все увидели украшенную шариками маленькую комнатку, сияли свечи, и в этом сиянии в розовом платье кружилась девушка, а рядом с ней стояла Вера. Рядом с Софи она выглядела мальчиком-подростком, робким и печальным. Над поляной поднялся аромат роз и зазвучала мягкая, негромкая музыка.

Вера заволновалась, пальцы то и дело сжимались в кулаки или нервно перебирали короткие волосы на голове.

— Я до сих пор не понимаю, что на меня нашло и почему я стала так себя вести. Чем дольше мы жили вместе, тем подозрительнее я становилась. По мелочам сердилась на неё, срывалась. Она была терпелива, я по глазам видела, что она оправдывает мои срывы, меня это ещё больше злило. Мы вместе работали в Доме культуры, вокруг всегда было много разного народа и, конечно же, парни. Я стала подозревать её в желании сблизиться с одним из парней, работающих в клубе. Мои подозрения были ложными. Оказывается, София мечтала о детях, но мне об этом не говорила, она хотела, чтобы кто-нибудь из нас, она или я, забеременела и родила. Ну да, я первая это сделала, в одной из своих командировок я встретилась с бывшим парнем, и одной ночи хватило. Но я испугалась, я боялась потерять Софи и сделала аборт. Я не знала, что она хочет детей, надо было поговорить, а не злиться. После моего аборта она изменилась, всё время о чём-то думала, грустила... Мы стали часто выпивать. На од-

ной из домашних вечеринок было много ребят, я стала флиртовать с одной из девчонок, чтобы показать Софии, что я могу прожить и без неё. Меня раздражала эта зависимость от её любви, я хотела показать, что на самом деле я свободна и могу делать всё, что пожелаю. — Вера закрыла лицо руками, и марево над костром затрепетало. — Когда почти все разошлись, я ещё сидела на кухне с девочкой и разговаривала. Я услышала, как хлопнула дверь, и поняла, что Софи вышла. Её долго не было, и тогда я оделась и вышла посмотреть, где она. Была зима, мороз сорок градусов. Софи в одной рубашке, босиком, стояла в снегу и плакала. Она рыдала так, что я напугалась. Я хотела её успокоить и отвести домой, но она упала в сугроб и закричала, она умоляла отпустить её, что она не может больше выносить мою жестокость.

Вера обхватила свои плечи и закачалась, над костром в мареве обозначилась тоненькая фигурка Софии в развевающейся на ветру рубашке.

— Я не знаю, почему я была тогда такой жестокой и злой, не знаю, не знаю! Может, бес в меня вселился, может, дьявол, я не смогла найти ответа... София простыла и долго лечилась в больнице, когда она поправилась, было такое ощущение, будто она забыла ту часть своей жизни, которую она провела со мной. Она вычеркнула меня из своей памяти и уехала в другой город. До меня доходили слухи, что она вышла замуж, что у неё есть дети. Она стала директором детского театра. Я знаю одно: она не вспоминает обо мне и, возможно, до сих пор не простила меня и нашу неопытную любовь.

Вера глубоко вздохнула и опустила руки на колени, она казалась внешне успокоенной.

— После болезни Софии я изменилась, если бы я могла, я бы всё исправила, но она обо мне слышать не хотела. Были ещё подруги и мужчины, я очень хотела ребёнка, но после аборта мне поставили диагноз — бесплодие. Я хотела удочерить из приюта, но мне не разрешали, по закону семья должна быть полной, а я так и не вышла замуж. Я нашла работу, где смогла себя проявить, и добилась успеха и уважения. Ещё я отыскала сестёр и помогла им вырастить детей. Когда узнала, что у меня слабое сердце, от лечения отказалась. Вот и всё. Ты доволен?! — спросила она Проводника, и все увидели, что из девочки-подростка она превратилась в пожилую женщину с жёсткими, но печальными глазами.

Тот долго смотрел в её глаза, а потом кивнул.

— Скажи, — неожиданно попросила она, — почему я была так зла, почему Хранитель не остановил во мне злость? Почему не обратил?

Проводник печально усмехнулся:

— Ангелы бессильны против человеческой ярости. Но они ждут, они терпеливо ждут, когда в душе забрезжит лучик света и любви.

— Что же мой Хранитель не дождался?

— Должно быть, ты больше и не любила... — ответил он и стукнул посохом.

Марево над костром яростно дёрнулось и поблёкло, оно снова стало белёсым дымом над лепестками огня.

— Теперь очередь актриски, — сказал Проводник и поморщился.

Светлана разволновалась:

— Нет, нет! Я не верю, я не могу, это всё дурной сон, это кошмар, я должна проснуться. Проснусь, и всё пройдет... — причитала она.

Дед Владимир снова погладил её по голове и сказал:

— Конечно, проснёшься — и всё пройдёт, ты просто расскажи — и всё. Расскажешь и проснёшься...

— Я всегда хотела играть на сцене и быть актрисой, всегда. Ещё в детском саду я представляла себя сказочной принцессой или феей и играла выдуманные истории. Окончила школу и сразу в театральное училище, я была так счастлива, когда прочла своё имя в списке поступивших. Изнуряющие диеты и голод, от которого кружилась голова, многочасовые тренировки в танцзале — всё ради сцены! — Как только она сказала о сцене, в ней произошла перемена. Света успокоилась и преобразилась. Ей казалось: она могла бы сыграть всё, любую роль, любое чувство искренне, правдиво, вдохновенно. — Разве можно рассказать о вдохновении, которое заполняет всё ваше существо, когда вы на сцене?! Это не передать словами. Ради сцены я готова была на всё. Да, я бросила Славику, друга детства, и не сказала о беременности. Да, я сделала аборт и соблазнила главрежа, подумаешь, какая важность. Главное, я получила ведущую роль, свою первую большую роль, в которой я блистала. Я так играла, вы бы видели, я была счастлива в день премьеры, да это был мой первый счастливый день: премьеры, сцена, оvation и слава. Меня сразу заметили и пригласили в Москву сниматься в кино. Я согласилась, я была на седьмом небе от счастья!

Пока Светлана сбивчиво рассказывала о себе, марево над костром отобразило её счастливый день — день премьеры. Она стояла среди других актёров и принимала цветы, сияющая, красивая и опьянённая признанием зрителей.

— Я всегда была счастлива на сцене, я чувствовала себя на своём месте. Да, аборт, это плохо, это почти убийство, но я не хотела детей. Слишком рано, и ребёнок бы мешал, я бы его возненавидела. Но, Боже, это такой ужас, больница, холодное кресло, тошнотворный запах хлорки и руки гинеколога, которые копошатся в тебе. А боль, вы не представляете, какая это боль, мне сказали, что я почти ничего не почувствую под наркозом, но я всё чувствовала, всё! Я поклялась, что больше не пойду на эту пытку.

Проводник махнул рукой и смешал марево над костром:

— Всё, хватит, с тебя достаточно.

Светлана уткнулась в плечо деда и всхлинула.

Глава 7. Зинаида и Сергей

Снова над костром воцарилось тягостное молчание. Сергей не выдержал и поднялся на ноги, подошёл к реке. Фиолетовое небо прояснилось настолько, что можно было разглядеть дальний берег и нависшие над водой густые ветви речных ив. На том берегу тоже горели костры, их мерцающие огоньки напоминали маяки. Они манили к себе и дарили надежду обрести свой Берег. Сергей смотрел на размеренное течение реки и неожиданно ощутил в себе покой. А ещё он заметил, что течение реки влекло лодки с одинокими пассажирами, иногда это был плот из нескольких брёвен, связанный вручную, иногда просто бревно, на котором сидела душа. К немалому удивлению, он увидел большую пузатую бочку, в ней тоже был пассажир — пожилая, очень полная женщина. Она внимательно посмотрела на него, вздохнула и стала помогать течению реки, загребая воду полными, широкими ладонями. От взгляда незнакомой женщины Сергею стало не по себе, и он снова ощутил внутри тревогу и страх. Ему ничего

не оставалось делать, как снова вернуться к костру. Пока он ходил к реке, Проводник что-то тихо говорил деду Владимиру и, видно, говорил что-то хорошее, лицо старика посветлело, и он радостно улыбнулся.

Сергей не сдержался и раздражённо спросил:

— Я что-то пропустил?

Дед Владимир, не таясь, ответил:

— Проводник рассказал мне, что я смогу увидеть дочь перед тем, как принять Адову муку. Она ведь здесь...

Предприниматель усмехнулся:

— Точно, она же умерла. Ну что, чья теперь очередь раскрывать тайник души?

Проводник пожал плечами:

— Мне без разницы, можешь ты, может Зинаида, — ответил он.

Сергей поблел:

— Уступаю место даме!

Зина внимательно посмотрела на Сергея и покачала головой:

— Ну конечно... Я о своей жизни уже рассказывала, повторяться не буду. Радостный день... — я думаю это день нашего въезда в новый дом. Мы тогда всей семьёй хлопотали, я была беременна, но я так радовалась, что теперь у нас добротный, крепкий дом. Муж радовался со мной, в этот день я не слышала от него ни одного упрёка. Дети носились с вещами и разбрасывали их по комнатам. Вечером мы устроили пикник. Муж жарил шашлык, а я с детьми угощала гостей. Всё казалось таким безоблачным и чудесным. Я поверила в Божью милость, мне казалось, я наконец-то получила то, что заслуживаю. Однако через год я лишилась и дома, и своего дела, и всех друзей, которые меня окружали и хвалили.

— Неправда! — резко прервал её владелец костра. — С тобой всегда был друг, особенно в горе. Вспоминай!

Зинаида сцепила руки:

— Да, была. Она уехала из Кургана, и я не знаю что с ней и где она.

— И тебе не страшно ещё больше усугублять свою вину? Она оставила тебе свой адрес, ты в любой момент могла её найти, но ты не хотела.

Зина вскочила на ноги:

— Да, я могла её найти, могла и что бы я ей сказала?! Что я готова вернуть ей деньги, но у меня не было этих денег, не было!

Неожиданно костёр вспыхнул, и над поляной развернулась целая панорама, как в кинотеатре, только экран не был плоским и чёрно-белым — живые фигуры двигались в нём, и живые краски маленький отрезок прошлого делали реальным до осязаемости. В мареве обозначилась небольшая комнатка, это была кухня. За столом сидела Зинаида, молодая, но уже измученная, на шестом месяце беременности. Напротив неё сидела девушка, ещё не женщина, но и не девочка, на вид ей было около двадцати пяти лет. Она внимательно слушала Зину и хмурила брови.

— Вот ты говоришь, есть Божья Помощь на земле, тогда почему я не могу получить этот дом. У меня есть половина необходимых денег, я хотела взять ссуду, но мне не хватает одного поручителя. Я уже всех обошла, всех просила, никто не соглашается.

— Зинуль, может, это и к лучшему, чем тебе твой дом не нравится, он достаточно хорош. А то, что тебе ссуду не дают, так, может, это и к лучшему, ты не знаешь, чем для тебя этот новый дом обернётся, — пыталась успокоить её девушка.

— Хорош? Ты слепая? Он рухнет скоро. И почему я не могу позволить себе новый дом? Я для других миллионами ворочаю, а для себя не способна сделать меньше?! Почему Бог другим помогает, а мне нет. Мне таким трудом всё достаётся. Чем я перед Ним провинилась? Я хочу принести своего ребёнка в новый дом, а не в эту халупу, неужели мой ребёнок этого не заслуживает?! — Зинаида разрыдалась.

Девушка промолчала, она смотрела на рыдания подруги, сцепив на коленях свои маленькие руки.

— Принеси мне бумаги на ссуду, я посмотрю! — сказала она, решившись.

Зина вздохнула и выполнила её просьбу. Девушка посмотрела условия ссуды и поставила свою подпись.

— А теперь не говори больше, что Божьей Помощи нет! — сказала она, надела свой плащ и вышла.

Мареву над костром взметнулось и померкло. Зинаида сидела на бревне и раскачивалась от горя из стороны в сторону.

— Я не виновата в том, что меня потом обокрали, не виновата, — причитала она.

— Ещё как виновата, она тебя предупреждала. И ладно бы эту проклятую подпись поставил человек состоятельный и обеспечен-

ный. Эта девочка жила на одну зарплату, ещё и больной матери пыталась помочь. Она четыре года за тебя выплачивала этот долг, за эти четыре года она тебя ни разу не попрекнула, она тебя поддерживала и больного ребёнка твоего лечила. Ей уехать пришлось из-за нужды, а ты, зная её адрес, так и не связалась с ней, ведь долг можно было вернуть частями, а ты не захотела... — заметил Проводник и устало потёр лоб. — В жизни каждого из вас всегда появлялся человек, который предостерегал словами Ангела-Хранителя, но вы не вняли этим предостережениям...

Зина разрыдалась без слёз, уткнувшись в плечо сидящей рядом Натали. Женщина обняла её за плечи и погладила по голове.

— Неужели нельзя обойтись без ошибок и горечи? — спросила Наташа и посмотрела Проводнику прямо в глаза.

— Можно! Человек приходит в мир для Любви, Новых Знаний и Труда. Только без горечи и ошибок вы на земле жить не умеете, — ответил он и улыбнулся женщине. Та густо покраснела и отвернулась.

Сергей с таким вниманием слушал Зинаиду, как никто больше из собравшихся у костра. Он надеялся услышать небывалые ошибки и падение в великие соблазны и был разочарован. Подумаешь, новый дом, у него денег было столько, что он мог купить целое поместье в Англии или на Канарах. Его предпринимательское дело исчислялось сотнями миллионов в нескольких заводах, недвижимости по всей Москве и счётом в Швейцарском банке. Он сам ссудил деньги, и его «мальчики» при надобности вышибали долги из нерадивых плательщиков. Его называли новым русским, и, чтобы отдать дань новой традиции, он, как многие богатые люди, спонсировал реставрацию одной из московских церквей. Там, наверное, сейчас отмаливают его грехи. У него было много жён и женщин, но из детей только одна дочь, и всё неприятное и досадное в его жизни связано именно с дочерью. Неожиданно он узнаёт, что её украли и надо либо найти, либо выплатить выкуп. Так как выкуп был небольшим, он не стал утруждаться поисками, просто заплатил и получил свою дочь живой. То, что её изнасиловали, он узнал не сразу, а когда узнал, велел найти насильника и отрезать ему всё хозяйство. То он опять узнаёт, что пропадает внук и выкуп просят такой и на таких условиях, что уже не до поисков, получить бы его живым. После этого он приставил к семье дочери охрану, но она не разговаривала с ним, не отвечала на звонки, вернула все подарки и запретила к внуку подходить.

— Горестный день... — начал Сергей своё повествование, — не было такого дня, были неудачи, потери. У меня была горечь: ни одна из жён не родила сына. Я всегда хотел сына, чтобы было кому дело передать. Дочь родила внука, но она меня ненавидела и к внуку не подпускала, боялась. А я всё равно ему всё отписал, вырастет, сам решит, что делать и чем заниматься. Счастливых дней тоже не помню. Счастье — глупости всё это. Я был доволен! Купил завод, и он принёс доход — я доволен! Был конкурент, а я его подмял — я доволен! Так что были дни, когда я был очень ДОВОЛЕН жизнью, и всё, никакого счастья. И о любви я ничего не знаю, есть люди — бараны, а есть мы — волки. Есть животный инстинкт, а любовь — это пустая брехня. Я даже не влюблялся ни разу.

Проводник усмехнулся и показал на марево над костром. В мареве появилась картина. Сначала трудно было разобраться в мелькании огней, но потом обозначился особняк, старое поместье, оставшееся со времён Екатерины Первой. Глубокий вечер, фейерверк, столики под открытым небом. Сергей сидел за большим столом в качестве почётного гостя и пил шампанское. За одним из ближайших к нему круглых столиков сидела длинноногая молоденькая девушка с длинными русыми волосами. Девушка пила шампанское маленькими глотками и изредка смотрела в его сторону. Он пригласил её на танец, потом они прогуливались по аллеям парка и непринуждённо болтали. И несмотря на то что девушка была провинциалкой, ему с ней было неожиданно легко и радостно. Сергей испытал странное возбуждение в душе. Он смотрел в её глаза, и ему мерещилось счастье. За несколько удивительных минут он намечтал семью, кучку детей и любовь тонконогой девушки на всю его оставшуюся жизнь. Он много выпил в тот вечер, много смеялся, много шутил. Она дала ему свой номер сотового, но на следующий день ему нужно было спешно вылетать в Америку, где он пробыл больше месяца, а когда вернулся, её в Москве уже не было. «Мальчики» доложили, что с карьерой модели у неё ничего не получилось и она вернулась к себе на родину, не то в Казань, не то в Самару.

Сергей удивлённо смотрел в марево и снова почувствовал то восхитительное чувство, похожее на грёзу. Прошли годы, он совсем забыл об этом вечере, а Проводник выудил у него это воспоминание и выставил на всеобщее обозрение. Неужели то, что он тогда почувствовал, называется влюблённостью?! У Сергея заболело в груди.

Глава 8. Афанасий и Наталья

— Жил человек, жил и не знал, что влюблялся... — сказал Проводник и снисходительно улыбнулся.

Сергей смотрел мимо костра и чувствовал странное оцепенение во всей душе. Напротив него сидела, скрючившись в клубок, бабка Матрёна, она беззвучно бубнила о своих бедах и, казалось, не замечала тех видений, которые разворачивались в мареве над костром. Предпринимателю подумалось, что в сущности его судьба похожа на эту бабку, ведь и он не заботился о душе, все его стремления были сугубо материальные, остальное он сознательно отвергал и более того боролся с любым проявлением чувствительности.

У костра остались двое, чьи жизни ещё не были раскрыты. Наталья было собралась подать голос и рассказать о себе, но владелец костра отрицательно покачал головой, глядя прямо ей в глаза, и поднял конец посоха на отцу Афанасия.

— Отче, ты же понимаешь, что если не расскажешь сам, я разверну не только твой день, но и каждый час над этим костром, и тогда «грешники» увидят о тебе ВСЁ!.. И явное и тайное.

Батюшка медленно перевёл свой взор от костра и долго смотрел на Проводника тяжёлым и задумчивым взглядом. Ночь была на исходе, и после всего, что ему довелось увидеть и почувствовать, он не сомневался — тот сделает так, как сказал, и неважно, какая власть ему была дана. Этой властью он выудит все воспоминания из его души, особенно те, которые он благополучно забыл или старательно стёр из памяти. Отец Афанасий долго думал и пытался понять, кто перед ним, ангел или демон, и если ангел, почему вёл себя не по ангельскому уставу, а если демон, то тоже не похоже — Проводник никого не искушал. Афанасий всё же склонялся к тому, что незнакомец не от Божьей Воли пришёл, слишком много ереси и обвинений было в его речах.

Неожиданно батюшка вздрогнул, да так, что все удивлённо на него посмотрели. Ему померещился тихий девичий голосок, который

прозвучал в его голове, так явно, что Афанасий быстро осмотрелся, уж не сидела ли обладательница этого голоса рядом.

— Отче, вы смешной, как же вы можете утверждать, что Библия и Евангелие — боговдохновенные книги? Они написаны людьми! Вы можете поручиться за их вдохновение? И потом, как вы можете говорить о том, каким должен быть ангел небесный, если вы его ни разу не видели? Всё книги и книги, а живое где?

Проводник смотрел в глаза батюшке и улыбался так, словно тоже слышал эти слова. Отец Афанасий выпрямился, машинально перекрестился и заговорил:

— Я родился в обычной крестьянской семье и не видел ничего, кроме труда и боли. Когда началась война, мне было шестнадцать лет. Я солгал о своём возрасте, чтобы взять винтовку в руки и защищать родину от фашистов. Я был рослым и крепким, мне поверили и отправили на передовую. Последний год войны я шёл на Берлин в полном убеждении, что могу гордиться собой. Но однажды нашему отряду дали приказ — расстрелять военнопленных офицерского чина. Их было много... Когда мы убивали на полях сражений, это было понятно и естественно, когда же пришлось убивать раненых и безоружных, всё во мне запротестовало против этого беззакония и жестокости. Я вернулся домой с орденами и славой, но в душе нёс разлад и горе. По ночам меня терзали кошмары, а днём мне чудились наши выстрелы и крики тех офицеров. Меня одолела душевная боль, и тогда матушка повезла меня в глухую деревню. Там, вдали от большого города, стояла церковь, и в ней, невзирая на угрозы со стороны коммунистов, проводились служения. Я отстоял на службах неделю и почувствовал облегчение. Недолго думая, остался при деревенской церквушке послушником и вся последующая жизнь, все дела мои и труды были связаны с Православной Церковью!

Я скажу вам о своём счастливом дне, это был день, когда меня возвели в сан! Большей радости я никогда не испытывал. В этой радости было всё: и восторг души, и благоговение духа. Не было больше сомнений и печали, я нашёл своё место в этом мире и ни единого дня не пожалел о выбранном пути.

Марево над костром затрепетало, и перед взором уставших душ предстала зала деревянной церкви. Она не блистала излишеством образов и богатством риз, висели старые иконы с потемневшими лицами святых, возвышался деревянный крест с распятым Христом.

В изобилии, как в праздник, горели свечи. У ног седого старца стоял на коленях молодой Николай. Старец положил перстами большой и малый крест и расцеловал уже не послушника, но брата и служителя церкви Афанасия.

Проводник поднял посох и размыл марево с видением.

— Да, отче, ты был очень счастлив в тот день, и я этот день принимаю. Я знаю, ты скажешь, что твой самый горестный день тот, когда тебе досталось отпевать отца Феодосия, который был для тебя не только наставником, но и заменой родителей. Его смерть стала для тебя ударом, невосполнимой потерей. Я и этот день принимаю. Однако я хочу показать тебе день, горький для тебя во всех отношениях. Ибо он перечеркнул всю твою жизнь, всё твоё благое служение в церкви.

Отец Афанасий страшно побледнел и сжал крест, он готов был умолять не выносить на свет тайную боль, но уста его были словно запечатаны.

— Тебе было тогда сорок шесть лет, шестнадцать из них ты служил в чине игумена, а после тебе была дадена и более высокая должность. Ты рьяно враждовал с теми, кто отдавал предпочтение не православию, а другим религиям, но ещё больше ты боролся с теми, кто смешивал разные религиозные направления. С этой ересью ты бился до победного. И вот к тебе привезли одного юношу, которого родственники посчитали бесноватым. Хотя это было не так, юноша сам признался, что болен любовью к одной девушке, однако родители ему запрещают на ней жениться. На вопрос почему, он ответил — она исповедовала другую религию, для православия недопустимую. Он был послушным сыном и согласился с родителями. Но тоска была так глубока, что душа его расстроилась. Ты долго с ним беседовал, внушал твёрдые истины православия и даже решил обратиться к девице в истинную веру, тем более, что она сама приехала. Что было дальше, отче?

Священник шумно вздохнул:

— Я увидел её, юную язычницу, ей не было и восемнадцати. Она почитала древних славянских богов и к природе относилась как обиталищу живых добрых духов. Она СМУТИЛА меня.

Воздух над костром затрепетал, и появился облик девушки. У неё было красивое лицо с большими глубокими глазами. Распушенные каштановые волосы вольно лежали на плечах и вились ниже

пояса. Она смотрела так открыто и бесхитростно, что невозможно было сомневаться в её невинности. На губах её играла тихая полуулыбка, какая бывает у спящих младенцев.

Отец Афанасий печально смотрел на облик девушки в мареве, и всё, что он так старательно вычеркнул из памяти, ясно встало перед ним.

— Когда я её увидел, я очень удивился, я думал, придёт размалёванная вся в побрякушках девица, а пришла она, тихая, светлая, с улыбкой на губах. Словно сошла с одной из моих икон, которые я рисовал в молодости, до того как принять дела Епархии. Я был твёрдо намерен её переубедить и обратить в православную религию, но я не смог, я слушал её...

Проводник снова развеял марево.

— Отче, ты полюбил впервые в жизни.

Священник отрицательно покачал головой:

— Нет, она смутила мой дух, она посеяла своими речами во мне сомнение, но, слава Господу, я нашёл в себе силы бороться.

— Ты ещё более слеп, чем я думал, — грустно заметил Проводник. — Если Сергей не понял, что полюбил, то ты напугался своих чувств и совершил тяжкий проступок. Ты помчался к родителям юноши и оболгал её. Так их настрашал, что они пригрозили сыну проклятьем, а девочке причинили немалую боль. Эти двое были предназначены друг другу, а их разлучили. Они так и не обрели своего счастья. Ты ведь мог поступить иначе, Афанасий, ты мог проявить доброту и помочь этим влюблённым. Но ты даже не попытался! Одного понять не могу, почему вы все так боитесь любить?

От этих слов Наталья шумно вздохнула, это все заметили. Проводник забыл о грусти, усмехнулся и кивнул:

— Рассказывай.

— Я не знаю... — замялась женщина, но взяла своё волнение под контроль и продолжила твёрдым и размеренным голосом. — Вы всё знаете обо мне, я уже всё рассказала. Стыдно признаться, но счастливых дней у меня было много. Все дни, проведённые с Антоном, были для меня счастьем, кроме последних дней. Разве что был один вечер, особенный для меня. Антон был в хорошем настроении, он решил меня удивить — купил дорогого вина, зажёл свечи и заставил ими всю комнату. Свечи были повсюду: на столе, на подоконнике, на книжных полках и даже на полу. Он весь вечер играл на гитаре и пел

песни, которые я особенно люблю, даже несколько песен из репертуара ненавистного ему Юрия Антонова. Знаете, есть у него такая песня «Моё богатство». Я была пьяна от свечей, песен, от счастья, я чувствовала, он любит меня и я ему очень нужна. Знаете, я потом полдня соскребала воск от этих свечей, я собрала этот воск в коробку и берегла всю жизнь!

Самый горестный день, когда я узнала, что Антон попал в больницу. Перед этим он сильно накричал на меня. У него не было дозы, ему было плохо, мучила ломка, он умолял меня купить ему дозу, а я отказалась. Он так кричал, даже ударил, и я ушла, но я не выдержала и вечером вернулась. Его не было. Я оббегала весь Арбат, ребята из его компании сказали, что он в больнице, я помчалась в больницу, оказалось, Антон нашёл деньги и купил героин, но ввёл слишком много... Его врач сказал мне, что передозировка может стоить ему жизни. Он пустил меня в его палату, я стояла у постели и молилась, как никогда в жизни. Я поняла, что если он умрёт, то и мне не жить...

Костёр догорел и погас. На этот раз над ним не возникло марево и не было картин из жизни последней женщины. Когда Наташа закончила свой рассказ, все заметили, что наступило ясное утро. Проводник ещё раз стукнул посохом и проговорил:

— Принимаю! Что ж, нелёгкая эта была задача выслушать вас всех, но раз уж обещал, то выполняю своё обещание, вы найдёте своего Ангела-Хранителя.

— Подожди, а как же кости, ты сказал, что мы должны бросить в костёр по одной кости каждый, — спохватилась Зинаида, этот вопрос мучил её уже давно.

Владелец костра громко рассмеялся, поднимаясь на ноги:

— Ваши кости уже сгорели, а ты думаешь, какие поленья пылали в этом костре всю небесную ночь? Теперь вы окончательно оторваны от земной реальности и готовы ступить в мир Искупления.

— Ой, Боженьки, мы что же будем гореть в Аду? — воскликнула бабка Матрёна, словно пробудившись ото сна.

— Гореть? Нет. Скорее всего, вам назначат Адову муку ВОДОЙ, — откликнулся Проводник и пошёл к реке, маня всех за собой.

— Водой? — удивился отец Афанасий.

Проводник поморщился, но ответил:

— Адова мука бывает огнём, воздухом и водой. Огонь очищает гнев, раздражение, обвинительность, осуждаемость и клевету. Воздух, как правило, падение в бездну, очищает себялюбцев, эгоцентристов, ярых карьеристов. Ну а вода очищает всё остальное. Так как вы о материальном пеклись больше, чем о духовном, то вода будет с землёй! В общем, у всех по-разному, — завершил он и исчез в густом кустарнике.

Души в тягостном молчании и растерянности стояли на берегу и переглядывались. Утро небесного дня набирало силу. Окружающий лес поражал своей небывалой красотой. Все заметили, что на деревьях нет ни одного жёлтого или жухлого листа, зелень листвы была необычайно выразительна. Трава под ногами была столь густа и так крепко переплеталась между собой, что невозможно было разглядеть почву под ней. Души стояли у самой воды и ждали. Неожиданно Наталья склонилась и почерпнула горсть песка, чтобы пропустить его сквозь пальцы. Она с восторгом смотрела на то, как песчинки, яркие и различные каждая по отдельности, мягко, как бы паря, падали к ногам, и не было облака пыли, как это бывает на земле.

Неожиданно к берегу причалила лодка, на вид она была лёгкой, но достаточно вместительной, — в ней стоял Проводник. Он поманил души к себе и помог перебраться им с песчаного берега в своё небольшое судно без паруса, скамеек и вёсел. Как только они разместились, Проводник встал на носу лодки, повернулся к ним и сбросил серый плащ. Под плащом оказалось белое одеяние до пят с золочёной вышивкой у горла. За спиной у Проводника неожиданно раскрылись белоснежные крылья и исчезли. Однако этого оказалось достаточно, чтобы все догадались, что перед ними тот самый ангел, которого они искали, а он нашёл их сам.

— Не пытайтесь что-то сказать. Данной мне властью свыше я запечатал ваши уста, — мягко проговорил Ангел-Хранитель и улыбнулся. Эта улыбка стёрла остатки сомнений и горечи. На несколько мгновений все ощутили небывалый мир в душе и любовь.



Глава 9. Место в Раю

Течение Великой Реки подхватило лодку и повлекло вдоль берега. Ангел-Хранитель всматривался в глаза каждого и вливал благодать и своё благословение в отчаявшиеся души. Для каждого он приберёт важные слова, те самые, которые открывают затемнённому сознанию его ошибки.

— Не думайте, что для вас нет места в Раю, но вы слишком тяжелы для этого обиталища светлых душ. Адская мука очистит вас, через неё вы оставите свои земные камни, и тогда я смогу забрать вас в Рай, — произнёс Ангел мягким голосом, в котором больше не было ни иронии, ни усмешки. Он сбросил маску Обличителя и теперь с радостью делился благодатью со своими подопечными. — Меня зовут Алексей, запомните меня и моё имя и зовите в тот момент, когда в Адовой муке вам станет совсем невмоготу. Я обязательно явлюсь на зов и утешу вас. Ещё раз запомните, нет Божьего наказания или суда, есть Порядок, который Он установил при создании Вселенной, и тот, кто нарушает правила Порядка, должен искупить своё нарушение. В этом проявилось великое милосердие нашего Создателя. Он дал возможность каждому искупить свою вину. Ад не может быть вечным, — снова повторил ангел Алексей и поманил к себе деда Владимира.

— Ты был первым, с тебя и начнём! Твоя душа канула в омут житейской жизни, а посему ты поминутно будешь тонуть в омуте с водой, ты будешь пытаться выбраться, хвататься за корни кустов и ветви

деревьев и раз за разом будешь срываться вниз. Но как только твоя мука истечёт, тебе протянет руку твоя дочь, и вытянет тебя, и приведёт к Мосту, где я буду с радостью ожидать тебя!

Ангел положил свою руку на плечо старика и легонько оттолкнул к борту лодки. Неожиданно дед Владимир оказался в другой лодочке, она была маленькая, на одного человека, деревянная, в таких обычно на рыбалку выплывают по речным протокам. Эта лодочка какое-то время плыла рядом, но как только среди берега в глубине леса появилась протока — лодочка с дедом завернула туда и пропала из виду.

— Матрёна! — позвал Ангел-Хранитель, и бабка, ссутулившись ещё больше, подошла к нему. — И ты погрузилась в омут житейской жизни, забыв о душе. За то, что ты глупым колдовством отвела от своих детей счастье и не ведала искреннего бескорыстия, тебя ждёт омут с грязной водой и пиявками, которые постоянно будут жалить тебя. Когда твоя мука завершится, тебе подаст руку дед Владимир и приведёт к Мосту, где я буду с радостью ожидать тебя!

Так сказал Алексей и тихонько подтолкнул бабку к борту лодки. Она так же, как и её старик, незаметно для всех оказалась за пределами общей лодки, только стояла она не в маленькой лодочке, а в деревянной бочке, в каких обычно солят рыбу. Бабка в ужасе вцепилась в железное обручье и намертво укрепилась, чтобы вода не залила её странное судно. Течение реки подхватило бочку и увлекло в первую попавшуюся протоку.

— Вера, — произнёс Хранитель и положил свою руку на плечо старой женщины с глазами обиженного подростка. — Ты страдала при жизни из-за отсутствия детей, и потому твоя Адова мука смягчена — тебя ждёт озеро грязи, тебе предстоит его пересечь, также тебе поминутно придётся выплёвывать грязь из души. Когда срок твоей муки истечёт, тебе подаст руку твоя подруга София и приведёт тебя к Мосту, где я буду с радостью ожидать тебя!

Вера сама прыгнула и оказалась в лодке, сшитой из пластов железа. Женщина одной рукой крепко ухватилась за ржавый борт, а другой помахала оставшимся в большой лодке. Она собрала остатки мужества и сумела послать прощальный привет.

— Светлана, — позвал Алексей, и девушка подошла к нему. — За то, что ты славу предпочла любви, тебя ждут потоки ила, ты будешь тонуть и захлёбываться. Когда твоя мука закончится, из потока ила

тебя вытащит твой Славик. Он приведёт тебя к Мосту, где я буду с радостью ожидать тебя!

Как только Хранитель это сказал, Светлана оказалась за бортом лодки, раскачиваясь в большой, но очень вёрткой ореховой скорлупе. Девушке пришлось поднять руки и балансировать, как канатоходец. Течение подхватило скорлупу и увлекло в первую попавшуюся протоку.

Зинаида сама подошла к Ангелу, но не смогла сдержать возгласа, когда он положил свою руку на её плечо.

— Господи, — взмолилась она, — дай мне всё, что заслужила, но не перекладывай мою вину на детей моих.

Ангел Алексей покачал головой:

— Зина, ты сама перед смертью передала свои долги сыну, а он принял. Но не отчаивайся, твоему сыну будет удача в деньгах, и он быстро выплатит твои долги. Тебя ждёт болото, оно будет засасывать тебя в свои гнилые глубины. Как только этот ужас завершится, тебя из болота вытянет твоя подруга, которая ни разу тебя не попрекнула за все горести, что ты ей причинила. Она доведёт тебя до Моста, где я буду с радостью ожидать тебя!

Едва он произнёс эти слова, как все увидели, что Зинаида оказалась в реке верхом на небольшом бревне. Течение реки подхватило бревно вместе с женщиной и увлекло в ближайшую протоку.

Сергей усмехнулся и тоже подошёл сам:

— А меня какое болото ожидает?

— Не болото, Сергей, не болото. Для тебя жизнь была что бурное море, твоя Адова мука — скитание по морю, которое не знает покоя. Ты будешь в этом море находить острова, взбираться на вершину островов и падать, и все твари, которые будут встречаться на твоём пути, станут кусать тебя и рвать твоё тело на куски — это проклятье твоей дочери. Как только твои скитания завершатся, женщина с лицом твоей дочери выведет тебя на спокойный берег и приведёт к Мосту, где я буду с радостью ожидать тебя. А теперь прыгай!

Сергей перепрыгнул через борт лодки и оказался на плоту, он не мог скрыть тоски в своём взоре. Неожиданно его плот подхватила бурная волна и увлекла в один из широких рукавов реки.

— Подойди ко мне, Афанасий! — приказал Ангел, и священник подошёл к нему. — На тебя возлагались большие надежды, друг, а ты испугался чувств. Тебя ждёт ледяная пустыня, ты будешь брести

по ней и искать огоньки тепла. Как только твой срок истечёт, я сам встречу тебя и с радостью отведу в Райские Сады.

Отец Афанасий посмотрел в глаза ангелу и кивнул. Он тяжело перебрался через борт лодки и встал на вершину небольшой глыбы льда. Течение реки проворно подхватило этот лёд и повлекло туда, где расстился ледяной океан.

Теперь в лодке осталась Наталья, она смущённо смотрела в глаза ангелу и улыбалась. Ему не нужно было манить её к себе, она сама подошла и склонила голову. Хранитель положил свою ладонь ей на плечо и вдруг неожиданно обнял. Женщина обхватила его и разразилась самыми настоящими живыми слезами. Пока она рыдала, лодка завернула в тихую заводь и остановилась. Ангел Алексей вытер её слёзы и сказал:

— Не надо больше плакать, в твоей жизни было достаточно слёз. Лучше оглядись.

Наталья успокоилась и посмотрела на берег, но берега не было. Всюду разливалась прозрачная вода, а в воде стояли деревья. Берёзы шелестели листвою, и в этом шелесте чудилась музыка. Огромные кисти разноцветной сирени сверкали в лучах небесного светила, а ивы купали свои ветви-косы в мелководье. В копнах осоки качала свои головки-бутоны жёлтая купальница. Весь воздух был пронизан разноцветными струями, и дивная гармония листвы и цвета радовала взор.

Проводник взял Наталью за руку и помог спуститься с лодки. Она ступила на мелководье и тихо ахнула, в чистой речушке воды было чуть выше щиколоток, но по дну стелилась длинная трава с острыми, как бритва листьями, они резали кожу на ногах, и женщине было больно. Однако эта боль больше удивляла, чем приносила страдание. Ангел вёл её по воде и успокаивал:

— Потерпи, милая, эта боль будет длиться недолго, — сказал Алексей, ступая рядом с ней.

— Ничего, это не так уж и больно, — ответила со смущённой улыбкой Наташа. Она подумала, что эта боль за отказ от Божьей помощи, но Проводник крепче сжал её ладонь и сказал:

— Никто не наказывает за отказ от Божьей помощи, ты жила достойно, справлялась с серыми буднями, как могла, но тебе не хватило моральных сил уберечь себя от обид и пустого раздражения. Это мелочи, но от этих мелочей и духовные наставники не застрахованы.

Она кивнула.

— Скажи, а там, куда ты меня ведёшь, есть библиотеки?

— Есть и много!

— А театры там есть?

— И театры, там всё есть для развития души и духа, — Проводник отвечал на её вопросы и радовался, возможно, он был счастлив в эти минуты, как может быть счастлив любой Ангел-Хранитель, ведущий душу в Рай.

— Алексей, у тебя, должно быть, другой облик, почему ты похож на Антона? — спросила Наташа, набравшись храбрости.

Проводник рассмеялся:

— А ты почти сразу догадалась, кто я на самом деле. Ведь Ангел-Хранитель принимает облик того, кого человек при жизни сильно любил или ненавидел. Ты любила Антона, его черты передались мне...

— Ты можешь стать таким, какой ты на самом деле, внешне? — попросила она.

Алексей улыбнулся, и облик Антона рассеялся, явив её взору ангельские черты. Наталья ахнула:

— Какая красота!

Хранитель взял её за руку и подмигнул:

— Ты же знаешь, главное — это то, что внутри. С лица воду не пить, хотя с моего можно. Это даже полезно...

Женщина рассмеялась, сжала его тёплую ладонь и снова спросила:

— Скажи, откуда появились человеческие души?

— Наши души были вызваны Создателем из Тьмы Хаоса. Он дал нам свет и дал ещё одну возможность приобщиться к Сиянию и Порядку. Мы снова выбираем. Кто-то идёт в День, а кто-то остаётся в Ночи. Но это не та лунная и звёздная ночь, которую мы знаем сейчас. Ночь Хаоса — это кошмар и ужас, беспомощность перед монстрами и безнадежность, — ответил Проводник, и Наташа ещё крепче сжала его ладонь. Алексей говорил так, что она поняла, он был безмерно рад тому, что снова её обрёл. После стольких лет разлуки он с удовольствием разговаривал с ней и готов был ответить на любой вопрос.

Женщина задумалась.

— Так странно, я всю жизнь испытывала к Антону чувство, оно не угасало до конца моих дней. Иногда я думала, что моя любовь ему вредит. Нужно ли было так гореть, был ли в этом смысл?..

— В любви всегда есть смысл. На земле думают, что любовь даруется лишь достойным, но это не так, именно недостойным, бро-

шенным, неинтересным и бесталанным любовь нужнее всего. Она помогает человеку подняться на одну ступеньку выше. Господь не зря вкладывает в сердце этот огонь и свет. Всех пьяниц, убийц, жестокосердных чужая любовь оберегает в Адовых муках и помогает уберечь душу от окончательного отчаянья. Ты смогла уберечь Антона!

— Я вспоминаю тот день на Арбате, это было подобно грому, сразу, с первого взгляда...

— Арбат... — мечтательно произнёс Проводник и улыбнулся, — а ты помнишь толпу неформалов у стены Цоя?

— Это когда Костя Кинчев напился? — воскликнула Наташа и весело рассмеялась.

— Ну да, они тогда оцепили весь сквер! — с лёгким восхищением сказал Алексей.

— Я так удивилась, иду до театра Вахтангова, понять ничего не могу, что за собрание, подхожу, а мне говорят: «Тихо, не шуми, Костя Кинчев напился и спит на лавочке в конце сквера...». Я так смеялась!

— Н-да, преданность, достойная уважения. А этот случай помнишь?... — и Проводник пустился напоминать ей и рассказывать о других байках и историях, случившихся на Арбате.

Женщина смеялась, и в этих разговорах почти забыла о лезвиях травы и боли. Она не заметила и то, что мелководье реки неожиданно перешло в серебристую гладь Моста. Они не спеша брели рука об руку, и их провожал ласковый взгляд Постового ангела.

Ангел Алексей и Наташа увлечённо разговаривали и шли навстречу встававшему впереди золотистому и бирюзовому сиянию Райских куш.

г. Нягань

Элегия — лирическое стихотворение, проникнутое грустью.

*Это радость и счастье
для всей вселенной,
когда двое становятся — одним.
И страшно, когда наоборот.*

Элегия

1. Голос

По осеннему парку блуждал голос. Он эхом убегал в еловые аллеи и обнимал золотые берёзы. Ластился к ещё зелёной сочной траве и прыгал по веткам деревьев. Ветер играл с ним, поднимая высоко в безоблачное небо и падая на землю, зацепив легкокрылых птиц. Голос невидимыми руками касался камышей у тёмного пруда. Этот женский голос был переменчив, как природа: то звенел весенней капелью, то проливался весёлым летним дождём.

Под густой елью на краю солнечной поляны полулежал молодой мужчина. Голос приблизился к нему, выходя из-за густых кустов в облике девушки. Молодой человек приятно удивился. Как хорошо, что голос принадлежал такой очаровательной девушке.

Он приподнялся на один локоть, чтобы лучше рассмотреть её. Она была высокой и стройной. Её глаза светились кусочками небес. Тёмные брови были подобны крыльям чайки, а пушистые длинные ресницы подчёркивали свет и чистоту глаз. Русые волосы, сплетённые в косу, лежали на плече, покачиваясь на груди в такт плавным шагам. И именно таким волосам дано было окутывать нежные, слегка округ-

лые черты лица. А тонко очерченные губы пели слова. Да, именно такие губы должны быть преддверием Рая в мир мелодий.

Вдруг голос оборвался. Какой-то парень преградил девушке путь, неожиданно вынырнув из-за густых кустов и окликнув её. Она попятилась. Парень вальяжно расставил ноги и вполголоса заговорил с ней. Девушка нахмурилась.

— Шёл бы ты отсюда куда подальше, — громко проговорил из-под ели невольный свидетель их встречи. Он жалел, что песня прервалась и голос девушки умолк.

Парень резко обернулся, только теперь заметив молодого мужчину, явно сильнее его.

— Тебе-то что? — последовал дерзкий вопрос.

— Мне — ничего. А тебе будет — разбитая морда!

Парень, недолго думая, благоразумно удалился.

Девушка немного постояла, а потом, решившись, подошла к ёлке.

— Я, наверно, должна поблагодарить тебя? Спасибо. — Её голос прозвучал твёрдо. Она внимательно посмотрела на неожиданного заступника. Ничего примечательного. Пепельные волосы находились в полном беспорядке, тёмно-синие глаза смотрели глубоко и сосредоточенно. Под ними пролегли тени.

— Спокой ещё, это и будет благодарностью, — проговорил он, снова укладываясь на мягкую кучу сухих иголок.

Лицо девушки порозовело, и она робко спросила:

— Тебе понравилось, как я пою?

Он посмотрел в её глаза и кивнул. Девушка смутилась ещё больше, видно, не всегда она пела, как в этот день.

Она присела у его ног, немного подумала и запела нежную колыбельную песню. Мужчина замер. Сколько же было любви и ласки в этой песне. Он готов был поверить в то, что рядом сидит его мать и баюкает его, малыша, в тёплой колыбели. К горлу подкатил комок, грудь стеснилась, мечты, умершие когда-то, ожили. Не выдержав, он открыл глаза и посмотрел на девушку. Она сидела, обхватив колени, лицом к солнцу. Закрыв глаза. И пела, покачиваясь в такт тому, что лила и творила. А солнечные лучи сверкали, запутавшись в её волосах.

Он глубоко вздохнул и вновь отдался волне светлых воспоминаний. Вот он тянется из материнских рук к ветке с тяжёлыми яблоками. Вот эти же руки моют его в кадushке с водой, под защитой цветущего сада.

Вот он ходит среди деревьев и мечтает о будущем, а мама в это время вышла на порог дома и зовёт его: «Сынок...».

Прохлада коснулась его щёк. Он открыл глаза. Прохладой были её руки. Девушка склонилась над ним и с нежностью вытирала слёзы. Когда увидела, что он открыл глаза, виновато отодвинулась. И он почему-то пожалел об этом.

— Я не хотела тебя будить, ты так крепко заснул. Но увидела слёзы на щеках...

— Твоя вина, — тихо проговорил мужчина, понимая, что боль потерь, не дававшая ему покоя, отступила, разжав когти на сердце, — думал, что никогда уже не пролью ни одной слезы. — И он улыбнулся ей. Ответная улыбка была робкой и несмелой.

— Мне пора, — сказала девушка, собираясь уходить.

— Подожди, как тебя зовут?

— Мелодия, — пошутила она.

— Буду звать тебя — Мэл, на одном старом и почти забытом языке это значит — Любовь.

— Хорошо. Мэл, коротко и красиво. Мне нравится, а тебя как называть?

— ...Леший. Зови меня Леший.

Мэл тихо рассмеялась.

— Хорошо, Леший.

— Ты придёшь ещё? Приходи, я часто здесь бываю.

— А я нет, но я приду, если ты хочешь...

Она поднялась и скрылась в аллее жёлтых берёз. Через несколько мгновений ушёл и он.

2. Грусть

Бывало ли раньше, чтобы он сочувствовал звукам голоса, незнакомого досель, но принятого сердцем? Нет, не бывало.

Знал ли он, что судьба может причудливо изогнуться и развернуть очертания мира более светлой стороной? Знал, но не верил. Как не верил в чудеса. А они, оказывается, бывают, ведь произошло же чудо встречи. Хотя, если рассудить, и не чудо вовсе, просто встреча,

каких много. И случаются они ежесекундно. Но Леший почему-то точно знал — это Чудо, хотя бы потому, что ему снова хотелось жить.

Он ждал уже пятый день, терпеливо, упрямо! Сначала Леший думал, она придёт на выходные, в субботу или в воскресенье. Ведь все ходят в воскресенье в парк, почти все. Но она не пришла. Прошёл понедельник, пасмурный и ненужный. Вторник выдался с облаками, с покачиванием деревьев.

Леший лежал на куче сухих иголок и несколько часов наблюдал, как деревья гнули стволы под ладонями ветра. Клонило в сон, и он готов был погрузиться в это размеренное покачивание мира, как вдруг тихая тоскующая нота проникла в сознание. Леший приподнялся...

У этой песни не было слов, лишь мелодия — прерывистая, горестная. Как будто падала птица с подбитым крылом, то сляясь превозмочь паденье, то обречённо поникая вниз — навстречу камню. Что могло случиться с Мэл? Какое горе заставило её голос звучать так отчаянно?

Девушка замолчала при входе в берёзовую аллею. Подошла... — так и осталась стоять возле ёлки.

— Рассказывай! — приказал Леший, но тут же спохватился: — Что-то случилось?

Она пожала плечами:

— Надо меньше доверять людям!

Леший успокоился.

— А я уж подумал — кто-то умер.

— Почти, — выдохнула Мэл и стала искать, куда бы устроиться.

Леший подвинулся, уступая часть тёплой кучи из сухих еловых иголок. Она села.

— Уж лучше б умер, чем так... — разочарование жилы тянет, — тихо проговорила она.

— Смерть не лучший выход. И не важно, в какой ты ситуации находишься, — откликнулся Леший, не поворачивая головы в её сторону.

— Тогда что же? Когда разочарован в человеке, когда обманут, как поступить? Особенно когда он навязчив?

На этот раз Леший повернул голову и внимательно посмотрел на неё. Глаза сухие, теней от бессонницы нет, как нет краски стыда. Значит, не о любимом говорит, скорее о бывшем друге.

— Дай ему ясно понять, что он не тот человек, с которым бы ты хотела иметь отношения. — Леший говорил медленно, с трудом подбирая слова. Сам бы он поступил однозначно: «начистил» морду.

— Да уж объясняла. Толку-то?! Осталось последнее средство: морду набить!

Брови Лешего удивлённо изогнулись.

— Ты рассуждаешь по-мужски.

Мэл рассмеялась.

— Хорошо валяться. Пойдём прогуляемся, — предложила она.

Они брели по аллеям. Сворачивали с асфальтированных дорожек, подальше от людей, поближе к молчанию и пониманию неизвестного. Они шли в глубины парка, одновременно мечтая, чтобы эти глубины не кончались.

Мэл лавировала между стволов деревьев, иногда ныряя в кусты и возникая вновь, — то с гроздью рыжей рябины, то с раскрашенным цветами осени кленовым листом. Совала ему в руки и снова исчезала.

— Волнующее безмыслие, всё не так как раньше. Мир не нов, но что-то изменилось, — безмятежничал Леший, неся в руках букет осенней листвы.

Мэл неожиданно вынырнула из подлеска и поманила за собой.

— Здесь у меня любимое местечко, — прошептала она, разводя перед ним кусты.

Леший вошёл и замер, с любопытством разглядывая потаённый уголок парка.

Это напоминало добрую насмешку. Лет двадцать назад кто-то слукавил и посадил берёзы почти ровным островком среди других деревьев. Он попытался представить картину сверху: если б летел над парком на вертолёте, сразу бы отметил золотистый пятёчек берёз.

Мэл поманила его в середину берёзовой рощицы.

— Правда, здесь хорошо?! — спросила она.

Он утвердительно кивнул.

— Обними её.

Леший удивлённо посмотрел на девушку.

— Обними берёзу, — настаивала Мэл.

— Зачем?

— Господи! Ты что развалишься, если обнимешь дерево?

— Если б ты попросила себя обнять, а то берёзу. Зачем мне с деревом обниматься? Оно холодное, — ответил Леший.

Мелодия, смеясь, спряталась за дерево.

— Сам ты холодный!

Он пожал плечами и положил руки на ствол. Мелкие кучеряш-

ки коры щекотали ладони. Леший запрокинул голову и посмотрел на золотую листву. Небо очистилось. Лучи солнца ласково ощупывали землю, роняя осеннее тепло.

Леший прижался к дереву. Ладони Мэл легли на его руки и тихонько сжали. Она улыбалась и смотрела в его глаза. Кокетничала девушка с ним или просто играла в одну из своих игр, он не углублялся в эти возникшие вопросы. Коротенький миг покоя овладел им, проник в замурованное сердце и остался с лёгким вкусом берёзового сока во рту.

— Это магия?! — тихо проговорил он.

— Нет, — откликнулась Мэл, — просто берёза.

3. Сон

Он ждал её. Хотелось подняться с тёплой кучи иголок и мерить маленькую поляну шагами. Он ждал.

По небу тяжело плыли тёмные облака, неся с собой влажное дыхание слякотной погоды. Совсем скоро зачистят дожди. Золото листвы потеряет свой блеск, и только голые ветки потянутся к небу в немой молитве о новой весне.

— Хоть бы пронесло! — молил Леший, глядя на тяжёлые облака. Он жалел о том, что сейчас не лето и нет возможности продлить очарование встреч. Причиной тому был сон.

Странно, он давно отказался от снов — заставил себя сознательно вычеркнуть из головы кошмары из прошлого. И вдруг сон, похожий на явь.

Ему приснилось лето в лесу. Леший бродил среди кряжистых дубов и что-то искал. Солнечные лучи играли в листве. Птицы звенели разноголосицей. Было тепло и радостно. Он набрёл на тропинку. Она вывела его к огромному дубу. Леший подошёл к нему и запустил руку в дупло, нащупал и вынул свёрнутый лист бумаги. Именно это он и искал. Развернул, мелким почерком была написана всего одна строчка: «Где ты? Очень хочется поговорить».

Леший спрятал её в кармане, а в дупло положил другую.

Проснувшись, он долго не хотел вставать. Думал о своей записке. Гадал, что же он на ней написал в ответ.

Всё-таки Леший не выдержал и пошёл к ней на встречу. Чутьё никогда его не подводило и нередко спасало ему жизнь. Он был чётко уверен в том, что именно сегодня она придёт.

Услышав голоса, Леший замедлил шаг и замер у края густого кустарника. Раздвинул ветки и посмотрел на асфальтную дорожку.

— Оставь меня в покое! — Мэл сердилась. Напротив неё, загораживая путь, стоял давешний парень, которому Леший грозил морду набить.

— Мы повязаны. Тебе выгоднее быть со мной. Я не понимаю, что ты мечешься? Разве нам плохо вдвоём? — Он попытался подойти к ней вплотную, но девушка резко отстранилась.

— Между нами ничего не было!

— А могло бы быть, если б не твоё упрямство и глупость! — Парень терял терпение. — Слушай, будешь и дальше так упрямиться, я передумаю. На твоё место метят другие. Приползёшь ко мне на коленях и будешь молить взять обратно!

Мэл задумалась:

— Я доверилась тебе, считала тебя другом, а ты... Мне плевать на твои угрозы! Оставь меня в покое!

Парень рассмеялся:

— Ты всё равно никуда от меня не денешься, девочка моя.

— Я вижу всё бесполезно, может быть, ты такой разговор поймаешь... — Слегка повернувшись влево, девушка сцепила руки и...

Леший не заметил, как она нанесла удар. Крутанувшись на месте, парень слетел с тропинки. Мэл устало посмотрела в сторону бывшего друга и покачала головой.

Леший выбрался из-за кустов. Подошёл к парню и перевернул на спину. На правой стороне лица пауком разливался ужасный синяк. Мужчина удивлённо посмотрел на Мэл.

— Не хило ты его.

— Пойдём. Он скоро придёт в себя, — подобрав сумку, девушка двинулась на родную поляну.

Уже под елью Леший спросил:

— Чем ты занималась?

— Карате. Один из моих родственников был помещан на восточных единоборствах. Он меня с десяти лет истязал. В пятнадцать я сама кинула его через плечо, — она отвечала и доставала из сумки снедь. Расстелила узорчатое полотенце, достала баночку мёда и пол-

ный мешочек блинчиков. Затем последовал термос с ароматным чаем, кружки и две ложечки.

— Вот мечтала устроить маленький пикник, тебя порадовать. В сказках читала, что Лешие падки на мёд и стряпню. А тут этот... вывалил, — она вздохнула, — поешь со мной, я пекла для этого вечера.

Девушка разлила чай по кружкам. Леший втянул в себя душистый аромат. Вот это чай! Каких только трав нет! Он различил лист смородины, малины и мяты, а ещё пахло яблоками. Родное тепло разлилось по душе, и Леший обжёгся кипятком. Сладкий липовый мёд таял с блинчиком во рту, вызывая желание съесть ещё. Поглощая очередную ложку мёда, он решился спросить:

— Чего он от тебя хотел?

Мэл нахмурилась.

— Не спрашивай об этом, ладно?! Я попытаюсь сама разобраться.

Леший кивнул. Трапеза закончилась. Теперь они просто сидели под ёлкой и потягивали целебный чай.

— Мне удивительно легко с тобой, — вдруг произнесла она, — должно быть, ты вырос в деревне или провёл детство на природе, а не в городе. Не всякий чувствует и любит дух Природы.

— Да, — откликнулся он, — здесь я примиряюсь с самим собой... Мэл, ты можешь меня не опасаться.

Она снова нахмурилась:

— Я не тебя опасуюсь, а новых разочарований. Когда их много, душе больно. Трудно быть собой. Со всех сторон заставляют подстраиваться под установленные рамки. Нельзя верить по-настоящему — обманут. Нельзя помочь бескорыстно — сядут на шею. Нельзя любить — предадут.

Леший пожал плечами:

— А я всегда страдал от неискренности.

— Неискренность — это как шелуха. Но стоит убрать лишнее, и увидишь свет души, таинственный и неповторимый.

— ...люди все разные.

— ...в этом риск разочароваться в друге. И всё же надо надеяться на лучшее. Не может судьба всю жизнь обманывать не теми встречами.

Леший сжал её ладонь.

— Не думай об этом. Не грусти. Всё наладится.

Из-за туч выглянуло солнце, позолотив верхушки деревьев.

Ожили птицы, их трели звонкими искрами падали в воздух, в тихий и печальный шелест увядающей листвы.

Разговоры о душе — разговоры ни о чём. Но даже если не понимаешь, о чём идёт речь, и тебе неинтересно слушать — так надо! Это необходимо не только для говорящего, но и для слушателя. Среди фраз обязательно найдётся та, которая вскроет твои тайники и сделает тебя лёгким и прозрачным.

— Мне сегодня приснился странный сон, — проговорила Мэл после долгого молчания, — он взволновал меня. Я целый день живу под его впечатлением. Мне снилось: я в лесу. Лето. Кругом деревья, всё больше дубы.

Леший внутренне напрягся.

— ...Я бродила среди этого великолепия и вдруг заскучала. Взяла и написала записку неизвестному, не встреченному ещё другу, а потом положила в дупло. Я написала: «Где ты? Очень хочется поговорить». Гуляла, набрела на пруд. Но потом вернулась к дубу... и нашла другую записку. И знаешь, что в ней было написано?

— Что? — оцепенел Леший.

— «Я здесь. А тебя где носит?».

4. Правда о Лешем

Едва он вошёл в квартиру своего друга Игоря, а навстречу из кухни вылетела заплаканная Ирина.

— Александр, слушай! Ну я всё понять могу: Афган, смерть, но это не повод скатываться вниз. Жизнь не окончена. Разве нельзя жить ради семьи?! Ведь есть же дети! Я люблю его и ТАКИМ, но я устала от постоянных попок! Саш! Ну что сделать, чтоб он остановился?

Из детской комнаты послышался плач, и молодая женщина кинулась к детям, не дожидаясь ответа. Александр разулся и прошёл на кухню, там он увидел картину, повторяющуюся вот уже три месяца. За столом в инвалидной коляске сидел его друг и солдат — Игорь Колесников. Ноги, чуть выше колен, оторвало во время бомбёжки базы. Саша сам и вытащил его тогда, без ног. Напротив Игоря сидел Олег, тоже солдат, в который раз пришедший вывести друга из депрессии.

На кухне висела густая завеса сигаретного дыма. На столе стояла почти допитая бутылка водки. Ещё две валялись в углу пустые. Игорь спивался, и ни Олег, ни сам Александр не могли остановить этот запой. Афган легко своих жертв не отпускал.

— О, лейтенант пришёл! — радостно заорал Игорь. — И где тебя носи́т! Всё ходишь и ходишь где-то. Олежек, наливай лейтенанту!

Олег поднялся и пожал лейтенанту руку.

— Может, хватит?! Ирина опять в слезах.

— Санёк, а ты заставь её отключиться, — и Игорь постучал себя по голове, — чтобы я не слышал взрывов, не слышал криков. Лучше б меня хорошенько контузило, я б тогда ничего не помнил.

— Ты нужен своей семье. Кто-то должен её защитить, у тебя сыновья, их растить надо, — устало проговорил Александр заученную фразу.

— А что я могу? Что я могу без ног?

— Ноги не главное. Главное: ты живой! Ирина тебя любит, а не то давно бросила бы.

— Любит... любит... — пробормотал Игорь, — ног нет, а пипку не отшибло, пипка ещё маячит, а лейтенант! — И он осклабился в пьяной улыбке.

— Дурак ты, — тихо проговорил Александр и собрался уйти, но Игорь поймал его цепкими руками и притянул к себе, обнял.

— Прости, ну прости меня, лейтенант. Это ты у нас крепкий. А я... я, Афганом в голову стрелянный.

Леший взял его на руки и понёс укладывать спать. Олег тоже поднялся, взял с холодильника упаковку снотворного, налил полстакана воды и пошёл следом...

Они стояли на балконе и курили. Два боевых друга, не оставляющие третьего. У каждого за плечами несколько лет войны в Афгане. Каждый нёс свою боль в душе и по мере возможности таил до глухого часа, когда можно было сбросить груз в запое, в развлечении или, на худой конец, дома — прооравшись в подушку до хрипоты, проревевшись, — пока близких не было рядом. Вот только Игорь не выдерживал. Не прикрито, не сдержанно расплёскивал свою боль.

Олег и Игорь — дети одного города. Сдружились на войне, как водится, — отрядом. Осталось только трое. После вывода войск Александр привёз Игоря домой, сам не знал, куда себя деть. Семья Колесниковых уговорила его остаться пока у них. Всё равно у него не было своего дома. Деньги на покупку квартиры были, но Саша медлил, раз-

думывал, стоит ли оставаться в чужом городе. Бился за Игоря. Вместе с Олегом возил его по больницам, выхаживал, вытаскивал из петли. Оба надеялись, что друг подыметсЯ, хотя бы благодаря протезам, которые они ему заказали. Надежда слабая, но всё-таки надежда.

Олег сбил пепел с сигареты и снова глубоко затынулся.

— А он прав, — тихо проговорил он, — мы все «стрелянные Афганом» в голову. Что делать, лейтенант? Как дальше жить с этим?

Александр смотрел на небо, затуманенное смогом.

— Жили же люди после Великой Отечественной войны, и мы должны жить, — ответил он.

— Н-да, интересно, тогда тоже отрезали головы противнику, сажали людей на кол, месили землю с кровью, подбирали остатки друзей, и...

— Перестань! — резко оборвал его лейтенант. — Было и было! Надо с этим сжиться! У тебя мать и отец, живи ради них — женись, подари внуков. Ты хотел поступить в институт, что мешает?!

— Афган! Он всегда будет со мной.

— Знаешь, — проговорил Александр, — если б моя мать была жива, я ни в чём бы не сомневался.

Олег по-дружески сжал его плечо.

— Ты устал, лейтенант. Слушай, пойдём в субботу со мной на вечеринку. Мои друзья забили столики в шикарном ночном клубе. Будут песни, танцы, там, говорят, одна классно выступает. Пойдём, развеешься.

— Во сколько?

— В десять вечера.

— Ладно. Там видно будет.

— Ты останешься или махнёшь на родину? — спросил Олег.

— Ещё не решил. Подыдем Игоря, там и определюсь.

— Слушай, лейтенант, а может, махнём за границу?! Я море только на картинках видел и в кино. Поехали на острова, познакомимся с негритянками, я слышал, они от наших сильно отличаются. — Олег пытался быть весёлым.

Александр отмахнулся:

— Всё тебя на экзотику тянет — ночные клубы, негритянки, море...

— Так самое время об этом думать! — разухабился Олег.

На балкон заглянула Ирина.

— Саша, ты же не ел, пойдём поужинаешь. Олег, тебе тоже не мешало бы закусить. Родители звонили, беспокоятся. Сказала, скоро будешь.

— Хорошая ты женщина, Иринка! — воскликнул Олег, и они все вместе отправились на кухню.

5. Прогулка

Ветки деревьев хлестали его по лицу, но довольный Леший мчался, не обращая на это внимания. Он готовил сюрприз для Мэл и поэтому немного задержался.

Осень никогда ещё не была так прекрасна и так милосердна тёплыми, золотыми днями. То ли это судьба, то ли высшее провидение наконец-то решило осветить его жизнь. Так это или нет, но Леший твёрдо решил наслаждаться этими днями до конца, не упустив ни одного благословенного мгновения.

Девушка спала под развесистой ёлкой. Видно, ожидая его, заснула. Леший тихо приблизился, сел рядом и замер. Она выглядела очень уставшей. Под глазами пролегли глубокие тени. Происходило то, чего Леший опасался. Внешний мир вторгся в их маленький таинственный мирок. У каждого из них свои печали, свой груз горестей и забот. Но ни один из них не стремился этим делиться. Они оба боялись нарушить волшебство. Два заговорщика, два соучастника преступления — пытались сбежать от грубых законов внешнего мира. А в чём их преступление? В том, что они уходили от очевидно-го? Леший бежал от ужасов войны, а Мэл? От чего убегает она?

И всё же внешний мир не отпускал их. Они могли сколь угодно уединяться в парке, но за его границей всё становилось, как прежде.

— Я хотел бы с тобой всё забыть, — тихо прошептал Леший.

Ветер гнал облака и, казалось, дарил надежду...

— Ты давно здесь? Я задремала. — Она проснулась и поднялась, разминая мышцы.

— Пойдём, я кое-что приготовил для нас.

Он взял её за руку и повёл. Она его ни о чём не спрашивала, что-то тихонько напевала и старательно скрывала печаль. Но, когда

увидела лодку в заводи пруда, от неожиданности ойкнула и застыла. Растерянно посмотрела на Лешего, на лодку, снова на Лешего, и такая радость засветилась в её глазах, что он сразу забыл как надрылся. Он волоком тащил лодку от реки до большого паркового пруда.

— Так не бывает... — пробормотала девушка, — неужели мы сможем покататься на лодке?

— Сможем. Садись, только осторожно, дно грязное.

Она крепко обняла его.

— Как здорово, Леший, это похоже на сказку!

Он смутился.

— Если все сказки так легко достижимы, ты будешь радоваться им достаточно часто.

Они сели в лодку, и Леший заработал вёслами. Сначала они плыли в камышах, затем направились вглубь парка, по притоке.

Радости Мэл не было предела, она взмахивала руками, подражая полёту чайки, пела что-то на незнакомом Лешему языке и горстями подбрасывала воду.

— Ты только посмотри, как красиво! — восклицала она. Он улыбался в ответ.

Лучи солнца отражались от воды и яркими пятнами ложились на склонённые ветви ив, что купались в притоке. Ничто не тревожило. Реальность дарилла лучшее, что можно обрести в ней: покой и благодать.

— И как это тебе в голову пришло? — снова воскликнула девушка. — Ты точно не городской?! — предположила она.

Леший кивнул.

— Там, где я вырос, была река, она спускалась с гор в большое озеро. Быстрое течение постепенно замедлялось... — вода кристально чистая, брызги в лучах солнца сверкали драгоценными камешками... — Он на время умолк, видение родного края кольнуло в сердце. — А ещё там был дом — двухэтажный, такие больше не строят, и рядом с домом яблоневый сад...

— Был? — осторожно спросила Мэл.

Леший перестал грести. Лицо напряглось. Руки сжались в кулак.

— Всё сгорело: дом, сад, мать погибла! Был пожар... а я в Алма-Ате служил, последний год. Меня рядом не было...

В этот момент лодка качнулась. Это Мэл придвинулась к нему и взяла за руки.

— А отец?

— Отец погиб в горах, ещё раньше. Я его мало помню. Мне шесть лет было, когда его накрыла буря. Мать рассказывала, он разведывал путь для геологической экспедиции.

Неожиданно Леший прижался лбом к её плечу. Она не оттолкнула. Наоборот, стала гладить его по голове, перебирая тёмные кудри. Он глубоко вздохнул и позволил застарелой боли пролиться слезами.

Слабые волны отнесли лодку к берегу, под крону развесистой ивы. Золотые листья кружились над головой, плавно падали на воду.

Всякое освобождение болезненно. Леший рыдал, не стыдясь, — так плачут только в детстве, и эта боль выходила мучительно: горечь и горечь, сорвавшие плотину воли, опустошали душу и одновременно очищали её.

— Я был зол, возненавидел мир и судьбу! Подписал контракт и пошёл на войну. Думал, на Афгане избавлюсь от ненависти. Дурак! Я не знал, что делаю хуже. Привыкал к людям, а они гибли на глазах. Ужасы войны преследуют меня и я не знаю, куда сбежать от боли!

Лодка качалась у берега. Мэл бережно взяла Лешего за руки и вывела на сушу, где усадила под иву и снова прижала к себе.

— Ты мне не поверишь, — прошептал Леший, — но я первый раз позволил себе эту слабость — плакать. Держался до последнего. Твои песни что-то со мной сделали...

— Это не слабость, просто чаша переполнилась, — откликнулась Мэл и прижалась губами к его волосам.

— Я хотел бы тебе обо всём рассказать, — проговорил он, окончательно успокоившись.

— Хорошо. Скажи, а ты возвращался домой... — ну, туда?

— Нет.

— Леший! Тебе обязательно нужно вернуться. Нужно построить дом, посадить новый сад! Если не там, то где-нибудь поблизости.

— Я подумаю... — неуверенно ответил Леший.

— И нечего тут думать! Неважно, что пепелище. Кладбище всегда рядом с жильём. Но это твоя земля, твои корни! Они помогут родиться. Ты только представь: твои будущие дети гуляют в саду, посаженном твоими руками!

— Хорошо, — откликнулся он и пошевелил плечами, но не для того, чтобы освободиться от объятий Мэл, а самому обнять её. Так они и просидели весь вечер под ивами...

6. Правда о Мелодии

— Ты не пожалеешь, обещаю! Полгорода рвётся сюда посмотреть на эту певичу. Она ещё и танцует так — ширинки рвутся! — кричал Олег сквозь грохот музыки, пока они пробирались к своему столику.

Леший не питал иллюзий по поводу подобных сборищ. В публичных местах его постоянно коробило от «стадности» толпы. Будто и не люди вовсе, а бараны на задних ногах, созданные больным рассудком безумного учёного. По возможности он толпы избегал. Не пришёл бы и в это известное заведение, но поддался уговорам Олега. Хотя, в сущности, и не в уговорах дело, а в отсутствии Мэл. Прошло три дня. Она не приходила. Может, посчитала его слабаком, ведь не сдержался, выплеснул боль — раскис. Но она была так искренна. А может, испугалась своей нежности? Может, всё серьезнее? Может?..

Леший боролся с собой, он впустил её в свою душу и томился от разлуки. И мысленно ругал себя за желание ясности в их необычных отношениях. А впрочем, он не мог разрушить то, чего нет.

«Когда дождь в душе, — вспоминал он слова из песни Мэл, усаживаясь за столик, — это ожидание желанного прихода. Да, дождь — ожидание...»

В огромном зале клуба гремела музыка. Между столиками сновали девочки в коротеньких юбках, обслуживая состоятельных клиентов, пришедших развлечься на американский манер.

Олег пихнул его в плечо:

— Смотри, это её менеджер. Сволочь! Никого к ней не подпускает.

Леший посмотрел вправо и удивлённо хмыкнул. У сцены с микрофоном в руках стоял молодой мужчина, которого он дважды видел в парке. Александр хлебнул вина и притянул к себе Олега, крепко сжав за шею.

— Лейтенант, ты что?

— Как зовут певичу?

— Никто не знает. Её называют «Маской».

Услышав ответ, Леший выпил весь бокал и задумался. В это время менеджер одарил публику слащавой улыбкой, чуть поддавшись вперёд и расслабленно облокотился о сцену.

— Вы долго ждали её! Увидеть! Услышать! Вы жаждете облизать её взглядом! С радостью объявляю единственную в этом клубе девушку-загадку — «Маска»! — На его вскрик зал отозвался бурным воплем.

Зазвучал саксофон. Мягкий джаз молочным зверем спустился со сцены и заполнил собой зал, прикоснувшись холодным языком к ногам пришедших. В центр сцены вышла высокая девушка. Блестящий шёлк плотно обнимал её стройное тело. Чёрная маска скрывала верхнюю часть лица.

Леший впился в неё глазами, он сидел достаточно близко, чтобы разглядеть не только лицо певицы, но и длинные ресницы над голубыми, как два куска льда, глазами.

Певица запела на английском языке, не слишком томительно, но и не слишком чётко. Голос с придыханием бархатным, обещающим райские удовольствия, пленил всех. Он дурманил струями душных трав, опутывал цепкой лианой. Голос звал, и голос признавался в неутолимой жажде прикосновений и ласк.

Леший не понимал смысла слов, в этом и не было надобности. Сидящий рядом Олег завороченно повторял часто звучащую фразу из песни:

— Да... Да! «Я король твоей любви!»

Взгляд певицы отрешённо скользил по лицам зрителей. Леший сжал бокал... — Хруст лопнувшего стекла привлёк её внимание. На краткий миг, на долю секунды певица умолкла. Леший перестал дышать... — Мэл!

Она продолжала петь, ничем не выдав, что узнала его. Отвернувшись, девушка больше не смотрела в его сторону. Но Александр не усомнился в своём подозрении. Это была Мелодия, и она тоже узнала его.

Реальность ворвалась слишком неожиданно, он, не готовый к ней, опустошал бутылку вина, не вслушиваясь в колдовство голоса. А голос, казалось, решил испытать его незнакомой доселе лаской и нежностью, уверенными обещаниями — ответом на все его тайные желанья. Одна песня сменяла другую, к пению Маска добавила томные движения, словно приглашала утолить её женскую тоску.

Леший заставил себя оторвать от неё взгляд. Он взглянул на друга. Олег сидел натянутый, как гитарная струна, и сжимал кулаки.

— Я встречу с ней! — воскликнул он, когда пение прекратилось.

— А как же негритянки на островах? — насмешливо спросил Александр. — Передумал?

Олег напряжённо рассмеялся:

— К чёрту негритянок!

Певица не уходила. Ожидание повисло в зале. Послышались нетерпеливые призывы. И вдруг Маска быстро ушла вглубь сцены. Одним рывком распахнула платье, и оно блестящей шкуркой стекло с гибкого напряжённого тела. На ней осталось чёрное трико с каскадом серебристых нитей вокруг тонкой талии. Зал взревел с первыми звуками ритмичной музыки. И певица, ставшая танцовщицей, быстро вошла в центр танцевального подиума с металлическим шестом посередине.

Леший смотрел и не мог оторваться. Каждая мышца разгорячённого тела танцовщицы реагировала на бешеный ритм. Это был восточный танец. Бёдра танцовщицы ловко выписывали «восьмёрку» и отзывались на каждый удар барабана. И в этом танце она не рассказывала о тоске, она была тоской. Она не звала, она сама была Призывом. Искушение и Рай в чистом узоре танца.

Подобно жидкому огню девушка плавно скользнула в зал и прошла вдоль столиков, лавируя между мужчин. Она никому не позволила к себе прикоснуться. И только проносясь за спиной Лешего, чуть-чуть коснулась его плеч, внезапно пробудив в нём желание.

«Что ж, — подумал Александр, — хороший удар по чувствам».

Маска умчалась за кулисы. На смену ей вышла другая танцовщица. Какое-то время Леший сидел и смотрел в пустоту и только потом заметил, что Олега рядом нет. Александр не на шутку всполошился. Товарищ по Афгану мог натворить непоправимых дел. Он поднялся и незаметно прошёл в коридор за кулисы. Мимо него, хихикая, пробежали молоденькие девицы. Он остановил одну и спросил, где можно найти Маску, присовокупив к вопросу зелёную бумажку.

— В конце коридора лестница, её гримёрная этажом выше.

Леший отправился по указанному пути, но на верхний этаж не поднялся, этого делать не пришлось. На лестнице, привалившись к стене, сидел Олег и держался за щёку. На правой стороне лица алой кляксой расплывался синяк.

«А ведь мне знакома эта рука!» — радостно подумал Александр и расхохотался.

— Я только хотел её обнять! — обиженно промычал Олег, опираясь о руку друга. Когда они уходили, Александр заплатил бармену и попросил передать маленькую записку Маске. На ней он написал: «Жду в понедельник. Леший».

7. Мечта

Ему захотелось встретить восход солнца в парке. Леший крадучись выбрался из квартиры и побрёл по ночному городу, размышляя о событиях прошедшего месяца. Посмеивался над Мэл, смеялся над собой.

Он столько раз говорил Игорю и Олегу о смысле жизни, о том, что надо жить не только ради себя, но и ради других, — и вот этот смысл называл и для него.

Машины нарушали тишину предрассветного утра. Они железными жуками шелестели по дороге и сигналили прохожему одиночке.

Смысл... Но прежде мечта — неуверенная и зыбкая. Мечта, в которую он сам не верил, наконец-то обретала осязаемость и форму. Мечта о семье неожиданно трансформировалась в один чёткий смысл — Мелодия! Лишь от неё одной зависела теперь его будущность. Она одна решит всё!

Леший не задавал себе вопрос, любит ли её. Всё его бывшее познание любви было слишком блёклым по сравнению с тем чувством, которое он переживал сейчас — в данную секунду своей жизни. Как будто всё ранее испытанное им лишь проверка, подготовка — прыжок в бездну. Этот прыжок должен был заведомо окончиться паденьем, но вдруг оборачивается полётом — крыло в крыло.

Парк встретил его нежной россыпью инея на траве. Над кронами деревьев краем блюда медленно всплывало солнце, прежде себя посылая лучи. Но Леший смотрел не на солнце, а на большую паутину, сплетённую паучком между двумя лапами ели. На геометрическом узоре паутины лежали застывшие росинки. В пасмурный день они напоминают мутные осколки бутылочного стекла. Но стоило солнечному лучу пробить облака и коснуться этих капель — исчезла бутылочная мутность, они засверкали драгоценными камушками-слёзками.

— Мэл, — тихо прошептал Александр, так тихо, чтобы горячее дыхание не потревожило паутинных слёз, — мы с тобой две капли. На нас упал луч солнца и осветил. Я это понял. Но понимаешь ли это и ты?

Вечерело. Леший обеспокоенно метался по поляне. Она не шла. Неужели он ошибся? Нет, в это не верилось, не хотел верить!

Александр пошёл на встречу. Она сидела у пруда и плакала. Мэл так и не решилась прийти к нему, но и уйти была не в силах. Он осторожно приблизился к девушке.

— У тебя есть семья? — спросил Леший

— Мать и две младшие сестры, — прошептала она, нахохлившись, как воробушек. — Отца нет и не было никогда. Я в семье за старшего.

— Насколько я понимаю, ты тоже не городская, — сказал Леший, разглядывая дальний берег пруда.

— Да, я выросла в посёлке. Окончила педагогический институт и стала работать в школе. Мама часто болела, денег не хватало. Было тяжело. Как-то приехал из города одноклассник и предложил танцевать и петь в ночном клубе. Платил хорошие деньги. Но я не люблю этим заниматься, а выхода нет. Мама работать не может. Сестрёнки ещё в школе. Всё бы ничего, но одноклассник, помнишь того парня, которому я врезала, — он стал требовать больше. Тот ещё гад!

— Чем больна твоя мать? — тихо спросил Леший.

— Лёгкие... Врачи говорят, нужен горный воздух, а где я его возьму?

— Горный воздух я сейчас не обещаю, но пойдём, тебя кое-что ждёт.

Она посмотрела на него снизу вверх, со вздохом вложила в его ладонь свою и поднялась.

Леший провёл её через берёзовую рощу и вывел на поляну. Там мирно пасся стреноженный гнедой жеребец. Мэл ахнула и прижала руки к щекам. Кинулась мужчине на шею и громко чмокнула в щёку.

— Леший! Леший это же... это же!

Она осторожно подошла к жеребцу и ласково заговорила с ним, зашептала что-то на ухо, теребя щетину обрезанной гривы. Жеребец добродушно всхрапывал и фыркал.

Саша улыбнулся. Благо ипподром рядом. Ящик водки сторожу — и сказка для Мэл состоялась. Он взял седло, которое припрятал под ёлкой, и направился к ней.

Сначала девушка изволила прогуляться на коне в гордом одиночестве. Мэл носилась по парку и вытряхивала из души последние сомнения. Поступок Лешего дал понять, что он не думает о ней плохо,

что реальность на этот раз милостиво ответила на её молитву. Девушке подарена именно та Встреча.

Леший ждал под ёлкой, подставив лицо лучам заката. Вскоре подъехала Мэл и вознаградила его за терпение, позволив сесть за её спиной. Он набрался храбрости и обнял за талию. Девушка слегка натянула поводья и направила жеребца вглубь парка.

Они петляли среди деревьев, и их плечи собирали листья осени, как награды.

Наконец, Мэл остановила коня в центре ещё одного паркового чуда — рощице из яблонь.

— Здесь небольшой сад из диких яблонек. Сейчас не так красиво. Вот весной, когда они в цвету. Я смотрю на яблоневый сад... — её голос снизился до шёпота, — и чувствую себя невестой. Как будто они и я — одно целое... Как-то я шла с занятий, шла мимо Дворца бракосочетания. Смотрю в огромное окно, а там, в зале, множество девушек в белом. Они смеялись, щебетали... — красивые! Но я вдруг ощутила, что всё-таки там чего-то не хватает. Я пыталась понять, чего же? Оказалось, там просто не было меня. А яблоневый сад, когда он в цвету, я в нём чувствую себя невестой среди невест. И так каждую весну...

— Девочка моя, — прошептал Саша и вжался лицом в изгиб её шеи.

Она с готовностью повернулась к нему, заглянула в глаза, и неуверенно ткнулась губами в его губы...

Конь мирно щипал траву, пока двое страстно целовались на его спине. Они задыхались от любви и вбирали друг друга в душу, в самое сердце.

— Как тебя зовут? — задыхаясь, спросила Мэл.

— Александр. А тебя?

— Марина. Здравствуй, Саша! — она ликовала.

— Здравствуй, Марина! — И он снова приник к её губам, как к долгожданному роднику чистой воды.

Солнце давно закатилось. Быстро темнело. Небо проклёвывали первые звёзды. Двое возвращались в город.

— Саш, меня в Москву пригласили поработать, в кабаре. Обещают хорошие деньги и квартиру. — Она уткнулась в его плечо и затихла.

— Ты можешь подождать меня до весны? — он и не думал с ней расставаться.

— До весны?! До весны могу.

8. Дом

Александр стоял на взгорье и смотрел в долину. Горная река синей змеей делила долину на две неровные половины и за взгорьями впадала в большое озеро. Один из притоков реки омывал его сад. Жаль только в тот роковой день его воды не хватило затушить пожар!

Он не был здесь почти десять лет, но душа помнила каждую тропу, каждую линию зелёных холмов, окружавших родную долину.

Он присел на траву и закурил. Взгляд неторопливо скользил по знакомым местам. Чуть левее посёлок, дома в нём всегда белили белой извёсткой. Среди зелени персиковых деревьев, раскидистых черешен и постоянно цветущих гранатов белые домики выглядели игрушками, слишком красивыми, чтобы не подумать, что это сон. Во всём посёлке около десятка пятиэтажных домов, всё больше двухэтажные, в которых селились большой семьёй.

Леший посмотрел в сторону своего дома. За годы его отсутствия всё поросло буйной зеленью, опутано разросшимся диким виноградником, среди которого серыми осколками торчали изломы фундамента и ограждений. Часть сгоревшего сада, что примыкала к дому, теперь зеленела молодой порослью. Дети погибших родителей тянули ветви к солнцу, даря миру свои плоды в полновесных алых, медовых слитках.

Он не видел могилы матери, её похоронили без него, но знал, что она находится рядом с могилой отца. Лишь на один день приезжал Александр в посёлок, чтобы посидеть в доме старого друга, послушать рассказ о том, как она умерла от глубоких ожогов, — и уехать на долгие десять лет... и вернуться.

Длинная тень проплыла по траве, и у ног Лешего лёг большой чёрный с сединой пёс.

— Айлаг? Живой!

Рядом пролегла ещё одна тень.

— Искандер?! Ты вернулся, сынок. Я знал, что ты вернёшься.

Александр поднялся и обнял маленького седого казаха в островерхой шапке с посохом в руке.

— Чингиз-ага! Я рад видеть вас.

— Эта земля не видела тебя слишком долго, сынок, — проговорил старик и протянул руку в сторону запущенного сада. — Посмотри, разве ты не видишь — это лицо твоей матери. Ты приехал разгладить её морщины?

— Да, — прошептал Леший, — я приехал разгладить её морщины.

— Она ждала тебя, сынок, поверь, мы все тебя ждали.

Леший поднял сумку на плечо, взял старика под руку и спустился с ним в долину.

Он и представить себе не мог, какое это счастье строить свой Дом. Заливать фундамент, закладывать первую кладку камня и замешивать раствор. Дни длинной южной осени сменились короткой зимой. Леший носился в ближайший город, закупал лесоматериал, черепицу, цемент, ругался с поставщиками и чувствовал, что в этой суматохе он заново обретал себя. Съездил в алма-атинский питомник и купил пять десятков саженцев для обновления сада.

Дом строился быстро, Александру помогал чуть ли не весь посёлок. Он знакомился, узнавал забытые, уже постаревшие лица и выросшие молодые.

Он не скупился на улыбки, но о себе рассказывал мало, больше слушал и работал, работал, как раб, обретший свободу.

Новый Дом — Дом его будущих детей, гнездо Рода, — простоит неисчислимо долго. Возведённый его руками, скреплённый его силой и волей, он крепко будет стоять посреди яблоневого сада укромным уголком — маленьким Раем, украденным у тоски и разрушенья.

Как-то Чингиз-ага оторвал его от работы и повлёк к могилам родителей. К тому времени Саша поставил широкую железную оградку, врыл столик и пару скамеек. Заботливой рукой старого казаха на столике стояли бутылка столичной и пара стаканов.

— Видишь, Искандер, я не забыл обычаев русских. Я даже помню тот день, когда приехали твои родители и поселились тут, — сказал старик и разлил водку по стаканам. Леший выпил и неуверенно заговорил.

— Она необычная девушка, в ней что-то такое есть. Я не знаю, как объяснить.

Старик улыбнулся, отчего его лицо стало напоминать печёное яблоко.

— Человека объяснить нельзя, сынок, его можно принять и полюбить.

— Она любит яблоневый сад, особенно в цвету.

— Значит, её дом здесь. Не жди долго, привози свою невесту, и пусть любовь наполнит вас, как дождевая вода наполняет колодцы. Ничего не бойся.

9. Элегия

Александр никогда не мечтал об идеальной девушке, а если бы и мечтал, то это обязательно оказалась бы Марина. С её игривой загадочностью, не злой иронией и верой в лучшее. Именно её вера помогла ему преодолеть себя, очистить свой мир от боли. Только теперь он осознал, что судьба не только жестока, но и справедлива. Всё в его жизни предстало мудрой закономерностью: и смерть матери, и война, и это возрождение.

Но пока Леший строил дом, он сомневался, а примет ли его семья Марины, согласится ли переехать в его посёлок и осесть навсегда? А сама Мэл, захочет ли она оставить город и жить в долине?

Александр не находил себе места от этих мыслей. И неожиданно ему приснился сон. Он стоит у дуба и вынимает маленькую записку из дупла. Разворачивает и читает: «Я бросила кабаре. Еду к тебе!».

...И вот он везёт её в свой родной край. Они вышли из автобуса намного раньше остановки. Леший немного нервничал, но шёл по давно спланированному пути. Делал всё, как задумал, когда строил дом.

Он завязал ей глаза платком и посадил себе на спину. Предстояло одолеть взгорье. Мэл не сопротивлялась, но как-то притихла.

— Леший, меня ждёт сказка, да? — неуверенно спросила она,правляя повязку на глазах и удобнее устраиваясь на его спине.

— Я надеюсь, — туманно ответил он.

— Саш, мне страшно!

Он рассмеялся:

— Не бойся, я же буду рядом. Я теперь всегда буду рядом!

Леший остановился на взгорье и опустил девушку на землю, изрядно взмокнув.

— Приготовься, — прошептал он, поцеловал нежно в губы и снял платок с её глаз.

Она жмурилась, привыкая к солнечному свету. Александр развернул её так, чтобы взгляд сразу падал на цветущий яблонево́й сад и двухэтажный дом, утопающий в зелени деревьев. На удачу Леший посадил около дома несколько берёз в память о городском парке.

Мелодия растерянно смотрела на великолепие сада, и слёзы текли по побледневшим щекам. Испугавшись чего-то, Александр быстро заговорил:

— Дом ещё не достроен, но уже осенью можно будет привезти сюда маму. Ты говорила, горный воздух пойдёт ей на пользу. В посёлке есть школа, я спрашивал, там не хватает педагога по вокалу и хореографии, а ещё... — он не договорил. Она зажала его губы тёплой ладонью.

— Леший, здесь так красиво, что сердцу больно.

Девушка смотрела на сад, на белоснежные шапки гор вдали, и у неё не было сил выразить многообразие чувств, захлестнувших душу.

— Леший, я чувствую себя невестой! — вдруг прокричала она и, раскинув руки, побежала к яблоням.

Александр улыбнулся.

— Ты и есть невеста! — откликнулся он и ринулся за ней в цветущий яблонево́й сад!

*Тюменская область,
п. Октябрьское*



Содержание

Сказки

Водяной	5
Нефритовое ожерелье	21
Кжена и Ратген	73
Падчерица	145

Сказы

Горбатый мальчик	161
Капля	185
Место в Раю	197
Элегия	247

Литературно-художественное издание

Тамара Львова
Сновиденный мир

Сказы, сказки

Редактор В.В. Шелленберг

Член Союза российских писателей

Корректор Н.Ф. Шестова

Иллюстрации — Т.А. Букова

Дизайн, вёрстка — Ю.П. Радзиевская



*Отзывы о книге можно направлять
на e-mail автора:
milena_i777@mail.ru*

Подписано в печать 13.10.2014 г.
Оперативный способ печати.
Тираж 150 экз.

Отпечатано ООО «Полиграфический центр КАН»
644122 г. Омск, ул. Красный Путь, 30, тел.: (3812)24-70-79; 8-904-585-98-84
E-mail: pc_kan@mail.ru Лицензия ПЛД № 58-47 от 21.04.97

Тамара Александровна Львова родилась в селе Ермак Нововаршавского района Омской области. Окончила медицинский колледж. С 1998 года — член Московского литературного объединения «Вешняки», а с 2008 года — «Няганские родники» города Нягань.

Публиковалась в журналах и альманахах: «Литклуб», «Перовские страницы», «Просто из атомов», «Третья планета от солнца», «Странствия» (г. Москва); «Серебряная Обь», «Няганские родники» (г. Нягань); «Твой мир велик и многолик» (г. Ханты-Мансийск); «Иртышъ-Омъ», «Тарские ворота», «Можно коснуться неба», «ПарОм», «Литературный ковчег» (г. Омск).



Участник регионального семинара поэзии и критики «ПарОм» 2012, 2013 годов (г. Омск). Автор книг: «Серебряные кружева» — сборник стихов, 2004 год, «Дневники поэта» — стихи и проза, 2007 год, «Книга Ноэля» — стихи и проза, 2008 год, «Осмысления» — миниатюры и стихи, 2010 год.